

ВЛАДИСЛАВ
ХОДАСЕВИЧ

НОВАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

ВЛАДИСЛАВ
ХОДАСЕВИЧ

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

МАЛАЯ СЕРИЯ

Гуманитарное агентство
«Академический проект»

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Санкт-Петербург
2001**

Редакционная коллегия
А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, М. Л. Гаспаров, А. Л. Зорин,
А. В. Лавров, А. М. Панченко, И. Н. Сухих,
Р. Д. Тименчик

Составление, подготовка текста,
вступительная статья и примечания

Дж. МАЛМСТАДА

Институт русской литературы благодарит
Администрацию Санкт-Петербурга,
Правительство РФ и Всемирный банк
за помощь в осуществлении настоящего издания

ISBN 5-7331-0139-3

9 785733 101385

© *John Y. Malmstad, вступ. статья,
состав, примеч.. 2001*

© *Гуманитарное агентство
«Академический проект», 2001*

Поэзия Владислава Ходасевича

«Очень важная во мне черта — нетерпеливость», — заметил однажды Владислав Фелицианович Ходасевич в начале своего автобиографического очерка «Младенчество». «Может быть, — продолжал он, — я, так сказать, опоздал родиться»¹. Ибо когда он, последний из шести детей, появился на свет 16 (28) мая 1886 года, родители уже были пожилыми: его отцу, Фелициану Ивановичу, выходцу из польско-литовской обедневшей дворянской семьи, шел пятьдесят второй год, а матери, Софье Яковлевне, сорок второй². Одиннадцать лет отделяло его от родившейся до него сестры. Многие годы его преследовала мысль о том, что он «подкидыш», впоследствии, уже в поздних стихах, отозвавшаяся мотивом «сироты» и «пасынка». Как бы в возмещение за позднее появление на свет, он родился двумя неделями прежде положенного срока. Это проявление нетерпеливости едва ли не стоило ему жизни и стало первым в ряду «многих неприятностей», доставленных ему попыткой «наверстать упущенное», как он сам отмечал в автобиографии. Хрупкое сложение («Я был слаб и хил чрезвычайно»³) и слабое здоровье были его проклятьем до конца дней.

Как сам он заметил в «Младенчестве», позднее рождение сказалось даже на его месте в истории русской литературы: «Родись я на десять лет раньше, был бы я сверстником декадентов и символистов: года на три моложе Брюсова, года на четыре старше Блока. Я же явился в поэзии как раз тогда, когда самое значительное

из мне современных течений уже начинало себя истощивать, но еще не настало время явиться новому. Городецкий и Гумилев, мои ровесники, это чувствовали так же, как я. Они пытались создать акмеизм, из которого, в сущности, ничего не вышло и от которого ничего не осталось, кроме названия. Мы же с Цветаевой, которая, впрочем, моложе меня, выйдя из символизма, ни к чему и ни к кому не пристали, остались навек одинокими, “дикими”. Литературные классификаторы и составители антологий не знают, куда нас приткнуть»⁴.

Есть определенная закономерность в том, что Ходасевич постоянно ставил в тупик литературных систематизаторов и что его место в истории русской литературы отмечено печатью некоторого смещения. Избалованный любовью и заботой родителей, старших братьев и сестер, он в то же время очень рано познал горечь разочарования. После того как в возрасте четырех лет он впервые попал в Большой театр, он решил стать танцором. Имея незаурядные способности к танцам и до конца жизни сохранив любовь к балетному искусству, он тем не менее не мог по состоянию здоровья вынести жесткой системы балетных тренировок. И если сам по себе балет так или иначе привел его, как он сам отметил в «Младенчестве», «к искусству вообще и к поэзии в частности», то особая очарованность танцем, тот непосредственный интерес к нему, который делал сцену Большого театра его «духовной родиной», будет ему всегда заказан⁵. Оркестровая яма, отделявшая зрителя от танцора, — вот первая пропасть в ряду многих последующих, наведение мостов через которые станет делом его жизни и искусства.

Чтобы как-то приукрасить не располагавшую к себе внешность, молодой Ходасевич какое-то время должен был носить маску денди, изысканная одежда и манеры

которого были как бы укором грубости и несовершенству мира. Озабоченность внешним видом и привычка подвергать тщательному анализу видимую миру сторону самого себя так и не покинула его, найдя свое выражение в зрелых стихах, с их зеркалами и темой нарциссической одержимости («Перед зеркалом», 1924).

Понятие «компенсации» лежит в самой представлении Ходасевича об искусстве. Он настаивает на том, что литература, как всякая работа воображения, является попыткой человека компенсировать свою ограниченность. Это убеждение составляет основную драму в его зрелых стихах, которая рождается из противоречий между возможным и действительным, стремлением и невозможностью достижения, умозрительным и вещным, идеальным и земным, — противоречий, которых поэт не в состоянии разрешить, поскольку жизнь, порождая стремления, одновременно делает тщетными любые порывы к трансцендентальному. И все же поэт не может не стремиться к примирению этих противоположностей, даже сознавая всю невозможность этого примирения, зная, что жизнь и воображение — силы враждебные, абсолютно непримиримые⁶. В результате — всепроникающий скептицизм и беспощадная ирония. Поэт силится достичь абсолютного, некоей трансформированной реальности, цельности личности, но даже если ему удастся достичь этого, то лишь на одно мгновение, чаще всего в момент творчества. Произведение искусства может зафиксировать и воплотить это мгновение, когда поэт на миг поднимается над собой (тема великолепной «Баллады» 1921 года), но этот опыт непродолжителен. Через бездну невозможно перекинуть мост. Разочарование неизбежно, «компенсация» искусства коротка. «Дать портрет писателя значит прежде всего — во всей полноте представить его творческую трагедию (по существу всякое творчество

внутренне трагично)», как написал сам Ходасевич в 1933 году⁷.

Ключевое слово здесь — «преображение». В статье, озаглавленной «Глуповатость поэзии», которая, может быть, более чем какая-либо другая заслуживает право называться литературным манифестом, он настаивает на том, что «поэт, не искажая, но преобразая, создает новый, собственный мир, новую реальность, в которой незримое стало зримым, неслышное слышимым. Есть каждый раз нечто чудесное в возникновении нового бытия. <...> “Попадая в поэзию”, вещи приобретают четвертое, символическое измерение, становятся не только тем, чем были в действительности. То же надо сказать о самом поэте. Преобразуется и он»⁸. В многочисленных своих статьях он еще и еще раз подтверждает эту свою веру в то, что «преображение действительности» является единственно подлинной заботой искусства. Это и делает искусство одновременно мифологическим и религиозным в особом смысле, и для Ходасевича этими особенностями была отмечена, в частности, русская литература: «...русская литература велика и сильна <...> своим даром с необычайным бесстрашием и напряжением искать высшей правды, философской и религиозной. Это искание понуждает ее с тою же силой стремиться к осознанию того, что есть мир вообще и Россия в частности. Процесс осознания такого протекает в форме преобразования действительности, то-есть, в единственном художественно-законном действии»⁹.

В нем не было ни капли русской крови, но он всегда считал себя русским по культуре и, как многие русские, написал свое первое стихотворение будучи еще ребенком, в возрасте шести лет. К 1903 году семнадцатилетний студент с уверенностью заявил о том, что «стихи навсегда»¹⁰, и никогда впоследствии не сомневался в сво-

ем выборе. Когда в символистском альманахе «Гриф» в 1905 г. появились его первые стихи, он учился (впрочем, урывками) в Московском университете (так никогда и не получив университетской степени)¹¹. С этого времени он зарабатывал на жизнь стихами, переводами, рецензиями, фельетонами, рассказами и случайной литературной поденщиной, такой, как составление антологий, часто ведя божественный образ жизни на грани нищеты в компании таких же, как он, писателей¹². Однако никакая другая, кроме литературной, карьера никогда всерьез не привлекает его.

«У символизма был *genius loci*, дыхание которого разливалось широко. Тот, кто дышал этим воздухом символизма, навсегда уже чем-то отмечен, какими-то особыми признаками (дурными или хорошими, или и дурными и хорошими — это вопрос особый)», — напишет он в статье о символизме¹³. Он явился в литературе, по его собственным словам, когда в символизме уже проступали признаки истощенности, но еще успел вдохнуть его наэлектризованный воздух в московских литературных кругах первого десятилетия двадцатого века, «когда этот воздух еще не рассеялся и символизм еще не успел стать планетой без атмосферы»¹⁴. Он знал всех крупных и второстепенных писателей, объединенных вокруг символизма в России, печатался в символистских изданиях и принимал участие в литературной деятельности этого направления, хотя сам стоял в стороне от них. Таким образом, он получил возможность постичь суть этого явления, будучи причастным ему, и в то же время сохранить чувство перспективы, неведомое для самих символистов. Это преимущество вкупе с острым критическим чутьем и, по существу, историческим, филологическим в большей степени, чем философским, воображением дали ему возможность писать воспоминания и критические

работы, посвященные символизму, не превзойденные до сих пор.

В статье 1929 года, посвященной поэзии Бунина Ходасевич делает отступление, чтобы заметить, что «появление символизма было неизбежно, и в начале девятисотых годов он стал самым деятельным и самым определяющим явлением русской поэзии. Можно было его принять или отвергнуть, быть с ним или против него. Остаться вне борьбы могли только существа литературно безвольные, мертвые. <...> В условиях русской поэзии XX века нельзя было безнаказанно отвергнуть весь символизм, отбросив все его правды вместе с неправдами»¹⁵. Ходасевич прекрасно понимал, что глубочайшими корнями своей поэзии он коснулся «правды» символизма (его субъективизма, идеалистических воззрений на искусство и приверженности к преображению действительности в творческом акте). Но «неправда» символизма тоже слишком очевидна в его первом сборнике стихов.

* * *

На стихах 1905—1907 годов, вошедших в сборник «Молодость» (1908), лежит осязаемый отпечаток *fin de siècle*. Позднее Ходасевич со свойственной ему откровенностью напишет: «Было мне двадцать лет. Я жил в Москве, писал декадентские стихи и ничему не удивлялся, предпочитая удивлять других»¹⁶. Бледные и болезненные стихи «Молодости», с их замкнутым пространством, тревогой, сумерками, стоят в опасной близости к соблазнительным безднам и поверхностному позерству пресыщенного жизнью декадентства. В свое время они едва ли привлекли чей бы то ни было интерес, и Ходасевич никогда их не переиздавал¹⁷. В них можно найти образы и мотивы, которые останутся и в зрелых стихах:

окно, звезда, человек, который смотрит на себя и ужасается:

Самого себя жутко.
Я — не я? Вдруг да станется?
Вдруг полночная шутка
Да навеки протянется?
(«Ряженые», 1906)¹⁸

Но в целом сборник представляет собой доказательство сказанного самим Ходасевичем: «... Юношеские творения каждого выдающегося художника далеко отстоят от его зрелых произведений»¹⁹.

Годы подлинного поэтического ученичества Ходасевича приходятся на время между 1908 и 1913 годами. Именно тогда он занялся внимательным изучением поэзии Пушкина и его современников, которое продолжалось до конца жизни и выдвинуло его в ряды ведущих специалистов в области так называемого «Золотого века» русской поэзии. Это занятие помогло ему выбраться из сумерек осеннего декадентства его эпохи и прочно связать свое творчество с традицией, которая выдержала испытание временем. Нелегкой задачей оказалось выработать стиль, корнями уходящий в классицизм, сбрасывая с себя при этом декадентский маньеризм (он называл его «ядом, бродящим в крови» символизма)²⁰ и стараясь преодолеть ту «расплывчатость мысли и неточность словаря», которыми были отмечены «обыкновенные стихи символистской поры» (не исключая и его собственных)²¹, не сводя ни минуточку с «правды» символизма. Однако Ходасевич постепенно сумел дисциплинировать свой язык, свою мысль и самого себя, что было особенно удивительным, если вспомнить, сколько литературных произведений (да и судеб литераторов) были испорчены потаканием собственным прихотям.

Лучшие из стихотворений (их было немного, в общей сложности 39), написанных в этот период, появились во второй книге его стихов «Счастливый домик» (1914). Владимир Вейдле считал, что это «предрасветные стихи — не стихи Ходасевича — стихи до Ходасевича», в этом смысле сходные со стихами «Молодости»²². Как и эти последние, они не были включены поэтом в однетомник, опубликованный в 1927 году. Вместе с тем ими ни в коем случае нельзя пренебречь (как отметили в свое время несколько рецензентов, в том числе и взыскательный, как всегда, Гумилев²³). Их заметная сдержанность говорит о том, чего достиг Ходасевич, погрузившись в изучение строгой поэтики пушкинского времени и его «школы гармонической точности», заимствуя ставший классическим термин Л. Я. Гинзбург²⁴. Пушкиным же («И от недружеского взора / Счастливый домик охрани» — «Домовому», 1819) подсказано и само название сборника, конкретная предметность которого контрастирует с абстрактной «молодостью» первой книги. Характерно, что образ крыльев как эмблема духовного порыва, занимающий центральное место в зрелых стихах Ходасевича и отсутствующий в статическом и одноцветном мире первого сборника, появляется впервые здесь, в заключительном стихотворении «Рай» (1913):

...а в последнем сне
Сквозь узорный полог, в высоте сапфирной
Ангел златокрылый пусть приснится мне.

И все же, несмотря на эти завоевания, на разнообразие тона (поэт не боится теперь улыбнуться, а по временам даже рассмеяться) и интимность интонации, здесь еще нет непосредственной реакции на жизненные впе-

чатления, характерной для зрелого Ходасевича: подлинное его лицо еще не определилось.

В рецензии 1914 года на брюсовскую «*Juvenilia*» Ходасевич точно определил то, что, по его представлениям, лежало в основе символистской «неправды». Символизм не только противопоставляет предметную реальность и реальность создаваемого произведения искусства, но и окончательно разрывает всякие связи между ними, говоря о том, что «два мира разделены окончательно»²⁵. Теперь поэту ясно, что для него подобный разрыв губелен, а существенным, напротив, является, говоря его же собственными словами, «сплав жизни и творчества»²⁶, индивидуальная жизнь, прожитая в определенном времени и месте. (Нас не удивляет поэтому, что в своей критике, особенно в статьях о Пушкине, Ходасевич будет настаивать на интимных связях творчества и биографии как совершенно обязательных и подлежащих выявлению.) Искусство должно преобразовывать мир, но художник должен стремиться через воображение овладеть повседневностью. Эта «правда» открылась Ходасевичу, когда однажды, путешествуя по Италии, он стоял над Brentой, сравнивая ее откровенно прозаический вид («Брента, рыжая речонка, / Лживый образ красоты!») с «вдохновенными мечтами», вызванными ею в душах предшествующих поэтов. Позднее он напишет: «С той поры люблю я, Brenta, / Прозу в жизни и в стихах» («Брента», 1920). Мы находим плоды этого прозрения уже в отдельных стихах «Счастливого домика», но только лирика, созданная между 1914 и 1920 годами, по-настоящему документирует заново открытый им мир — в этот процесс так или иначе были вовлечены все постсимволистские поэты — и, вырвавшись таким образом из творческого тупика, поэт сумеет достичь вершин в своей поэзии 20-х годов, когда напишет:

Потом, когда в своем наитье
Разочаруешься слегка,
Воспой простое чаепитье,
Пыльцу на крыльях мотылька.

(«Пока душа в порыве юном...», 1924)

«В жизни каждого поэта (если только не суждено ему остаться вечным подражателем) бывает минута, когда полусознанием, полуощущением (но безошибочным) он вдруг постигает в себе строй образов, мыслей, чувств, звуков, связанных так, как дотоле они не связывались ни в ком. Его будущая поэзия вдруг посылает ему сигнал. Он угадывает ее — не умом, скорей сердцем. Эта минута неизъяснима и трепетна, как зачатие. <...> После нее все дальнейшее — лишь развитие и вынашивание плода»²⁷. Так писал Ходасевич в своей биографии Державина, и он мог бы иметь в виду самого себя, когда (начиная с 1914 года) он начал писать стихи, которыми хотел бы быть отмеченным в памяти потомков. Этот период совпал с началом Первой мировой войны, о котором Ахматова сказала: «Мы на сто лет состарились, и это / Тогда случилось в час один» («Памяти 19 июля 1914»). В Ходасевиче перемены не произошли «в час один». Все написанное в 1914—1915 годах (за исключением четырех стихотворений) он не стал публиковать в составе третьего сборника — «Путем зерна» (1920, 2-е изд., перераб. — 1921), первой книги, вобравшей в себя то, что Ходасевич и большинство его критиков считали зрелыми произведениями: «...только в “Путем Зерна”, погрузившись в Пушкина целиком, Ходасевич становится самим собою»²⁸. Но «сигнал» своей будущей поэзии он услышал в 1914 году и именно тогда он посадил «зерно», проросшее позднее «плодом» его зрелых стихов.

Поэт в буквальном смысле выходит на свою дорогу в стихотворении 1916 года, озаглавленном «На ходу»: стиснув пакет, ощущая боль в руке, теперь он в самом деле становится частью этого мира. Но это еще в большей степени делает его чувствительным к присутствию в мире чего-то еще, чего-то неопределимого, но поэтически реального:

Еще томят земные расстоянья,
Еще болит рука,
Но всё ясней, уверенней сознание,
Что ты близка.

Тема «другого» звучала и в ранних стихах Ходасевича, но здесь впервые это чувство дает о себе знать через такое же обостренное ощущение реальности и пристальное внимание к деталям жизни, окружающей поэта. Антураж этого стихотворения все еще недостаточно дифференцирован, но по мере того, как тема «другого» звучит во все большем и большем числе лирических произведений, вместе с ней определяется и чувство места. Это место — родная поэту Москва. Первые два стихотворения, заимствующие свои названия в реальной топонимике города, — «В Петровском парке» и «Смоленский рынок» — написаны в конце 1916 года. Тема их — смерть, одна из главных тем «Молодости» и «Счастливого домика», но как отличаются эти стихи от ранней поэзии! В первом из них от третьего лица описывается самоубийство («Висел он, не качаясь, / На узком ремешке...»). Поэт никак не комментирует происшедшее, но просто сообщает о реально увиденном ужасе, как это явствует из инскрипта Ходасевича на экземпляре своего «Собрания стихов» (1927), принадлежавшем Нине Берберовой: «Видел это весной 1914 г. на рассвете, возвращаясь <...> из ночного ресторана в Петр<овском> Пар-

ке». В «Смоленском рынке» нет и следа декадентства. Отход от обычного сознания и преобразование уродливой реальности остается здесь основной целью, но слова «Преобразись, / Смоленский рынок!» в конце стихотворения идут за символическим приятием поэтом прозаической реальности, которая его окружает, более того — его «приобщением» к ней: «Всё к той же чаше / Припал — и пью...». Сборник «Путем зерна» открывается стихотворением, в центре которого библейский (и символический) образ зерна, умирающего и воскресающего, чтобы дать новую жизнь. Этот образ проходит через всю книгу, которая кончается стихотворением «Хлебы» (1918), где зерно «собрано» и «преображено». Ангел благословляет земной труд выпекания хлебов как залог ценности жизни: «Клянется ангел нам, что истинны, как небо, / Земля, любовь и труд». В 1927 году Ходасевич написал, что молодой Веневитинов обрек себя на второстепенность, так как «свои чувства он все хотел очистить от личного, непосредственного. <...> Он не мог допустить и мысли о том, чтоб явиться в поэзию в своем собственном виде. <...> Он никак не хотел и не мог допустить, что поэт именно превращает свое малое, минутное — в великое и вечное, а не наоборот»²⁹. Ходасевич мог бы то же сказать и о своей ранней поэзии, и за те десять лет, что отделяют его первые опыты от лирики 1916 года, он хорошо усвоил этот урок.

В стихах, написанных в промежутке между 1916 и 1920 годами, Ходасевич все более опрозрачивал свое видение в языке, получившем способность сопротивляться субъективным преувеличениям и способном иметь дело с той реальностью, содержанием которой было, например, самоубийство его ближайшего друга, поэта Муни (С. В. Кисина), или тяжелая болезнь самого поэта в 1916 году, не говоря уже, безусловно, о мировой и Граж-

данской войнах и революции. Наиболее поразительными в сборнике являются, без сомнения, длинные повествовательные стихотворения, особенно четыре из них, написанные в 1918 году («Эпизод», «2-го ноября», «Полдень», и «Встреча»). Создается впечатление, что здесь белый стих, поначалу заимствованный у Пушкина, как бы смягчает синтаксис поэта и расширяет диапазон его дикции. Словарь, основанный на языке, которым говорило русское образованное общество, вполне соответствует поставленной задаче: охватить и суметь выразить как наиболее разговорное, так и наиболее возвышенное. Здесь прозаическое, земное сочетается с поэтическим и высоким. Вместе с другими лучшими стихотворениями сборника они рассказывают о моментах напряженного, порой даже предельного опыта, поводом к которому послужил какой-то конкретный случай в настоящем («Эпизод», «2-го ноября») или воспоминание о таком случае в прошлом («Полдень», «Встреча»). Здесь достигнута та основательность детализирования, соединенная с точностью и экономностью, по которым можно безошибочно определить зрелый стиль Ходасевича. Темы символизма остаются, но с них совлечена метафизическая претенциозность и риторическая расплывчатость. Глубоко продуманные темы «другого» и «потустороннего» в контексте повседневности, лежащие в основе «Эпизода» и отзывающиеся в таких стихотворениях 1918—1919 годов, как «Стансы» («Но душу полнит сладкой полнотой / Зерна немое прорастанье») или «Про себя» (где тема раздельного бытия поэта впервые ясно заявлена: «И вот — живу, чудесный образ мой / Скрыв под личиной низкой и ехидной...»), — отныне будут определять следующий поэтический период в творчестве Ходасевича³⁰.

* * *

В годы революции и Гражданской войны ему пришлось разделить горькую участь всех соотечественников. Он нашел себе кратковременную урочную работу в качестве сотрудника различных организаций, учрежденных большевиками, с юмором, но и с дурными предчувствиями вспоминая об этом позднее в нескольких мемуарных набросках о своей «советской службе»³¹. В конце 1920 года, по настоянию Горького, он переехал из Москвы, города, в котором он до того провел практически всю свою жизнь, в Петроград, где вскоре поселился в Доме Искусств, известном, по определению Ольги Форш, как «сумасшедший корабль». С переменой места и атмосферы — «В Петербурге настоящая литература»³² — начался для него новый, необычайно длительный творческий период. В это время написаны стихи для четвертой книги Ходасевича, «Тяжелая лира» (1922; 2-е изд., перераб. — 1923), появившейся всего через два года после выхода его третьего сборника стихов (тогда как между предыдущими книгами прошло шесть лет). В центре сборника «Путем зерна» была тема жизни человека как земного существа. Ее Ходасевич не оставляет и в «Тяжелой лире», однако теперь в фокусе его внимания — творчество и связанные с ним мотивы поэзии и непреходящего в человеке: души, духа. Впервые эта тема возникает в стихотворении 1917 года из сборника «Путем зерна»:

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

Тема эта становится центральной в «Тяжелой лире».

Глядя в окно своей полукруглой комнаты в Доме Искусств (обстановка «Баллады», 1921 года), поэт обре-

тает видение мира в какой-то новой перспективе, а с ним и новый взгляд на себя. «Смотреть наружу» и «смотреть в себя» оказывается процессом одновременным: «Смотрю в окно — и презираю. / Смотрю в себя — презрен я сам» (1921). Характерной для сборника является ситуация, в которой «я» поэта в начале стихотворения лишено всего, кроме сознания собственной преходящести и неудовлетворенности миром. Будучи не в состоянии жить с тем «я», которое дано ему этим миром, поэт вынужден искать другого себя: совершенство своей души. Эта целомудренная и женская сущность (Ходасевич еще в детстве отождествлял себя скорее с балериной, чем с танцором) существует в звездной, залитой лунным светом сфере. (Солнце в сборнике представляет собой исходный символ обычного земного времени, прозаическое и ничем не озаренное существование, «воспаленный диск» или «солнце в шестнадцать свечей», не позволяющее нам узреть абсолютное: «Дневным сиянием объятый, / Один беззвездный вижу мрак...» — «Смотрю в окно», 1921.) Поэт любит ее не только потому, что она существует там, в мире совершенного, но и потому, что она — его Муза (Ходасевич сравнивал Психею с «Прекрасной Дамой» А. А. Блока³³.) Это ей дан был «дар тайношьшанья тяжелый» («Психея! Бедная моя!..», 1921). «Дух» поэта, его мужская ипостась, увязшая в мире безобразия, лишен свободы и красоты Психеи и должен прилагать невероятные усилия, чтобы преодолеть этот плен и достичь ее, как в стихотворении «Из дневника» (1921), наполненном образами, которые связаны с насилием, с чем-то режущим (символика очистительной боли, сопровождающей духовный рост):

Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.

В других стихах сама душа заточена в несовершенное тело и служит источником мучительной боли, когда она пытается освободиться и вернуться в область совершенного:

Пробочка над крепким йодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

(«Пробочка», 1921)

Поэт — пленник в этом мире и пытается выйти за пределы заданной ему реальности. Человек и его дух освободятся только после смерти, пока же он обречен лишь на бесплодные попытки вырваться из плена.

Эта тема, безусловно, не нова, но Ходасевич разрабатывает мотив двойственности в стихах «Тяжелой лиры» — и прежде всего раздвоенности личности — с огромным своеобразием и динамизмом: мечта/реальность; воображение/тривиальность; поэтическая выдумка/стерильность: «я»-душа или дух / «я»-тело; «я»-поэт / «я»-обычный человек. Его влечет к состояниям сознания, имеющим двойственную природу: сон/пробуждение; видимое, каким оно представляется впечатлениям наблюдателя, и сокрытое, доступное внутренним ощущениям («Ласточки», 1921). На эту двойственность указывают порой даже его рифмы, с их разъединяющей парностью различных стилистических регистров, например, иноязычных слов, часто прозаических, со словами родного языка — прием, которым Ходасевич пользовался еще в «Путем зерна»: «балкон»/«сон» («Вариация»); «свете»/«паркет» («Ищи меня»); «розам»/«туберкулезом» («Бельское Устье»); «коридоре»/«море» («Странник прошел, опираясь на посох...»); «отрадой»/«эстрадой» («Большие флаги над эстрадой...»)³⁴.

В рецензии 1932 года Ходасевич заметил по поводу любовной лирики в христианскую эпоху: «В ней нет или почти нет чистой эротики, *бескрылой, приземистой, материалистической*, а потому и неизбежно нехудожественной»³⁵. Три прилагательных, которые я выделил курсивом, и представляют собой тех врагов, с которыми, как считает Ходасевич, поэт и его «дух» должны сражаться. Мир, как это видно в стихотворении «Из окна» (1921), является достаточно сильным противником. В первой части стихотворения попытки к освобождению ни к чему не приводят: «Восстает мой тихий ад / В стройности первоначальной». Однако во второй части поэт, несмотря ни на что, ждет апокалипсического момента:

Прервутся сны, что душу душат,
Начнется всё, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.

В напряженной артикуляции этих стихов, написанных поэтом, ощущающим свою физическую и духовную изолированность, старающимся преодолеть все, что его ограничивает, и жаждущим освобождения; то впадающим в отчаяние (как в мрачном «Автомобиле» 1921 г., где поэт теряет «Психею светлую мою»), то иронизирующим («Перешагни, перескочи...», 1922), достигается сжатость восприятий благодаря выразительности и точности деталей, а также едва различимому усилению речи (порой встречающийся архаизм). Прямота и неукрашенный показ настроений или размышлений, связанных с конкретной ситуацией, обращают на себя внимание читателя в достаточно простых, канонических метрах (большинство стихотворений написано четырехстопным ямбом³⁶). Ходасевич не любил «преувеличенной метафоричности» в поэзии первых десятилетий прошлого века, сопутствующую

щей, как ему казалось, избытку неряшливого «самовыражения»³⁷. Он пользовался метафорой крайне редко (и с предельной осторожностью и умеренностью), предпочитая ей сравнение, ибо последнее не размывает границ между различием и подобием, между переходом из одной сущности в другую, как это свойственно метафоре. В тропе отражена главная суть его дуализма: невозможность ни полностью стать иным, ни оставаться в исходном положении³⁸.

Предпочитая в манере выражения простую декларативность, а в структуре — логику, Ходасевич видится обновителем поэтики предшествующего века, «поэзии мысли». Подобно Т. С. Элиоту и У. Б. Йейтсу, он находит свой голос через приобщение к прошлому. Тем не менее читатель никогда не спутает эту обманчиво простую и одновременно строгую лирику со стихами Пушкина, Баратынского, Тютчева или даже более близкого по времени Анненского³⁹.

Ходасевич был в зените своей славы как поэт в начале двадцатых годов⁴⁰. В стихотворении, написанном уже позднее, в 1926 году, он будет вспоминать:

Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои.

(«Петербург»)

«Тяжелая лира» удостоилась высокой похвалы многочисленных критиков, среди них наиболее заметной — Андрея Белого, который в двух рецензиях-статьях говорил о появлении нового большого русского поэта и пронизательно возвел родословную Ходасевича к Пушкину, Баратынскому, Тютчеву и Фету⁴¹. С ним, однако, не согласились другие. Белый в своей первой рецензии ци-

тировал следующие строки из «Когда б я долго жил на свете...» (1921):

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа, —

говоря о них: «Разве это поэзия? Простой ямб, нет метафор, нет красок — почти протокол; но протокол — правды отстоянного душевно-духовного знания. Знаете, чем волшеббно освещены эти не маркированные строчки? Одною строкой, верней одним словом “почти”. <...> Как в “чуть-чуть” начинается тайна искусства, так в слове “почти” <...> и это “почти” — суть поэзии Ходасевича»⁴². Д. П. Святополк-Мирский, который позднее назовет Ходасевича «маленьким Баратынским из Подполья, любимым поэтом всех тех, кто не любит поэзию»⁴³, цитировал те же строки в обзоре современной русской поэзии в 1922 году, но написал о них: «Последние его стихи <...> достигают пределов, за которыми начинается уже не поэзия, а “умное делание”. Крайняя простота, почти скудость строжайшей формы усиливает их бестелесность»⁴⁴. Эти два взгляда на Ходасевича довольно точно суммируют раскол мнений в критике о поэзии Ходасевича, который продолжался много лет, длится, может быть, до сегодняшнего дня. Для нас, однако, лучше вспомнить слова самого Ходасевича: «Тысячекратно осмеянное “родство душ” все же имеет решающее влияние на то, как складывается наше отношение к тому или иному художнику»⁴⁵.

В 1921—1922 годах, когда, как писал Ходасевич в «Петербурге»:

<...> в тьме гробовой, российской,
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музыкальный <...>

И я безумел от видений <...>

И, каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку, —

он ощущал свое поэтическое дарование как никогда раньше. В стихотворениях «Музыка» и «Баллада», которые открывают и заключают «Тяжелую лиру», он прославляет власть поэта, способного возвыситься над повседневностью (снова образ крыльев) и трансформировать «косную, нищую скудость безвыходной жизни» своего «я» и мира вокруг⁴⁶. Этого чувства трансцендентного становилось все меньше в эмигрантский период его творчества.

* * *

В июне 1922 года Ходасевич, как многие другие, но «легально» («для поправления здоровья») покинул Россию навсегда. С начинающей поэтессой Н. Н. Берберовой, сопровождавшей его, он на время поселился в Берлине. Там он писал стихи, наполненные кошмарными образами, подобными тем, что смотрят на нас с картин и рисунков немецкого художника Георга Гросса. Это стихотворения «An Mariechen», «С берлинской улицы», «Берлинское», «Нет, не найду сегодня пищи я...», и «Дачное»; все они были написаны в 1922—1923 годах. Он покинул Берлин

в ноябре 1923 года и странствовал по Европе, дважды останавливаясь на продолжительное время на вилле Горького в Сорренто. Наконец в 1925 году он поселился в Париже, где в тяжких условиях изгнания провел остаток своей жизни⁴⁷.

Стихотворения, написанные в этот период, составляют заключительную часть («Европейская ночь») его «Собрания стихов» 1927 года (также содержащего переработанный сборник «Путем зерна» и «Тяжелую лиру»). Мир «Тяжелой лиры» был для поэта временами уродливым и гнетущим. Теперь, оторванный от дома и находящийся в чуждом для него окружении, Ходасевич беспощадным взглядом смотрит на реальность вокруг. В этих стихах мир современного города предстает гротескным, отвратительным, населенным чудовищами, бесами и деформированными людьми. Читатель может не обратить внимания на ощущение поэтом унижительного родства с этими ужасающими фигурами, возникающими в стихах. Но ирония поэта, его горький сарказм в одинаковой степени направлены и на самого себя («Я, я, я. Что за дикое слово!..» — «Перед зеркалом», 1924), как это случалось порой и в «Тяжелой лире» («Смотрю в окно...», 1921). Тем не менее в его строках не надо искать признаний. В них звучит обвинение.

В стихах «Тяжелой лиры» было ощущение возможности перемен, ибо сквозь всю «непрочную грубость» земной жизни мы все еще чувствуем другую жизнь, к которой есть смысл стремиться:

И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия.

(«Ни жить, ни петь почти не стоит...», 1922)

И искусство предлагало возможность трансформировать воображением опыт жизни в этом мире, где, несмотря ни на что, есть красота и который в конечном итоге поставляет нам образы, перерабатываемые творческим воображением. В «Европейской ночи», по мере того как поэт все явственнее видит вокруг себя разлагающуюся цивилизацию, это предчувствие возможности преобразования истончается («Нет, не найду сегодня пищи я / Для утешительной мечты...») или, что чаще, если и сулит перемены, то к худшему. Временами поэт испытывает утомление и от искусства, и от трансцендентного:

Нет! полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадонн, —
И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

(«Хранилище», 1924)

Вместо этого в стихах, передающих мучительный опыт одиночества и смятения, он подчеркивает растущее в нем чувство границ и конечности. Однажды «окна» открылись для него с тем, чтобы дать хоть на миг представление о другой реальности. Теперь «Окна во двор» (1924) обнаруживают только замкнутое пространство двора за ними: «Всегда в тесноте и всегда в темноте, / В такой темноте и в такой тесноте!».

В нескольких стихотворениях «Тяжелой лиры» важную символическую роль играют руки, как посредники между душой и телом. В наводящем ужас «Автомобиле», например, они беспомощно протянуты в тщетной попытке поймать утерянную Психею. В «Балладе» им вручают «тяжелую лиру» триумфального поэта Орфея. В двух лучших стихотворениях в «Европейской ночи» появляются фигуры без рук: «безрукий» в другой «Бал-

ладе», 1925 года, и портной в «Джоне Боттоме» (1926) являются предметными символами не только обезображивающих результатов войны, но и ни во что не трансформируемых ужасов реальности настоящего. Везде в сборнике по мере того, как Ходасевич подвергает анализу те последствия для поэтического сознания, которые несет с собой отсутствие или недоступность как «другого», так и трансцендентных переживаний, чувствуется трагическая утрата поэтом всякого ощущения связи между ним и его Психеей. Здесь перед нами не столько дуализм его предшествовавшей лирики, сколько, как пронизательно определил Владимир Вейдле, «душевная разъятость»⁴⁸.

Иль сон, где, некогда единый, —
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия.

(«Весенний лепет не разнежит...», 1923)

Его личная боль дает определенное представление о мрачной беспочвенности и отчуждении самого европейского общества в годы после Первой мировой войны.

Поэтической вершиной сборника является большое стихотворение «Соррентинские фотографии» (1926) — размышление о связи воображения и памяти, в которой возникает двойной ряд накладываемых одно на другое воспоминаний. Первый ряд воссоздает картины похорон бедного «полотера» в Москве и пасхальной процессии по кривым улочкам Сорренто. Во втором на вид Неаполя сквозь легкую утреннюю дымку накладывается петербургский вид отраженного в Неве Петропавловского собора. Эти воспоминания группируются вокруг определяющей метафоры: снимка с двойной экспозицией, сделанного забывчивым фотографом-любителем («Порой

фотограф-ротозей / Забудет снимкам счет и пленкам...»). Поразительное достижение последнего периода творчества Ходасевича, не вполне характерное для стихов «Европейской ночи», — неожиданное чувство блаженства, возникающее когда статую Богоматери вносят в собор. Но даже здесь поэт остро осознает смещенность места и времени, собственную свою бездомность и зависимость от капризов памяти:

Воспомяненье прихотливо.
Как сновидение — оно
Как будто вещей правдой живо,
Но так же дико и темно
И так же, вероятно, лживо...

* * *

Как заметил Делакура, «быть поэтом в двадцать лет это просто быть двадцатилетним, в сорок же это быть Поэтом». Всего двадцать лет отделяют стихотворения первого сборника Ходасевича «Молодость» и последнего «Собрание стихов». Он никогда больше не издавал поэтических книг. В начале 1927 года парижская ежедневная газета «Возрождение» объявила Ходасевича своим главным критиком (а не литературным редактором, что неоднократно подчеркивал сам Ходасевич, умоляя авторов не присылать ему рукописей). Он оставался на этой должности до самой смерти. Он также (один или вместе с Н. Н. Берберовой) должен был составлять раз в неделю «литературную летопись», подписываемую псевдонимом «Гулливер»⁴⁹. Теперь он зарабатывал на жизнь журнальной работой, не только в «Возрождении», но и в других значительных эмигрантских изданиях Парижа, в основном в журнале «Современные записки». Сотни его рецензий и статей создали ему репутацию одного из ав-

торитетнейших арбитров в литературных баталиях эмиграции; к тому же его больше, нежели других, боялись. Подобная репутация предшествовала его карьере критика, как сам он, со свойственной ему иронией, подтвердил в стихах 1924 года:

...тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

(«Перед зеркалом»)

Кроме того он написал великолепную биографию Державина (1931), продолжал свои занятия Пушкиным (основные статьи этого периода были напечатаны в книге «О Пушкине», 1937) и начал серию мемуарных очерков о своих современниках («Некрополь», 1939). За стихи он, однако, садился редко.

После 1927 года до своей смерти от рака в Париже (14 июня 1939 года), вскоре после того, как ему исполнилось пятьдесят три года, Ходасевич написал в общей сложности около пятнадцати стихотворений. Большинство из них относится к 1928 году, среди них мастерски исполненные «Дактили» — портрет отца и в то же время одно из наиболее важных стихотворений об искусстве:

Мир созерцает художник — и судит,
и дерзкою волей,
Демонской волей творца — свой созидает, иной.

Даже случайные начала стихов или фрагменты редки в тридцатые годы. Смерть его кота Мурра послужила поводом для создания одной из замечательнейших в русской поэзии элегий («Памяти кота Мурра», 1934), в которой на смену интенсивности прежней лирики приходит какое-то новое (и необычное для Ходасевича)

спокойствие. Совершенно очевидно, что возраст не сказался на силе его поэтического дарования. Как не истощились и источники его поэзии. Несмотря на минуты отчаянья, связанного с невозможностью жить и писать и «там и здесь», Ходасевич, в отличие от Георгия Адамовича или Марка Слонима, всегда ратовал за возможность, и даже необходимость, эмигрантской литературы⁵⁰. Объяснение его поэтического молчания можно, скорее всего, найти в его взглядах на поэзию и искусство.

В «Европейской ночи» Ходасевич, которого волновала связь между идеальным и реальным миром, с метафизическим остроумием и иронией «очистил» большую поэзию от отчаянья. В отличие от поэтов так называемой «парижской ноты» эмигрантской поэзии, он дал муке связанное выражение и не находил удовольствия в оцепенелом перечислении безотрадностей жизни и мелких ран. Готфрид Бенн заметил однажды, что фоном современной культуры является пессимизм, однако любой писатель оказывается оптимистом самим фактом своего писательства. К концу двадцатых годов Ходасевич достиг того предела, за которым он уже не мог согласиться с подобным заявлением. Намек на это содержится в заключительных строках последнего стихотворения «Европейской ночи», замечательной «Звезды», где элементы реального мира — «созвездия», украшающие скудные костюмы исполнителей стриптиза в убогом парижском «театрике», — и воображение сливаются в один ужасающий кошмар, который поэт больше не в состоянии ни просветлить, ни трансформировать:

Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

Или, как он написал в «Хранилище»: «От восхождений и падений / Уж позволительно устать». Четыре года спустя эта усталость превратилась во что-то другое в исключительно личном «К Лиле» (1929), где заключительное четверостишие не в состоянии смягчить мучительную горечь предшествующих строк, в которых поэт растаптывает каблуком свою «лиру». (Потрясающее воздействие этого стихотворения и подобных ему, таких, как «Звезды» или вторая «Баллада», в которой поэт бьет своих ангелов, частично является следствием того, что читатель понимает, что поэт обесценивает здесь или отвергает центральные символы своей предшествующей поэзии.)

Через три года после выхода ходасевичевского «Собрания стихов» Георгий Иванов мог, например, написать:

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать.

(«Хорошо, что нет Царя...», 1930)

Ходасевич же, в силу присущего ему взгляда на искусство, не мог, в отличие от Иванова, создавать поэзию из нигилизма: «...на стихах я поставил крест. Теперь нет у меня ничего»⁵¹. Он не мог допустить взгляда на жизнь как на бесконечный поток без какого-либо высшего смысла, что является первой предпосылкой религии и метафизики. Когда вера его поколебалась, он предпочел больше не писать стихов. В этом смысле можно согласиться с Владимиром Марковым, который видел в Ходасевиче, поэте трагического тупика, «жертву собственных, обусловленных символизмом эсхатологических ожиданий»⁵².

На какое-то время Ходасевич мог видеть надежду, связанную с будущим, в постоянстве истории, прекрасно сознавая, что всякое серьезное углубление в перемены требует одновременно и внимания к непрерывности. В своей критике, как до того в стихах, он страстно защищал существенно важную роль традиции как живой и освободительной силы в искусстве, оказываясь в одном ряду с такими разными представителями модернизма, как Т. С. Элиот, Игорь Стравинский, Пабло Пикассо и Джордж Баланчин. Но в тридцатые годы критическая проза Ходасевича все больше и больше свидетельствует о возрастающем понимании того, что нарушен создававшийся веками культурный строй. Дававшие ему духовную поддержку культурные мифы Запада начинают блекнуть: «...утрачивая свою религиозную основу, европейская культура только в хронологическом смысле переживает новую эпоху. По существу же, она умирает — перестает быть собой»⁵³. В его последних рецензиях видно, как мало осталось у него надежды в эту эпоху «умирания искусства»⁵⁴. Станным образом он как бы проделал полный круг от воображаемых ужасов декадентства в своей юности до таких уже реальных теперь ужасов отчуждения, физических страданий и потери поддерживавшей его веры, которые в конечном итоге ничто, и менее всего искусство, не могло уже умиротворить.

Джон Малмстад

- ¹ Ходасевич В. Младенчество (Отрывки из автобиографии) // Возрождение. 1933. 12, 15, 19 октября; перепечатано в Собр. соч. М., 1997. Т. 4. С. 190.
- ² Об отце см. примеч. к стихотворению № 142 и также: Берберова Н. Памяти Ходасевича // Современные записки. 1939. Кн. 69. С. 257. Мать поэта была дочерью Я. А. Брафмана, известного в свое время составителя двух книг — «Книга кагала» и «Еврейские братства». В них он обличал «зловещую природу» иудаизма. Сам он перешел из иудаизма в православие, а его дочь была окрещена католичкой и воспитывалась в польской семье. Ходасевич отдал дань своим кровным корням в переводах из еврейских и польских поэтов, которые составляют значительную долю его переводческого наследия.
- ³ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 191.
- ⁴ Там же. С. 190.
- ⁵ Там же. С. 197.
- ⁶ Характерно, что в гимназическом сочинении Ходасевича, написанном на тему «Правда ли, что стремиться лучше, чем достигать?», он страстно утверждает: «да, лучше». См.: Богомолов Н. А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 85.
- ⁷ Ходасевич В. <Рецензия на кн.:> Слоним Марк. Портреты советских писателей. Париж, 1933 // Возрождение. 1933. 25 мая.
- ⁸ Ходасевич В. Глуповатость поэзии // Современные записки. 1927. Кн. 30. С. 281.
- ⁹ Ходасевич В. <Рецензия на кн.:> Слоним Марк...
- ¹⁰ Запись Ходасевича в канве автобиографии, составленной по просьбе Н. Н. Берберовой (Курсив мой. М., 1996. С. 181).
- ¹¹ См.: Колкер Ю. Университетские годы В. Ф. Ходасевича // Русская мысль. 1986. 6 июня.
- ¹² См.: Богомолов Н. А. Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу. // Указ. соч. С. 343—358.
- ¹³ Ходасевич В. О символизме // Возрождение. 1928. 12 января; Собр. соч. Т. 2. С. 174—175.
- ¹⁴ Там же. С. 173.

- ¹⁵ Ходасевич В. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа; Собр. соч. Т. 2. С. 183, 187.
- ¹⁶ Ходасевич В. Мариэтта Шагинян (Из воспоминаний) // Дни. 1925. 4 октября; Собр. соч. Т. 4. С. 336. Ср. письмо Р. Н. Гринберга к В. В. Набокову от 28 мая 1949 г., в котором он пишет, что знал Ходасевича «еще по Москве, когда он ходил в локонах и в младших символистах» («Дребезжание моих ржавых русских струн ...»). Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967)/Публ. Р. Янгирова // In Memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 361.
- ¹⁷ В 1921 г. Ходасевич задумал переиздать свой первый сборник в значительно переделанном виде, но план не был осуществлен. В связи с этим он писал: «...это очень слабая книга, и мила она мне не литературно, а биографически. <...> Ее заглавие, когда-то звучавшее горькой иронией, стало теперь точным обозначением; <...> отдельные образы, строки, слова этих стихов имели когда-то особый, ныне затерянный смысл. <...> сам перестал понимать их» (Ходасевич В. Стихотворения. (Б-ка поэта; Большая серия). Л., 1989. С. 361–362).
- ¹⁸ Там же. С. 56. См. там также: «Нет, молодость, ты мне была верна...» (С. 52) и «Звезда» (С. 60–61).
- ¹⁹ Ходасевич В. О Бунине // Возрождение. 1933. 16 ноября; Собр. соч. Т. 2. С. 285.
- ²⁰ Ходасевич В. О поэзии Бунина // Собр. соч. Т. 2. С. 183. Далее он писал: «Все последовавшие гражданские войны внутри его (символизма — Дж. М.) были не чем иным, как борьбою здоровых, символистских начал с болезненными, декадентскими».
- ²¹ Ходасевич В. С. Я. Парнок // Возрождение. 1933. 14 сентября; Собр. соч. Т. 4. С. 315.
- ²² Вейдле В. Владислав Ходасевич // Возрождение. 1930. 3 апреля. Ср.: «В “Молодости” вместо Пушкина — Брюсов, и на месте Ходасевича еще никого нет. В “Счастливом домике” Ходасевич очищается постепенно от всего, что не Пушкин и не он сам» (Вейдле В. В. Поэзия Ходасевича // Современные записки. 1928. Кн. 34. С. 456; Русская литература. 1989. № 2. С. 150).
- ²³ См.: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии // Апол-

- лон. 1914. № 5; То же. М., 1990. С. 186—187. Любопытно, что Гумилев, не будучи еще лично знакомым с Ходасевичем, использует в конце своей рецензии сравнение с балетом: «... он пока только балетмейстер, но танцы, которым он учит, — священные танцы».
- ²⁴ Фраза восходит к рецензии А. С. Пушкина на книгу Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830): «... слог его не напоминает <...> ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым».
- ²⁵ Ходасевич В. «Juvenilia» Брюсова // София. 1914. № 2 (февраль); Собр. соч. Т. 1. С. 405.
- ²⁶ Ходасевич В. Конец Ренаты // Возрождение. 1928, 12, 13, 14 апреля; Собр. соч. Т. 4. С. 7.
- ²⁷ Ходасевич В. Державин. М., 1988. С. 82; Собр. соч. Т. 3. С. 191.
- ²⁸ Вейдле В. В. Поэзия Ходасевича // Русская литература. 1989. № 2. С. 150.
- ²⁹ Ходасевич В. Веневитинов // Возрождение. 1927. 24 марта. Ср. письмо Ходасевича к Г. И. Чулкову от 16 апреля 1914 г. по поводу рецензии Владимира Пяста на «Счастливый домик»: «...он меня обидел своей незоркостью, особенно упреком в презрении к “невинному и простому”. Я всю книгу писал ради второго отдела, в котором решительно принял “простое” и “малое” — и ему поклонился. Это “презрение” осуждено в моей же книге» (Собр. соч. Т. 4. С. 389).
- ³⁰ В. В. Вейдле, с предельной и точной сжатостью писал: «“Эпизод” <...> открывает важнейшую для Ходасевича тему раздвоения, просвечивания там сквозь здесь, второго я, того, что смотрит со стороны на первое, тему души, обходящейся без мира, и мира, не населенного душой, тему, которая получит наиболее законченное выражение в “Тяжелой Лире” и которая для Пушкина была бы не только неприемлема, но, что еще важнее, непонятна» (Поэзия Ходасевича // Русская литература. 1989. № 2. С. 151).
- ³¹ См. такие статьи, как: «Законодатель», «Пролеткульт», «Книжная Палата», «Здравница», «Белый коридор» (Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4).
- ³² Ходасевич В. О себе // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 37; Собр. соч. Т. 4. С. 188. См. также: Богомо-

- лов Н. А. Владислав Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу. // Указ. соч. С. 343–358.
- ³³ Ходасевич В. Конрад Валленрод. 1827–1927 // Возрождение. 1927. 24 ноября.
- ³⁴ О семантическом, образном и лексическом диссонансах см.: Фомин С. С раздвоенного острия. Поэтический диссонанс в творчестве В. Ф. Ходасевича // Вопросы литературы. 1997. № 4 (июль–август). С. 32–43.
- ³⁵ Ходасевич Владислав. *Erotoraegnia* // Возрождение. 1932, 29 сентября; Собр. соч. Т. 2. С. 235.
- ³⁶ Н. А. Богомоллов пишет: «Из 45 стихотворений “Тяжелой лиры” (по второму ее изданию) 26 написаны четырехстопным ямбом, причем чаще всего с регулярной строфой перекрестной рифмовки, где женские рифмы чередуются с мужскими». (Указ. соч. С. 111). См. также: Smith G. S. The Versification of V. F. Khodasevich 1915–39 // Russian Poetics: Proceedings of the International Colloquium at UCLA, September 22–26, 1975. Columbus, Ohio, 1983. С. 373–391.
- ³⁷ «Все это (стихотворение Д. Резникова. — Дж. М.) перегружено метафорами и аллегориями, не сведенными ни к какому логическому единству. <...> она (стихотворение «Любовь» А. С. Гингера. — Дж. М.) загромождена метафорами: это сейчас едва ли не повальная поэтическая мода» (Ходасевич В. Заметки о стихах П. (Конкурс «Звена») // Дни. 1926. 14 марта).
- ³⁸ В письме к Ходасевичу от 12 января 1925 г. В. И. Иванов писал о тесной связи между формой и содержанием в стихах «Тяжелой лиры»: «Из дуализма лирического пафоса вытекает с художественною закономерностью и дуализм формы. Это соединение жестокого веризма и гимнической монументальности» (Новый журнал. 1960. № 62. С. 287).
- ³⁹ Обычно пронизательный Юрий Тынянов не сумел рассмотреть существенной новизны и современности стихов Ходасевича и отверг их: «В стих, “завещанный веками”, плохо укладываются сегодняшние смыслы» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 173). В рецензии на «Тяжелую лиру» Валерий Брюсов продемонстрировал свое полное непонимание поэтики Ходасевича: «...стихи эти больше всего похожи на пародии сти-

- хов Пушкина и Баратынского. Автор все учился по классикам и до того заучился, что уже ничего не может, как только передразнивать внешность» (*Брюсов В. Я. Среди стихов // Печать и революция. 1923. № 1. С. 73; перепеч.: Брюсов В. Я. Среди стихов. М., 1990. С. 616*).
- ⁴⁰ Ср.: «Именно в это время в некоей имплицитной иерархии современной русской поэзии Ходасевич неожиданно занимает одно из первых мест. Вышедший во второй половине 1922 года сборник «Тяжелая лира» лишь подтверждает эту уже сложившуюся новую литературную репутацию Ходасевича» (*Ратгауз М. Г. 1921 год в творческой биографии В. Ходасевича // Блоковский сборник X (А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра). Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 881. Тарту, 1990. С. 117*).
- ⁴¹ *Белый Андрей. Рембрандтова правда в поэзии наших дней (О стихах В. Ходасевича) // Записки мечтателей. 1922, № 5. С. 136–139; Тяжелая лира и русская лирика // Современные записки. 1923. Кн. 15. С. 371–388.*
- ⁴² *Белый Андрей. Рембрандтова правда в поэзии... С. 137. Курсив А. Белого.*
- ⁴³ *Святополк-Мирский Д. П. Рец. на «Современные записки» и «Волю России» // Версты. 1926. № 1. С. 208. О полемике вокруг сборника «Версты» см.: Ходасевич В. Собр. соч. /Под ред. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. Ardis, 1990. Т. 2. С. 544–549.*
- ⁴⁴ *Святополк-Мирский Д. П. О современном состоянии русской поэзии // Новый журнал. 1978. № 131. С. 98 (публ. Г. П. Струве).*
- ⁴⁵ *Ходасевич В. «Juvenilia» Брюсова // Ходасевич В. Собр. соч. Т. 1. С. 403.*
- ⁴⁶ См. рецензию В. В. Набокова на «Собрание стихов» 1927 г. (с подписью «В. Сирин»): «...в «Балладе» <...> Ходасевич достиг по моему мнению пределов поэтического мастерства. <...> Ходасевич — огромный поэт» (*Руль. 1927. 14 декабря*).
- ⁴⁷ Подробные сведения о жизни Ходасевича в Париже можно найти в автобиографии Н. Н. Берберовой «Курсив мой» (М., 1996). См. также: *Толмачев В. М. Владислав Ходасевич: Материалы к творческой биографии // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6.*
- ⁴⁸ *Вейдле В. В. Поэзия Ходасевича. С. 155*

- ⁴⁹ Более подробно см.: *Малмстад Дж.* Единство противоположностей. История взаимоотношения Ходасевича и Пастернака // *Литературное обозрение.* 1990. № 2. С. 53.
- ⁵⁰ Г. В. Адамович стал ведущим оппонентом Ходасевича в эмигрантской критике. Оба критика не щадили друг друга, ведя жаркую полемику о перспективах грядущего развития русской поэзии и возможности литературы в эмиграции. См. ответ Ходасевича на статью Марка Слонима в журнале «Воля России» (1931. № 7–9. С. 616–627): *Литература в изгнании // Возрождение.* 1933. 27 апреля; 4 мая; *Собр. соч.* Т. 2. С. 256–267.
- ⁵¹ Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой. // *Минувшее: Исторический альманах.* 1988. № 5. С. 285 (публ. Д. Бетеа).
- ⁵² *Markov V.* Preface // *Modern Russian Poetry / Vladimir Markov, Merrill Sparks (ed.).* New York, 1967. P. LXV.
- ⁵³ *Ходасевич В.* Жалость и «жалость» // *Возрождение.* 1935/ 11 апреля; *Собр. соч.* Т. 2. С. 358.
- ⁵⁴ *Ходасевич В.* Умирание искусства (рец. на книгу В. В. Вейдле) // *Возрождение.* 1938. 18 ноября; *Собр. соч.* Т. 2. С. 444–448.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПУТЕМ ЗЕРНА

1. ПУТЕМ ЗЕРНА

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

1917

2. СЛЕЗЫ РАХИЛИ

Мир на земле вечерней и грешной!
Блещут лужи, перила, стекла.
Под дождем я иду неспешно,
Мокры плечи, и шляпа промокла.

Нынче все мы стали бездомны,
Словно вечно бродягами были,
И поет нам дождь неумный
Про древние слезы Рахили.

Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат —
В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.
Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили!
На щеках у старухи прохожей —
Горячие слезы Рахили.

Не приму ни чести, ни славы,
Если вот, на прошлой неделе,
Ей прислали клочок кровавый
Заскорузлой солдатской шинели.
Ах, под нашей тяжелой ношей
Сколько б песен мы ни сложили —
Лишь один есть припев хороший:
Неутешные слезы Рахили!

1916

3. РУЧЕЙ

Взгляни, как солнце обольщает
Пересыхающий ручей
Полднейной прелестью своей, —
А он рокошет и вздыхает
И на бегу оскудевает
Средь обнажившихся камней.

Под вечер путник молодой
Приходит, песню напевая;
Свой посох на песок слагая,
Он воду черпает рукой
И пьет — в струе, уже ночной,
Своей судьбы не узнавая.

1916

4

Сладко после дождя теплая пахнет ночь.
Быстро месяц бежит в прорезях белых туч.
Где-то в сырой траве часто кричит дергач.

Вот к лукавым губам губы впервые льнут.
Вот, коснувшись тебя, руки мои дрожат...
Минуло с той поры только шестнадцать лет.

1918

5. БРЕНТА

Адриатические волны!
О, Брента...
«Евгений Онегин»

Брента, рыжая речонка!
Сколько раз тебя воспели,
Сколько раз к тебе летели
Вдохновенные мечты —
Лишь за то, что имя звонко,
Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты!

Я и сам спешил когда-то
Заглянуть в твои отливы,
Окрыленный и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои.

С той поры люблю я, Брента,
Одинокие скитанья,
Частого дождя кропанье
Да на согнутых плечах
Плащ из мокрого брезента.
С той поры люблю я, Брента,
Прозу в жизни и в стихах.

1923

6. МЕЛЬНИЦА

Мельница забытая
В стороне глухой.
К ней обоз не тянется,
И дорога к мельнице
Заросла травой.

Не плеснется рыбица
В голубой реке.
По скрипучей лесенке
Сходит мельник старенький
В красном колпаке.

Постоит, послушает, —
И грозит перстом
Вдаль, где дым из-за лесу
Завился веревочкой
Над людским жильем.

Постоит, послушает, —
И пойдет назад:
По скрипучей лесенке,
Поглядеть, как праздные
Жернова лежат.

Потрудились камушки
Для хлебов да каш.
Сколько было ссыпано,
Сколько было смолото,
А теперь шабаш!

А теперь у мельника —
Лес да тишина,
Да под вечер трубочка,
Да хмельная чарочка,
Да в окне луна.

1923

7. АКРОБАТ

(Надпись к силуэту)

От крыши до крыши протянут канат.
Легко и спокойно идет акробат.

В руках его палка, он весь — как весы,
А зрители снизу задрали носы.

Толкаются, шепчут: «Сейчас упадет!» —
И каждый чего-то взволнованно ждет.

Направо — старушка глядит из окна,
Налево — гуляка с бокалом вина.

Но небо прозрачно, и прочен канат.
Легко и спокойно идет акробат.

А если, сорвавшись, фигляр упадет
И, охнув, закрестится лживый народ, —

Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не таким ли живешь ремеслом?

1913. 1921

8

Обо всем в одних стихах не скажешь.
Жизнь идет волшебным, тайным чередом,
Точно длинный шарф кому-то вяжешь,
Точно ждешь кого-то, не грустя о нем.

Нижутся задумчивые петли,
На крючок посмотришь — всё желтеет кость,
И не знаешь, он придет ли, нет ли,
И какой он будет, долгожданный гость.

Утром ли он постучит в окошко
Иль стопой неслышной подойдет из тьмы
И с улыбкой, страшною немножко,
Всё распустит разом, что связали мы.

1915

9

Со слабых век сгоня смутный сон,
Живу весь день, тревожим и волнуем,
И каждый вечер падаю, сражен
Усталости последним поцелуем.

Но и во сне душе покоя нет:
Ей снится явь, тревожная, земная,
И собственный сквозь сон я слышу бред,
Дневную жизнь с трудом припоминая.

1914

10

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

И часто, спеша к трамваю
Иль над книгой лицо склоня,
Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю.

1917

11—12. ПРО СЕБЯ

1

Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно
Его назвать перед самим собой,
Перед людьми ж — подавно: с их обидной
Душа не примирится похвалой.

И вот — живу, чудесный образ мой
Скрыв под личиной низкой и ехидной...
Взгляни, мой друг: по травке золотой
Ползет паук с отметкой крестовидной.

Пред ним ребенок спрячется за мать,
И ты сама спешишь его согнать
Рукой брезгливой с шейки розовой.

И он бежит от гнева твоего,
Стыдясь себя, не ведая того,
Что значит знак спины его мохнатой.

1918

2

Нет, ты не прав, я не собой пленен.
Что доброго в наемнике усталом?
Своим чудесным, божеским началом,
Смотря в себя, я сладко потрясен.

Когда в стихах, в отображенье малом,
Мне подлинный мой образ обнажен, —
Всё кажется, что я стою, склонен,
В вечерний час над водяным зеркалом.

И, чтоб мою к себе приблизить высь,
Гляжу я вглубь, где звезды занялись.
Упав туда, спокойно угасает

Нечистый взор моих земных очей,
Но пламенно оттуда проступает
Венок из звезд над головой моей.

1919

13. СНЫ

Так! наконец-то мы в своих владеньях!
Одежду — на пол, тело — на кровать.
Ступай, душа, в безбрежных сновиденьях
Томиться и страдать!

Дорогой снов, мучительных и смутных,
Бреди, бреди, несовершенный дух.
О, как еще ты в проблесках минутных
И слеп, и глух!

Еще томясь в моем бессильном теле,
Сквозь грубый слой земного бытия
Учись дышать и жить в ином пределе,
Где ты — не я;

Где, отрешен от помысла земного,
Свободен ты... Когда ж в тоске проснись,
Соединимся мы с тобою снова
В нерадостный союз.

День изо дня, в миг пробужденья трудный,
Припоминаю я *твой* вещей сон,
Смотрю в окно и вижу серый, скудный
Мой небосклон,

Всё тот же двор, и мгlistый, и суровый,
И голубей, танцующих на нем...
Лишь явно мне, что некий отсвет новый
Лежит на всем.

1917

14

О, если б в этот час желанного покоя
Закрыть глаза, вздохнуть и умереть!
Ты плакала бы, маленькая Хлоя,
И на меня боялась бы смотреть.

А я три долгих дня лежал бы на столе,
Таинственный, спокойный, сокровенный,
Как золотой ковчег запечатленный,
Вмещающий всю мудрость о земле.

Сойдясь, мои друзья (невелико число их!)
О тайнах тайн вели бы разговор.
Не внемля им, на розах, на левкоях
Растерянный ты нежила бы взор.

Так. Резвая — ты мудрости не ценишь.
И пусть! Зато сквозь смерть услышу, друг живой,
Как на груди моей ты робко переменишь
Мешок со льдом заботливой рукой.

1915

Милые девушки, верьте или не верьте:
Сердце мое поет только вас и весну.
Но вот уж давно меня клонит к смерти,
Как вас под вечер клонит ко сну.

Положивши голову на розовый локоть,
Дремлете вы, — а там — соловей
До зари не устает щелкать и цокать
О безвыходном трепете жизни своей.

Я бессонно брожу по земле меж вами,
Я незримо горю на легком огне,
Я сладчайшими вам расскажу словами
Про всё, что уж начало сниться мне.

1916

16. ШВЕЯ

Ночью и днем надо мною упорно,
Гулко стрекочет швея на машинке.
К двери привешена в рамочке черной
Надпись короткая: «Шью по картинке».

Слушая стук над моим изголовьем,
Друг мой, как часто гадал я без цели:
Клонишь ты лик свой над трауром вдовым
Иль над матроской из белой фланели?

Вот, я слабею, я меркну, сгораю,
Но застучишь ты — и в то же мгновенье,
Мнится, я к милой земле приникаю,
Слушаю жизни родное биенье...

Друг неизвестный! Когда пронесутся
Мимо души все былые обиды,
Мертвого слуха не так ли коснутся
Взмахи кадила, слова панихиды?

1917

17. НА ХОДУ

Метель, метель... В перчатке — как чужая
Застывшая рука.
Не странно ль жить, почти не осязая,
Как ты близка?

И все-таки бреду домой с покупкой,
И все-таки живу.
Как прочно всё! Нет, он совсем не хрупкий,
Сон наяву!

Еще томят земные расстоянья,
Еще болит рука,
Но всё ясней, уверенней сознание,
Что ты близка.

1916

18. УТРО

Нет, больше не могу смотреть я
Туда, в окно!
О, это горькое предсмертье, —
К чему оно?

Во всем одно звучит: «Разлуке
Ты обречен!»
Как нежно в нашем переулке
Желтеет клен!

Ни голоса вокруг, ни стука,
Всё та же даль...
А все-таки порою жутко,
Порою жаль.

1916

19. В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ

Висел он, не качаясь,
На узком ремешке.
Свалившаяся шляпа
Чернела на песке.
В ладонь впивались ногти
На стиснутой руке.

А солнце восходило,
Стремя к полудню бег,
И, перед этим солнцем
Не опуская век,
Был высоко приподнят
На воздух человек.

И зорко, зорко, зорко
Смотрел он на восток.
Внизу толпились люди
В притихнувший кружок.
И был почти невидим
Тот узкий ремешок.

1916

20. СМОЛЕНСКИЙ РЫНОК

Смоленский рынок
Перехожу.
Полет снежинок
Слежу, слежу.
При свете дня
Желтеют свечи;
Всё те же встречи
Гнетут меня.
Всё к той же чаше
Припал — и пью...
Соседки наши
Несут кутью.
У церкви — синий
Раскрытый гроб,
Ложится иней
На мертвый лоб...
О, лёт снежинок,
Остановись!
Преобразись,
Смоленский рынок!

1916

21. ПО БУЛЬВАРАМ

В темноте, задыхаясь под шубой, иду,
Как больная рыба по дну морскому.
Трамвай зашипел и бросил звезду
В черное зеркало оттепели.

Раскрываю запекшийся рот,
Жадно ловлю отсыревший воздух, —
А за мной от самых Никитских ворот
Увязался маленький призрак девочки.

1918

22. У МОРЯ

А мне и волн морских прибой,
Влача каменья,
Поет летейскою струей,
Без утешенья.

Безветрие, покой и лень.
Но в ясном свете
Откуда же ложится тень
На руки эти?

Не ты ль еще томишь, не ты ль,
Глухое тело?
Вон — белая вскрутилась пыль
И пролетела.

Взбирается на холм крутой
Овечье стадо...
А мне — айдесская сквозь зной
Сквозит прохлада.

1917

23. ЭПИЗОД

... Это было
В одно из утр, унылых, зимних, вьюжных, —
В одно из утр пятнадцатого года.
Изнемогая в той истоме тусклой,
Которая тогда меня томила,
Я в комнате своей сидел один. Во мне,
От плеч и головы, к рукам, к ногам,
Какое-то неясное струенье
Бежало трепетно и непрерывно —
И, выбежав из пальцев, длилось дальше,
Уж вне меня. Я сознавал, что нужно
Остановить его, сдержать в себе, — но воля
Меня покинула... Бессмысленно смотрел я
На полку книг, на желтые обои,
На маску Пушкина, закрывшую глаза.
Всё цепенело в рыжем свете утра.
За окнами кричали дети. Громыхали
Салазки по горе, но эти звуки
Неслись во мне как будто бы сквозь толщу
Глубоких вод...
В пучину погружаясь, водолаз
Так слышит беготню на палубе и крики

Матросов.

И вдруг — как бы толчок, — но мягкий,
осторожный, —

И всё опять мне прояснилось, только
В перемещенном виде. Так бывает,
Когда веслом мы сталкиваем лодку
С песка прибрежного; еще нога
Под крепким днищем ясно слышит землю,
И близким кажется зеленый берег
И кучи дров на нем; но вот качнуло нас —
И берег отступает; стала меньше
Та рощица, где мы сейчас бродили;
За рощей встал дымок; а вот — поверх
деревьев

Уже видна поляна, и над ней
Краснеет баня.

Самого себя

Увидел я в тот миг, как этот берег;
Увидел вдруг со стороны, как если б
Смотреть немного сверху, слева. Я сидел,
Закинув ногу на ногу, глубоко
Уйдя в диван, с потухшей папиросой
Меж пальцами, совсем худой и бледный.
Глаза открыты были, но какое
В них было выражение — я не видел.
Того меня, который предо мною
Сидел, — не ощущал я вовсе. Но другому,
Смотревшему как бы бесплотным взором,
Так было хорошо, легко, спокойно.
И человек, сидящий на диване,
Казался мне простым, давнишним другом,

Измученным годами путешествий.
Как будто бы ко мне зашел он в гости,
И, замолчав среди беседы мирной,
Вдруг откачнулся, и вздохнул, и умер.
Лицо разгладилось, и горькая улыбка
С него сошла.

Так видел я себя недолго: вероятно,
И четверти положенного круга
Секундная не обежала стрелка.
И как пред тем не по своей я воле
Покинул эту оболочку — так же
В нее и возвратился вновь. Но только
Свершилось это тягостно, с усилием,
Которое мне вспомнить неприятно.
Мне было трудно, тесно, как эмеэ,
Которую заставили бы снова
Вместиться в сброшенную кожу...

Снова

Увидел я перед собою книги,
Услышал голоса. Мне было трудно
Вновь ощущать всё тело, руки, ноги...
Так, весла бросив и сойдя на берег,
Мы чувствуем себя вдруг тяжелее.
Струилось вновь во мне изнеможенье,
Как бы от долгой гребли, — а в ушах
Гудел неясный шум, как пленный отзывок
Озерного или морского ветра.

1918

24. ВАРИАЦИЯ

Вновь эти плечи, эти руки
Погреть я вышел на балкон.
Сижу, — но все земные звуки —
Как бы во сне или сквозь сон.

И вдруг, изнеможенья полный,
Плыву: куда — не знаю сам,
Но мир мой ширится, как волны,
По разбежавшимся кругам.

Продлись, ласкательное чудо!
Я во второй вступаю круг
И слушаю, уже отсюда,
Моей качалки мерный стук.

1919

25. ЗОЛОТО

Иди, вот уже золото кладем в уста твои,
уже мак и мед кладем тебе в руки. *Salve aeternum**.
Красинский

В рот — золото, а в руки — мак и мед;
Последние дары твоих земных забот.

Но пусть не буду я, как римлянин, сожжен:
Хочу в земле вкусить утробный сон,

Хочу весенним злаком прорасти,
Кружась по древнему, по звездному пути.

*Здравствуй, вечность (лат.). — Ред.

В могильном сумраке истлеют мак и мед,
Провалится монета в мертвый рот...

Но через много, много темных лет
Пришлец неведомый отроет мой скелет,

И в черном черепе, что заступом разбит,
Тяжелая монета загремит —

И золото сверкнет среди костей,
Как солнце малое, как след души моей.

1917

26. ИЩИ МЕНЯ

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь — как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он — вот, он есть, я был.

Но, вечный друг, меж нами нет разлуки!
Услышь, я здесь. Касаются меня
Твои живые, трепетные руки,
Простертые в текучий пламень дня.

Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Еще одно усилие для меня —
И на концах дрожащих пальцев, тайно,
Быть может, вспыхну кисточкой огня.

1917—1918

27. 2-го НОЯБРЯ

Семь дней и семь ночей Москва металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь щедро
Пускал ей кровь — и, обессилев, к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повыползли из каменных подвалов
На улицы. Так, переждав ненастье,
На задний двор, к широкой луже, крысы
Опасливо выходят вереницей
И прочь бегут, когда вблизи на камень
Последняя спадает с крыши капля...
К полудню стали собираться в кучки.
Глазели на пробоины в домах,
На сбитые верхушки башен; молча
Толпились у дымящихся развалин
И на стенах следы скользнувших пуль
Считали. Длинные хвосты тянулись
У лавок. Проволок обрывки висли
Над улицами. Битое стекло
Хрустело под ногами. Желтым оком
Ноябрьское негреющее солнце
Смотрело вниз, на постаревших женщин
И на мужчин небритых. И не кровью,
Но горькой желчью пахло это утро.
А между тем уж из конца в конец,
От Пресненской заставы до Рогожской
И с Балчуга в Лефортово, брели,
Теснясь на тротуарах, люди. Шли проведать
Родных, знакомых, близких: живы ль, нет ли?
Иные узелки несли под мышкой
С убогой снедью: так в былые годы

На кладбище москвич благочестивый
Ходил на Пасхе — красное яичко
Съесть на могиле брата или кума...

К моим друзьям в тот день пошел и я.
Узнал, что живы, целы, дети дома, —
Чего ж еще хотеть? Побрел домой.
По переулкам ветер, гость залетный,
Гонял сухую пыль, окурки, стружки.
Домов за пять до дома моего,
Сквозь мутное окошко, по привычке
Я заглянул в подвал, где мой знакомый
Живет столяр. Необычайным делом
Он занят был. На верстаке, вверх дном,
Лежал продолговатый, узкий ящик
С покатыми боками. Толстой кистью
Водил столяр по ящику, и доски
Под кистью багровели. Мой приятель
Заканчивал работу: красный гроб.
Я постучал в окно. Он обернулся.
И, шляпу сняв, я поклонился низко
Петру Иванычу, его работе, гробу,
И всей земле, и небу, что в стекле
Лазурью отражалось. И столяр
Мне тоже покивал, пожал плечами
И указал на гроб. И я ушел.

А на дворе у нас, вокруг корзины
С плетеной дверцей, суетились дети,
Крича, толкаясь и тесня друг друга.
Сквозь редкие, поломанные прутья
Виднелись перья белые. Но вот —

Протяжно заскрипев, открылась дверца,
И пара голубей, плеща крылами,
Взвилась и закружилась: выше, выше,
Над тихую Плющихой, над рекой...
То падая, то поднимаясь, птицы
Ныряли точно белые ладьи
В дали морской. Вослед им дети
Свистали, хлопали в ладоши... Лишь один,
Лет четырех бутуз, в ушастой шапке,
Присел на камень, растопырил руки,
И вверх смотрел, и тихо улыбался.
Но, заглянув ему в глаза, я понял,
Что улыбается он самому себе,
Той непостижной мысли, что родится
Под выпуклым, еще безбровым лбом,
И слушает в себе биенье сердца,
Движенье соков, рост... Среди Москвы,
Страдающей, растерзанной и падшей, —
Как идол маленький, сидел он, равнодушный,
С бессмысленной, священной улыбкой.
И мальчику я поклонился тоже.

Дома

Я выпил чаю, разобрал бумаги,
Что на столе скопились за неделю,
И сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыганы»
В тот день моей не утолили жажды.

1918

28. ПОЛДЕНЬ

Как на бульваре тихо, ясно, сонно!
Подхвачен ветром, побежал песок
И на траву плеснул сыпучим гребнем...
Теперь мне любо приходить сюда
И долго так сидеть, полузабывшись.
Мне нравится, почти не глядя, слушать
То смех, то плач детей, то по дорожке
За обручем их бег отчетливый. Прекрасно!
Вот шум, такой же вечный и правдивый,
Как шум дождя, прибоя или ветра.

Никто меня не знает. Здесь я просто
Прохожий, обыватель, «господин»
В коричневом пальто и круглой шляпе,
Ничем не замечательный. Вот рядом
Присела барышня с раскрытой книгой.

Мальчик

С ведерком и совочком примостился
У самых ног моих. Насупив брови,
Он возится в песке, и я таким огромным
Себе кажусь от этого соседства.
Что вспоминаю,
Как сам я сиживал у львиного столпа
В Венеции. Над этой жизнью малой,
Над головой в картузике зеленом,
Я возвышаюсь, как тяжелый камень,
Многовековый, переживший много
Людей и царств, предательств и геройств.
А мальчик деловито наполняет
Ведерышко песочком и, опрокинув, сыплет
Мне на ноги, на башмаки... Прекрасно!

И с легким сердцем я припоминаю,
Как жарок был венецианский полдень,
Как надо мною реял недвижимо
Крылатый лев с раскрытой книгой в лапах,
А надо львом, круглясь и розовея,
Бежало облачко. А выше, выше —
Темногустая синь, и в ней катились
Незримые, но пламенные звезды.
Сейчас они пылают над бульваром,
Над мальчиком и надо мной. Безумно
Лучи их борются с лучами солнца...

Ветер

Всё шелестит песчаными волнами,
Листает книгу барышни. И всё, что слышу,
Преображенное каким-то чудом,
Так полновесно западает в сердце,
Что уж ни слов, ни мыслей мне не надо,
И я смотрю как бы обратным взором
В себя.

И так пленительна души живая влага,
Что, как Нарцисс, я с берега земного
Срываюсь и лечу туда, где я один,
В моем родном, первоначальном мире,
Лицом к лицу с собой, потерянным

когда-то —

И обретенным вновь... И еле внятно
Мне слышен голос барышни: «Простите,
Который час?»

1918

29. ВСТРЕЧА

В час утренний у Santa Margherita
Я повстречал ее. Она стояла
На мостике, спиной к перилам. Пальцы
На сером камне, точно лепестки,
Легко лежали. Сжатые колени
Под белым платьем проступали слабо...
Она ждала. Кого? В шестнадцать лет
Кто грезится прекрасной англичанке
В Венеции? Не знаю — и не должно
Мне знать того. Не для пустых догадок
Ту девушку припомнил я сегодня.
Она стояла, залитая солнцем,
Но мягкие поля панамской шляпы
Касались плеч приподнятых — и тенью
Прохладною лицо покрыли. Синий
И чистый взор лился оттуда, словно
Те воды свежие, что пробегают
По каменному ложу горной речки,
Певучие и быстрые... Тогда-то
Увидел я тот взор невыразимый,
Который нам, поэтам, суждено
Увидеть раз и после помнить вечно.
На миг один является пред нами
Он на земле, божественно вселяясь
В случайные лазурные глаза.
Но плещут в нем те пламенные бури,
Но вьются в нем те голубые вихри,
Которые потом звучали мне
В сиянье солнца, в плеске черных гондол,
В летучей тени голубя и в красной

Струе вина.
И поздним вечером, когда я шел
К себе домой, о том же мне шептали
Певучие шаги венецианок,
И собственный мой шаг казался звонче,
Стремительней и легче. Ах, куда,
Куда в тот миг мое вспорхнуло сердце,
Когда тяжелый ключ с пружинным звоном
Я повернул в замке? И отчего,
Переступив порог сеней холодных,
Я в темноте у каменной цистерны
Стоял так долго? Ощупью взбираясь
По лестнице, влюбленностью назвал я
Свое волненье. Но теперь я знаю,
Что крепкого вина в тот день вкусил я —
И чувствовал еще в своих устах
Его минутный вкус. А вечный хмель
Пришел потом.

1918

30. ОБЕЗЬЯНА

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и черный.
Серебряный тяжелый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листы сирени

Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня слышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но, чуть ее пригубив, —
Не холодна ли, — блюдец на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдец.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая
К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдец
Долой смахнула со скамьи, привстала
И — этот миг забуду ли когда? —
Мне черную, мозолистую руку,
Еще прохладную от влаги, протянула...
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождам народа — ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!
И, видит Бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину — до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,

И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось — хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной
Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.

И серб ушел, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишенное лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.

В тот день была объявлена война.

1919

31. ДОМ

Здесь домик был. Недавно разобрали
Верх на дрова. Лишь каменного низа
Остался грубый остов. Отдыхать
Сюда по вечерам хожу я часто. Небо
И дворика зеленые деревья
Так молодо встают из-за развалин,
И ясно так рисуются пролеты
Широких окон. Рухнувшая балка
Похожа на колонну. Затхлый холод
Идет от груды мусора и щебня,
Засыпавшего комнаты, где прежде
Гнездились люди...

Где ссорились, мирились, где в чулке
Замызганные деньги припасались
Про черный день; где в духоте и мраке
Супруги обнимались; где потели
В жару больные; где рождались люди
И умирали скрытно, — всё теперь
Прохожему открыто. — О, блажен,
Чья вольная нога ступает бодро
На этот прах, чей посох равнодушный
В покинутые стены ударяет!
Чертоги ли великого Рамсеса,
Поденщика ль безвестного лачуга —
Для странника равны они: всё той же
Он песенкою времени утешен;
Ряды ль колонн торжественных иль дыры
Дверей вчерашних — путника всё так же
Из пустоты одной ведут они в другую
Такую же...

Вот лестница с узором
Поломанных перил уходит в небо,
И, обрываясь, верхняя площадка
Мне кажется трибуною высокой.
Но нет на ней оратора. — А в небе
Уже горит вечерняя звезда,
Водительница гордого раздумья.

Да, хорошо ты, время. Хорошо
Вдохнуть от твоего ужасного простора.
К чему таиться? Сердце человекье
Играет, как проснувшийся младенец,
Когда война, иль мор, или мятеж
Вдруг налетят и землю сотрясают;

Тут разверзаются, как небо, времена —
И человек душой неутолимой
Бросается в желанную пучину.

Как птица в воздухе, как рыба в океане,
Как скользкий червь в сырых пластах земли,
Как саламандра в пламени — так человек
Во времени. Кочевник полудикий,
По смене лун, по очеркам созвездий
Уже он силится измерить эту бездну
И в письменах неопытных заносит
События, как острова на карте...
Но сын отца сменяет. Грады, царства,
Законы, истины — переходят. Человеку
Ломать и строить — равная услада:
Он изобрел историю — он счастлив!
И с ужасом и с тайным сладострастьем
Следит безумец, как между минувшим
И будущим, подобно ясной влаге,
Сквозь пальцы уходящей, — непрерывно
Жизнь утскает. И трепещет сердце,
Как легкий флаг на мачте корабельной,
Между воспоминаньем и надеждой —
Сей памятью о будущем...

Но вот —
Шуршат шаги. Горбатая старуха
С большим кулем. Морщинистой рукой
Она со стен сдирает паклю, дранки
Выдергивает. Молча подхожу
И помогаю ей, и мы в согласье добром
Работаем для времени. Темнеет,

Из-за стены встает зеленый месяц,
И слабый свет его, как струйка, льется
По кафелям обрушившейся печи.

1919—1920

32. СТАНСЫ

Уж волосы седые на висках
Я прядью черной прикрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.

Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзанья.

С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей...
Зато слова: цветок, ребенок, зверь —
Приходят на уста всё чаще.

Рассеянно я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.

1918

33. АНЮТЕ

На спичечной коробке —
Смотри-ка — славный вид:
Кораблик трехмачтовый
Не двигаясь бежит.

Не разглядишь, а верно —
Команда есть на нем,
И в тесном трюме, в бочках,
Изюм, корица, ром.

И есть на нем, конечно,
Отважный капитан,
Который видел много
Непостижимых стран.

И верно — есть матросик,
Что мастер песни петь
И любит ночью звездной
На небеса глядеть...

И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, —
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле.

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит — нас с тобой.

1918

И весело, и тяжело
 Нести дряхлеющее тело.
 Что буйствовало и цвело,
 Теперь набухло и дозрело.

И кровь по жилам не спешит,
 И руки повисают сами.
 Так яблонь осенью стоит,
 Отягощенная плодами.

И не постигнуть юным вам
 Всей нежности неодолимой,
 С какою хочется ветвям
 Коснуться вновь земли родимой.

1923

35. БЕЗ СЛОВ

Ты показала мне без слов,
 Как вышел хорошо и чисто
 Тобою проведенный шов
 По краю белого батиста.

А я подумал: жизнь моя,
 Как нить, за Божьими перстами
 По легкой ткани бытия
 Бежит такими же стежками.

То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегая...
И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.

1918

36. ХЛЕБЫ

Слепящий свет сегодня в кухне нашей.
В переднике, осыпана мукой,
Всех Сандрильон и всех Миньон ты краше
Бесхитростной красой.

Вокруг тебя, заботливы и зримы,
С вязанкой дров, с кувшином молока,
Роня перья крыл, хлопочут херувимы...
Сквозь облака

Прорвался свет, и по кастрюлям медным
Пучками стрел бьют желтые лучи.
При свете дня подобен розам бледным
Огонь в печи.

И, эти струи будущего хлеба
Сливая в звонкий глиняный сосуд,
Клянется ангел нам, что истинны, как небо,
Земля, любовь и труд.

1918

37. АВИАТОРУ

Над полями, лесами, болотами,
Над извирами северных рек
Ты проносишься плавными взлетами,
Небожитель — герой — человек.

Напрягаются крылья, как парусы,
На руле костенеет рука,
А кругом — взгроможденные ярусы:
Облака — облака — облака.

И, смотря на тебя недоверчиво,
Я качаю слегка головой:
Выше, выше спирали очерчивай,
Но припомни — подумай — постой.

Что тебе до надоблачной ясности?
На земной, материнской груди
Отдохни от высот и опасностей, —
Упади — упади — упади!

Ах, сорвись и большими зигзагами
Упади, раздробивши хребет, —
Где трибуны расцвечены флагами,
Где народ — и оркестр — и буфет...

1914

38. ГАЗЕТЧИК

«Вечерние известия!..»
Ори, ласкай мне слух,
Пронзырливая бестия,
Вечерних улиц дух.

Весенняя распутица
Ведет меня во тьму,
А он юлит и крутится,
И всё равно ему —

Геройство иль бесчестие,
Позор иль торжество:
Вечерние известия —
И больше ничего.

Шагает демон маленький,
Как некий исполин,
Расхлябанною валенкой
Над безднами судьбин.

Но в самом безразличии,
В бездушье торгаша —
Какой соблазн величия
Пьет жадная душа!

1919

39. УЕДИНЕНИЕ

Заветные часы уединения!
Ваш каждый миг лелею, как зерно;
Во тьме души да прорастет оно
Таинственным побегом вдохновения.
В былые дни страданье и вино
Воспламеняли сердце. Ты одно
Живишь меня теперь — уединенье.

С мечтою — жизнь, с молчаньем — песнопенье
Связало ты, как прочное звено.
Незыблемо с тобой сопряжено
Судьбы моей грядущее решенье.
И если мне погибнуть суждено —
Про моряка, упавшего на дно,
Ты песенку мне спой — уединенье!

1915

40

Как выскажу моим косноязычьем
Всю боль, весь ад?
Язык мой стал звериным или птичьим,
Уста молчат.

И ничего не нужно мне на свете,
И стыдно мне,
Что суждены мне вечно пытки эти
В его огне;

Что даже смертью, гордой, своевольной,
 Не вырвусь я;
Что и она — такой же, хоть окольный,
 Путь бытия.

1921

41. РЫБАК

Песня

Я наживляю мой крючок
 Трепещущей звездой.
Луна — мой белый поплавок
 Над черною водой.

Сижу, старик, у вечных вод
 И тихо так пою,
И солнце каждый день клюет
 На удочку мою.

А я веду его, веду
 Весь день по небу, но —
Под вечер, заглотив звезду,
 Срывается оно.

И скоро звезд моих запас
 Истрачу я, рыбак.
Эй, берегитесь! В этот час
 Охватит землю мрак.

1919

42. ВОСПОМИНАНИЕ

Здесь, у этого колодца,
Поднесла ты мне две розы.
Я боялся страсти томной —
Алых роз твоих не принял.

Я сказал: «Прости, Алина,
Мне к лицу венок из лавров
Да серебряные розы
Размышлений и мечтаний».

Больше нет Алины милой,
Пересох давно колодец,
Я ж лелею одиноко
Голубую розу — старость.

Скоро в домик мой сойдутся
Все соседи и соседки
Посмотреть, как я забылся
С белой, томной розой смерти.

1914

43. СЕРДЦЕ

Забвенье — сознание — забвенье...
А сердце, кровавый скупец,
Всё копит земные мгновенья
В огромный свинцовый ларец.

В ночи ли проснусь я, усталый,
На жарком одре бредовом —
Оно, надрываясь, в подвалы
Ссыпает мешок за мешком.

А если глухое биенье
Замедлит порою слегка —
Отчетливей слышно паденье
Червонца на дно сундука.

И много тяжелых цехинов,
И много поддельных гиней
Толпа теневых исполинов
Разграбит в час смерти моей.

1916, 1921

44. СТАРУХА

Запоздалая старуха,
Задыхаясь, тащит санки.
Ветер, снег.
А бывало-то! В Таганке!
Эх!
Расстеган — легче пуха,
Что ни праздник — пироги,
С рисом, с яйцами, с визигой...
Ну, тянись, плохая, двигай!
А кругом ни зги.
«Эх, сыночек, помоги!»

Но спешит вперед прохожий,
Весь блестя скрипучей кожей.
И вослед ему старуха
Что-то шепчет, шепчет глухо,
И слаба-то, и пьяна
Без вина.

Это вечер. Завтра глянет
Мутный день, метель устанет,
Чуть закружится снежок...
Выйдем мы — а у ворот
Протянулась из сугроба
Пара ног.
Легкий труп, окоченелый,
Простыней покрывши белой,
В тех же саночках, без гроба,
Милицейский увезет,
Растволкав плечом народ.
Неречист и хладнокровен
Будет он, — а пару бревен,
Что везла она в свой дом,
Мы в печи своей сожжем.

1919

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

45. МУЗЫКА

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Еще воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на Бережках обедня
Еще не отошла. Я выхожу во двор.
Как мало всё: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей! Сребро-розов
Морозный пар. Столпы его восходят
Из-за домов под самый купол неба,
Как будто крылья ангелов гигантских.
И маленьким таким вдруг оказался
Дородный мой сосед, Сергей Иваныч.
Он в полушубке, в валенках. Дрова
Вокруг него раскиданы по снегу.
Обеими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колун над головою
Заносит он, но — тук! тук! тук! — не громко
Звучат удары: небо, снег и холод
Звук поглощают... «С праздником, сосед».
— «А, здравствуйте!» Я тоже расставляю
Свои дрова. Он — тук! Я — тук! Но вскоре
Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-ка минутку,
Как будто музыка?» Сергей Иваныч
Перестает работать, голову слегка
Приподнимает, ничего не слышит,

Но слушает старательно... «Должно быть,
Вам показалось», — говорит он. «Что вы,
Да вы прислушайтесь. Так ясно слышно!»
Он слушает опять: «Ну, может быть —
Военного хоронят? Только что-то
Мне не слышать». Но я не унимаюсь:
«Помилуйте, теперь совсем уж ясно.
И музыка идет как будто сверху.
Виолончель... и арфы, может быть...
Вот хорошо играют! Не стучите».
И бедный мой Сергей Иванович снова
Перестает колоть. Он ничего не слышит,
Но мне мешать не хочет и досады
Старается не выказать. Забавно:
Стоит он посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонию. И жалко
Мне наконец становится его.
Я объявляю: «Кончилось!» Мы снова
За топоры беремся. Тук! Тук! Тук! А небо
Такое же высокое, и так же
В нем ангелы пернатые сияют.

1920

46

Леди долго руки мыла,
Леди крепко руки терла.
Эта леди не забыла
Окровавленного горла.

Леди, леди! Вы как птица
Бьетесь на бессонном ложе.

Триста лет уж вам не спится —
Мне лет шесть не спится тоже.

1922

47

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жестью белой,
То пряник вяземский, то мятного коня.

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно всё:
И материнство горькое свое,
И просто всё, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой (как помню этот день я!),
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

Только ощущеньем кручи
Ты еще трепещешь вся —
Легкая моя, падучая,
Милая душа моя!

1920

49. К ПСИХЕЕ

Душа! Любовь моя! Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие колышешь
В такой лазури, что порой,

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не наглажусь.

И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он — тебя?

1920

50. ДУША

Душа моя — как полная луна:
Холодная и ясная она.

На высоте горит себе, горит —
И слез моих она не осушит;

И от беды моей не больно ей,
И ей невнятен стон моих страстей;

А сколько здесь мне довелось страдать —
Душе сияющей не стоит знать.

1921

51

Психея! Бедная моя!
Дыханье робко затая,
Внимать не смеет и не хочет:
Заслушаться так жутко ей
Тем, что безмолвие пророчит
В часы мучительных ночей.

Увы! за что, когда всё спит,
Ей вдохновение твердит
Свои пифийские глаголы?
Простой душе невыносим
Дар тайнослышанья тяжелый.
Психея падает под ним.

1921

52. ИСКУШЕНИЕ

«Довольно! Красоты не надо.
Не стоит песен подлый мир.
Померкни, Тассова лампада,
Забудься, друг веков, Омир!

И Революции не надо!
Ее рассеянная рать
Одной венчается наградой,
Одной свободой — торговать.

Вотще на площади пророчит
Гармонии голодный сын:
Благих вестей его не хочет
Благополучный гражданин.

“Прочь, не мешай мне, я торгую.
Но не буржуй, но не кулак,
Я прячу выручку дневную
Свободы в огненный колпак”.

Душа! тебе до боли тесно
Здесь, в опозоренной груди.
Ищи отрады поднебесной,
А вниз, на землю, не гляди».

Так искушает сердце злое
Психеи чистые мечты.
Психея же в ответ: «Земное,
Что о небесном знаешь ты?»

1921

Пускай минувшего не жаль,
Пускай грядущего не надо —
Смотрю с язвительной отрадой
Времен в приближенную даль.

Всем равный жребий, вровень хлеба
Отмерит справедливый век.
А все-таки порой на небо
Посмотрит смиренный человек, —
И одиночество възграет,
И душу гордость окрылит:
Он неравенство оценит
И дерзновенья пожелает...
Так нынче травка прорастает
Сквозь трещины гранитных плит.

1921

54. БУРЯ

Буря! Ты армады гонишь
По разгневанным водам,
Тучи вьешь и мачты клонишь,
Прах подъемлешь к небесам.

Реки вспять ты обращаешь,
На скалы бросаешь понт,
У старушки вырываешь
Ветхий, вывернутый зонт.

Вековые рощи косишь,
Градом бьешь посев полей, —
Только мудрым не приносишь
Ни веселий, ни скорбей.

Мудрый подойдет к окошку,
Поглядит, как бьет гроза, —
И смыкает понемножку
Пресыщённые глаза.

1921

55

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.

Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...

Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стригу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.

1921

56. ГОСТЮ

Входя ко мне, носи мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если сам ты Божий.
А маленькую доброту,
Как шляпу, оставляй в прихожей.

Здесь, на горошине земли,
Будь или ангел, или демон.
А человек — иль не затем он,
Чтобы забыть его могли?

1921

57

Когда б я долго жил на свете,
Должно быть, на исходе дней
Упали бы соблазнов сети
С несчастной совести моей.

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.

1921

58. ЖИЗЕЛЬ

Да, да! В слепой и нежной страсти
Переболей, перегори,
Рви сердце, как письмо, на части,
Сойди с ума, потом умри.

И что ж? Могильный камень двигать
Опять придется над собой,
Опять любить и ножкой дрыгать
На сцене лунно-голубой.

1922

59. ДЕНЬ

Горячий ветер, злой и лживый.
Дыханье пыльной духоты.
К чему, душа, твои порывы?
Куда еще стремишься ты?

Здесь хорошо. Вкушает лира
Свой усыпительный покой
Во влажном сладострастьи мира,
В ленивой прелести земной.

Здесь хорошо. Грозы раскаты
Над ясной улицей ворчат,
Идут под музыку солдаты,
И бесы юркие кишат:

Там разноцветные афиши
Спешат расклеить по стенам,
Там скатываются по крыше
И падают к людским ногам.

Тот ловит мух, другой танцует,
А этот, с мордочкой тупой,
Бесстыжим всадником гарцует
На бедрах ведьмы молодой...

И, верно, долго не прервется
Блистательная кутерьма,
И с грохотом не распадется
Темно-лазурная тюрьма,

И солнце не устанет парить,
И поп, деньку такому рад,
Не догадается ударить
Над этим городом в набат.

1921

60–61. ИЗ ОКНА

1

Нынче день такой забавный:
От возниц, что было сил,
Конь умчался своенравный;
Мальчик змея упустил;
Вор цыпленка утащил
У безносой Николавны.

Но настигнут вор нахальный,
Змей упал в соседний сад,
Мальчик ладит хвост мочальный,
И коня ведут назад:
Восстает мой тихий ад
В стройности первоначальной.

1921

2

Всё жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль,
Зевака бледный окровавит
Торцовую сухую пыль.

И с этого пойдёт, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвется,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат,
Начнется всё, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.

1921

62. В ЗАСЕДАНИИ

Грубой жизнью оглушенный,
Нестерпимо уязвленный,
Опускаю веки я —
И дремлю, чтоб легче минул,
Чтобы как отлив отхлынул
Шум земного бытия.

Лучше спать, чем слушать речи
Злобной жизни человечьей,
Малых правд пустую прю.
Всё я знаю, всё я вижу —
Лучше сном к себе приближу
Неизвестную зарю.

А уж если сны приснятся,
То пускай в них повторяется
Детства давние года:
Снег на дворике московском
Иль — в Петровском-Разумовском
Пар над зеркалом пруда.

1921

63

Ни розового сада,
Ни песенного лада
Воистину не надо —
Я падаю в себя.

На всё, что людям ясно,
На всё, что им прекрасно,
Вдруг стала несогласна
Взыгравшая душа.

Мне всё невыносимо!
Скорей же, легче дыма,
Летите мимо, мимо,
Дурные сны земли!

1921

64. СТАНСЫ

Бывало, думал: ради мига
И год, и два, и жизнь отдам...
Цены не знает прощельга
Своим приبلудным пятакам.

Теперь иные дни настали.
Лежат морщины возле губ,
Мои минуты вздорожали,
Я стал умен, суров и скуп.

Я много вижу, много знаю,
Моя седеет голова,
И звездный ход я примечаю,
И слышу, как растет трава.

И каждый вам неслышный шепот,
И каждый вам незримый свет
Обогащают смутный опыт
Психеи, падающей в бред.

Теперь себя я не обижу:
Старею, горблюсь, — но коплю
Всё, что так нежно ненавижу
И так язвительно люблю.

1922

65. ПРОБОЧКА

Пробочка над крепким йодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

1921

66. ИЗ ДНЕВНИКА

Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.

Прорежется — и сбросит прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокий — канет в ночь,
Не в эту sereneкую ночку.

А я останусь тут лежать —
Банкир, заколотый апашем, —
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.

1921

67. ЛАСТОЧКИ

Имей глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тем воспаленным диском.
Две ласточки напрасно рвутся прочь,
Перед окном шныряя с тонким писком.

Вон ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крылом остроугольным,
Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьим крылышком, ни сердцем
подневольным.

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи —
Не станешь духом. Жди, смотря в упор,
Как брызжет свет, не застилая ночи.

1921

68

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

1922

Смотрю в окно — и презираю.
 Смотрю в себя — презрен я сам.
 На землю громы призываю,
 Не доверяя небесам.

Дневным сиянием объятый,
 Один беззвездный вижу мрак...
 Так вьется на гряде червяк,
 Рассечен тяжкою лопатой.

1921

70. СУМЕРКИ

Снег навалил. Всё затихает, глохнет.
 Пустынный тянется вдоль переулка дом.
 Вот человек идет. Пырнуть его ножом —
 К забору прислонится и не охнет.
 Потом опустится и ляжет вниз лицом.
 И ветерка дыханье снеговое,
 И вечера чуть уловимый дым —
 Предвестники прекрасного покоя —
 Свободно так закружатся над ним.
 А люди черными сбегутся муравьями
 Из улиц, со дворов и станут между нами.
 И будут спрашивать, за что и как убил, —
 И не поймет никто, как я его любил.

1921

71. ВАКХ

Как волшебник, прихожу я
Сквозь весеннюю грозу.
Благосклонно приношу я
Вам азийскую лозу.

Ветку чудную привейте,
А когда настанет срок,
В чаши чистые налейте
Мой животворящий сок.

Лейте женам, пейте сами,
Лейте девам молодым.
Сам я буду между вами
С золотым жезлом моим.

Подскажу я песни хору,
В светлом буйстве закружу,
Отуманенному взору
Дивно всё преобразу.

И дана вам будет сила
Знать, что скрыто от очей,
И ни старость, ни могила
Не смутят моих детей.

Ни змея вас не ужалит,
Ни печаль — покуда хмель
Всех счастливцев не повалит
На зеленую постель.

Я же — прочь, походкой резвой,
В розовеющий туман,
Сколько бы ни выпил — трезвый,
Лишь самим собою пьян.

1921

72. ЛИДА

Высоких слов она не знает,
Но грудь бела и высока
И сладострастно воздыхает
Из-под кисейного платка.
Ее стопы порою босы,
Ее глаза слегка раскосы,
Но сердце тем верней летит
На их двусмысленный магнит.
Когда поют ее подруги
У полунощного костра,
Она молчит, скрестивши руки,
Но хочет песен до утра.
Гитарный голос ей понятен
Отзывом роковых страстей,
И, говорят, немало пятен —
Разгулу отданных ночей —
На женской совести у ней.
Лишь я ее не вызываю
Условным стуком на крыльцо,
Ее ночей не покупаю
Ни за любовь, ни за кольцо.
Но мило мне ее явленье,
Когда на спящее селенье
Ложится утренняя мгла:

Она проходит в отдаленье,
Едва слышна, почти светла,
Как будто Ангелу Паденья
Свободно руку отдала.

1921

73. БЕЛЬСКОЕ УСТЬЕ

Здесь даль видна в просторной раме:
За речкой луг, за лугом лес.
Здесь ливни черными столпами
Проходят по краям небес.

Здесь радуга высоким сводом
Церковный покрывает крест,
И каждый праздник по приходам
Справляют ярмарки невест.

Здесь аисты, болота, змеи,
Крутой песчаный косогор,
Простые сельские затеи,
Об урожае разговор.

А я росистые поляны
Топчу тяжелым башмаком,
Я петербургские туманы
Таю любовно под плащом

И к девушкам, румяным розам,
Склоняясь томною главой,
Дышу на них туберкулезом,
И вдохновеньем, и Невой,

И мыслю: что ж, таков от века,
От самых роковых времен,
Для ангела и человека
Непререкаемый закон.

И тот, прекрасный неудачник
С печатью знания на челе,
Был тоже — просто первый дачник
На расцветающей земле.

Сойдя с возвышенного Града
В долину мирных райских роз,
И он дыхание распада
На крыльях дымчатых принес.

1921

74

Горит звезда, дрожит эфир,
Таится ночь в полете арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

1921

75

Играю в карты, пью вино,
С людьми живу — и лба не хмурю.
Ведь знаю: сердце всё равно
Летит в излюбленную бурю.

Лети, кораблик мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нет на том пути,
Куда уносит вдохновенье.

Уж не вернуться нам назад,
Хотя в ненастье нашей ночи,
Быть может, с берега глядят
Одни нам ведомые очи.

А нет — беды не много в том!
Забыты мы — и то не плохо.
Ведь мы и гибнем и поем
Не для девического вздоха.

1922

76. АВТОМОБИЛЬ

Бредем в молчании суровом.
Сырая ночь, пустая мгла.
И вдруг — с каким певучим зовом —
Автомобиль из-за угла.

Он черным лаком отливаает,
Сияя гранями стекла,
Он в сумрак ночи простирает
Два белых ангельских крыла.

И стали здания похожи
На праздничные стены зал,
И близко возле нас прохожий
Сквозь эти крылья пробежал.

А свет мелькнул и замаячил,
Колебя дождевую пыль...
Но слушай: мне являться начал
Другой, другой автомобиль...

Он пробегает в ясном свете,
Он пробегает белым днем,
И два крыла на нем, как эти,
Но крылья черные на нем.

И всё, что только попадает
Под черный сноп его лучей,
Невозвратно исчезает
Из утлой памяти моей.

Я забываю, я теряю
Психею светлую мою,
Слепые руки простираю
И ничего не узнаю:

Здесь мир стоял, простой и целый,
Но с той поры, как ездит *тот*,
В душе и в мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот.

1921

77. ВЕЧЕР

Под ногами скользь и хруст.
Ветер дунул, снег пошел.
Боже мой, какая грусть!
Господи, какая боль!

Тяжек Твой подлунный мир,
Да и Ты немилосерд.
И к чему такая ширь,
Если есть на свете смерть?

И никто не объяснит,
Отчего на склоне лет
Хочется еще бродить,
Верить, коченеть и петь.

1922

Странник прошел, опираясь на посох, —
 Мне почему-то припомнилась ты.
 Едет пролетка на красных колесах —
 Мне почему-то припомнилась ты.
 Вечером лампу зажгут в коридоре —
 Мне непременно припомнишься ты.
 Что б ни случилось, на суше, на море
 Или на небе, — мне вспомнишься ты.

1922

79. ПОРОК И СМЕРТЬ

Порок и смерть! Какой соблазн горит
 И сколько нег вздыхает в слове малом!
 Порок и смерть язвят единым жалом,
 И только тот их язвы убежит,
 Кто тайное хранит на сердце слово —
 Утешный ключ от бытия иного.

1921

80. ЭЛЕГИЯ

Деревья Кронверкского сада
 Под ветром буйно шелестят.
 Душа взыграла. Ей не надо
 Ни утешений, ни услад.

Глядит бесстрашными очами
В тысячелетия свои,
Летит широкими крылами
В огнекрылатые рои.

Там всё огромно и певуче,
И арфа в каждой есть руке,
И с духом дух, как туча с тучей,
Гремят на чудном языке.

Моя изгнанница вступает
В родное, древнее жильё
И страшным братьям заявляет
Равенство гордое своё.

И навсегда уж ей не надо
Того, кто под косым дождем
В аллеях Кронверкского сада
Бредет в ничтожестве своём.

И не понять мне бедным слухом
И косным не постичь умом,
Каким она там будет духом,
В каком раю, в аду каком.

1921

81

На тускнеющие шпили,
На верхи автомобилей,
На железо старых стрех
Налипает первый снег.

Много раз я это видел,
А потом возненавидел,
Но сегодня тот же вид
Новым чем-то веселит.

Это сам я в год минувший,
В Божьи бездны соскользнувший,
Пересоздал навсегда
Мир, державшийся года.

И вот в этом мире новом,
Напряженном и суровом,
Нынче выпал первый снег...
Не такой он, как у всех.

1921

82. МАРТ

Размякло, и раскисло, и размокло.
От сырости так тяжело вздохнуть.
Мы в тротуары смотримся, как в стекла,
Мы смотрим в небо — в небе дождь и муть...

Не чудно ли? В затоптанном и низком
Свой горный лик мы нынче обрели,
А там, на небе, близком, слишком близком,
Всё только то, что есть и у земли.

1922

Старым снам затерян сонник.
 Всё равно — сбылись иль нет.
 Ночью сядь на подоконник —
 Посмотри на тусклый свет.

Ничего, что так туманны
 Небеса и времена:
 Угадай-ка постоянный
 Вид из нашего окна.

Вспомни всё, что так недавно
 Веселило сердце нам;
 Невский вдаль уходит плавно,
 Небо клонится к домам;

Смотрит серый, вековечный
 Купол храма в купол звезд,
 И на нем — шестиконечный,
 Нам сейчас незримый крест.

1922

Не верю в красоту земную
 И здешней правды не хочу.
 И ту, которую целую,
 Простому счастью не учу.

По нежной плоти человеческой
Мой нож проводит алый жгут:
Пусть мной целованные плечи
Опять крылами прорастут!

1922

85.

Друзья, друзья! Быть может, скоро —
И не во сне, а наяву —
Я нить пустого разговора
Для всех неожиданно оборву

И, повинуюсь только звуку
Души, запевшей, как смычок,
Вдруг подниму на воздух руку,
И затрепещет в ней цветок,

И я увижу и открою
Цветочный мир, цветочный путь, —
О, если бы и вы со мною
Могли туда перешагнуть!

1921

86. УЛИКА

Была туманной и безвестной,
Мерцала в лунной вышине.
Но воплощенной и телесной
Теперь являться стала мне.

И вот — среди беседы чинной
Я вдруг с растерянным лицом
Снимаю волос, тонкий, длинный,
Забывтый на плече моем.

Тут гость из-за стакана чаю
Хитро косится на меня.
А я смотрю и понимаю,
Тихонько ложечкой звеня:

Блажен, кто завлечен мечтою
В безвыходный, дремучий сон
И там внезапно сам собою
В нездешнем счастье уличен.

1922

87

Покрова Майи потаенной
Не приподнять моей руке,
Но чуден мир, отображенный
В твоём расширенном зрачке.

Там в непостижном сочетанье
Любовь и улица даны:
Огня эфирного пыланье
И просто — таянье весны.

Там светлый космос возникает
Под зыбким пологом ресниц.
Он кружится и расцветает
Звездой велосипедных спиц.

1922

Большие флаги над эстрадой,
Сидят пожарные, трубя.
Закрой глаза и падай, падай,
Как навзничь — в самого себя.

День, раздраженный трубным ревом,
Небес надвинутую синь
Заворожи единым словом,
Одним движеньем отодвинь.

И, закатив глаза под веки,
Движенье крови затая,
Вдохни минувший сумрак некий,
Утробный сумрак бытия.

Как всадник на горбах верблюда,
Назад в истоме откачнись,
Замри — или умри отсюда,
В давно забытое родись.

И с обновленною отрадой,
Как бы мираж в пустыне сей,
Увидишь флаги над эстрадой,
Услышишь трубы трубачей.

1922

Гляжу на грубые ремесла,
И знаю твердо: мы в раю...
Простой рыбак бросает весла
И ржавый якорь на скамью.

Потом с товарищем толкает
Ладью тяжелую с песков
И против солнца уплывает
Далёко на вечерний лов.

И там, куда смотреть нам больно,
Где плещут волны в небосклон,
Высокий парус треугольный
Легко разворачивает он.

Тогда встает в дали далекой
Розовоперое крыло.
Ты скажешь: ангел там высокий
Ступил на воды тяжело.

И неспешными стопами
Другие подошли к нему,
Шатая плавными крылами
Морскую дымчатую тьму.

Клубятся облака густые,
Дозором ангелы встают, —
И кто поверит, что простые
Там сети и ладьи плывут?

1922

Ни жить, ни петь почти не стоит:
 В непрочной грубости живем.
 Портной тачает, плотник строит:
 Швы расползутся, рухнет дом.

И лишь порой сквозь это тленье
 Вдруг умиленно слышу я
 В нем заключенное биенье
 Совсем иного бытия.

Так, провожая жизни скуку,
 Любовно женщина кладет
 Свою взволнованную руку
 На грузно пухнувший живот.

1922

91. БАЛЛАДА

Сижу, освещаемый сверху,
 Я в комнате круглой моей.
 Смотрю в штукатурное небо
 На солнце в шестнадцать свечей.

Кругом — освещенные тоже,
 И стулья, и стол, и кровать.
 Сижу — и в смущенье не знаю,
 Куда бы мне руки девать.

Морозные белые пальмы
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом
В жилетном кармане идут.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?

И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытьи.

Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвиё.

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,
В текучие звезды челом.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть может, змеи, —

Как пению дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает — Орфей.

1921

92

Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?
На что ты можешь дать ответ?
Сама томишься, пленница, и плачешь:
Тебе самой исхода нет.

Рожденная от опыта земного,
Бессильная пред злобой дня,
Сама себя ты уязвить готова,
Как скорпион в кольце огня.

1921

93

Слышать я вас не могу.
Не подступайте ко мне.
Волком бы лечь на снегу!
Дыбом бы шерсть на спине!

Белый оскаленный клык
В небо ощерить и взвыть —
Так, чтобы этот язык
Зубом насквозь прокусить...

Впрочем, объявят тогда,
Что испарился уж я,
Эти вот все господа:
Критики, дамы, друзья.

1921

94. НЕВЕСТА

Напрасно проросла трава
На темени земного ада:
Природа косная мертва
Для пронизательного взгляда.

Не знаю воли я творца,
Но знаю я свое мученье,
И дерзкой волею певца
Приемлю дерзкое решенье.

Смотри, Молчальник, и суди:
Мертва лежит отроковица,
Но я коснусь ее груди —
И, вставши, в зеркало глядится.

Мной воскрешенную красу
Беру, как ношу дорогую, —
К престолу твоему несу
Мою невесту молодую.

Разгладь насупленную бровь,
Воззри на чистое созданье,
Даруй нам вечную любовь
И непорочное слиянье!

А если с высоты твоей
На чудо нет благословенья —
Да будет карою моей
Сплошная смерть без воскресенья.

1922

ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ

95. ПЕТЕРБУРГ

Напастям жалким и однообразным
Там предавались до потери сил.
Один лишь я полуживым соблазном
Средь озабоченных ходил.

Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои.

А мне тогда в тьме гробовой, российской,
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музыкальный
Мне в сногшибательных ветрах.

И я безумел от видений,
Когда чрез ледяной канал,
Скользя с обломанных ступеней,
Треску зловонную таскал,

И, каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку.

1925

Жив Бог! Умен, а не заумен,
 Хожу среди своих стихов,
 Как непоблажливый игумен
 Среди смиренных чернецов.
 Пасу послушливое стадо
 Я процветающим жезлом.
 Ключи таинственного сада
 Звенят на поясе моем.
 Я — чающий и говорящий.
 Заумно, может быть, поет
 Лишь ангел, Богу предстоящий, —
 Да Бога не узревший скот
 Мычит заумно и ревет.
 А я — не ангел осиянный,
 Не лютый змий, не глупый бык.
 Люблю из рода в род мне данный
 Мой человеческий язык:
 Его суровую свободу,
 Его извилистый закон...
 О, если б мой предсмертный стон
 Облечь в отчетливую оду!

1923

Весенний лепет не разнежит
 Сурово стиснутых стихов.
 Я полюбил железный скрежет
 Какофонических миров.

В зиянии разверстых гласных
Дышу легко и вольно я.
Мне чудится в толпе согласных —
Льдин взгроможденных толчея.

Мне мил — из оловянной тучи
Удар изломанной стрелы,
Люблю певучий и визгучий
Лязг электрической пилы.

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот —
Дрожь, пробежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот,

Иль сон, где, некогда единый, —
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия.

1923

98. СЛЕПОЙ

Палкой щупая дорогу,
Бродит наугад слепой,
Осторожно ставит ногу
И бормочет сам с собой.
А на бельмах у слепого
Целый мир отображен:
Дом, лужок, забор, корова,
Клочья неба голубого —
Всё, чего не видит он.

1923

Вдруг из-за туч озолотило
И столик, и холодный чай.
Помедли, зимнее светило,
За черный лес не упадай!

Дай просиять в румянном блеске,
Прилежным поскрипеть пером.
Живет в его проворном треске
Весь вздох о бытии моем.

Трепещущим, колючим током
С раздвоенного остря
Бежит — и на листе широком
Отображаюсь... нет, не я:

Лишь угловатая кривая,
Минутный профиль тех высот,
Где, восходя и ниспадая,
Мой дух страдает и живет.

1923

100—103. У МОРЯ

1

Лежу, ленивая амеба,
Гляжу, прищуря левый глаз,
В эмалированное небо,
Как в опрокинувшийся таз.

Всё тот же мир обыкновенный,
И утварь бедная всё та ж.
Прибой размыленную пеной
Взбегает на покатый пляж.

Белеют плоские купальни,
Смуглеет женское плечо.
Какой огромный умывальник!
Как солнце парит горячо!

Над раскаленными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава.

А по пескам, жарой измаян,
Средь здоровеющих людей
Неузнанный проходит Каин
С экземой между бровей.

1922

2

Сидит в табачных магазинах,
Погряз в простом житье-бытье
И отражается в витринах
Широкополым канотье.

Как муха на бумаге липкой,
Он в нашем времени дрожит
И даже вежливой улыбкой
Лицо нездешнее косит.

Он очень беден, но опрятен
И перед выходом на пляж
Для выведения разных пятен
Употребляет карандаш.

Он всё забыл. Как мул с поклажей,
Слоняется по нашим дням,
Порой просматривает даже
Столбцы газетных телеграмм,

За кружкой пива созерцает,
Как пляшут барышни фокстрот, —
И разом вдруг ослабевает,
Как сердце в нем захолонет.

О чем? Забыл. Непостижимо,
Как можно жить в тоске такой!
Он вскакивает. Мимо, мимо,
Под ветер, на берег морской!

Кольшется его просторный
Пиджак — и, подавляя стон,
Под европейской ночью черной
Заламывает руки он.

1922

3

Пустился в море с рыбаками.
Весь день на палубе лежал,
Молчал — и желтыми зубами
Мундштук прокуренный кусал.

Качало. Было всё немило:
И ветер, и небес простор,

Где мачта шаткая чертила
Петлистый, правильный узор.

Под вечер буря налетела.
О, как скучал под бурей он,
Когда гремело, и свистело,
И застилало небосклон!

Увы! он слушал не впервые,
Как у изломанных снастей
Молились рыбаки Марии,
Заступнице, Звезде Морей!

И не впервые, не впервые
Он людям говорил из тьмы:
«Мария тут иль не Мария —
Не бойтесь, не потонем мы».

Под утро, дымкою повитый,
По усмирившимся волнам
Поплыл баркас полуразбитый
К родным песчаным берегам.

Встречали женщины толпою
Отцов, мужей и сыновей.
Он миновал их стороною,
Угрюмой поступью своей

Шел в гору, подставляя спину
Струям холодного дождя,
И на счастливую картину
Не обернулся уходя.

1923

Изломала, одолевает
 Нестерпимая скука с утра.
 Чью-то лодку море качает,
 И кричит на песке детвора.

Примостился в кофейне где-то
 И глядит на двух толстяков,
 Обсуждающих за газетой
 Расписание поездов.

Раскаленными взрывами брызжа,
 Солнце крутится колесом.
 Он хрипит сквозь зубы: «Уймись же!» —
 И стучит сухим кулаком.

Опрокинул столик железный,
 Опрокинул пиво свое.
 Бесполезное — бесполезно:
 Продолжается бытие.

Он пристал к бездомной собаке
 И за ней слонялся весь день,
 А под вечер в приморском мраке
 Затерялся и пес, как тень.

Вот тогда-то и подхватило,
 Одурманило, понесло,
 Затуманило, закрутило,
 Перекинуло, подняло:

Из-под ног земля убегает,
 Глазам не видать ни зги, —
 Через горы и реки шагают
 Семиверстные сапоги.

1923

104. БЕРЛИНСКОЕ

Что ж? От озноба и простуды —
Горячий гог или коньяк.
Здесь музыка, и звон посуды,
И лиловатый полумрак.

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом —

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб.

И там, скользя в ночную гнилость,
На толще чуждого стекла
В вагонных окнах отразилась
Поверхность моего стола, —

И, проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.

1922

С берлинской улицы
Вверху луна видна.
В берлинских улицах
Людская тень длинна.

Дома — как демоны,
Между домами — мрак;
Шеренги демонов,
И между них — сквозняк.

Дневные помыслы,
Дневные души — прочь:
Дневные помыслы
Перешагнули в ночь.

Опустошенные,
На перекрестки тьмы,
Как ведьмы, по трое
Тогда выходим мы.

Нечеловечий дух,
Нечеловечья речь, —
И песьи головы
Поверх сутулых плеч.

Зеленой точкою
Глядит луна из глаз,
Сухим неистовством
Обуревая нас.

В асфальтном зеркале
Сухой и мутный блеск —
И электрический
Над волосами треск.

1923

106. AN MARIECHEN*

Зачем ты за пивною стойкой?
Пристала ли тебе она?
Здесь нужно быть девицей бойкой, —
Ты нездорова и бледна.

С какой-то розою огромной
У нецелованных грудей, —
А смертный венчик, самый скромный,
Украсил бы тебя милей.

Ведь так прекрасно, так нетленно
Скончаться рано, до греха.
Родители же непременно
Тебе отыщут жениха.

Так называемый хороший
И вправду — честный человек
Перегрузит тяжелой ношей
Твой слабый, твой короткий век.

* К Марихен (нем.). — *Ред.*

Уж лучше бы — я еле смею
Подумать про себя о том —
Попасться бы тебе злодею
В пустынной роще, вечером.

Уж лучше в несколько мгновений
И стыд узнать, и смерть принять,
И двух ислений, двух растений
Не разделять, не разлучать.

Лежать бы в платице измятом
Одной, в березняке густом,
И нож под левым, лиловатым,
Еще девическим соском.

1923

107

Было на улице полутемно.
Стукнуло где-то под крышей окно.

Свет промелькнул, занавеска взвилась,
Быстрая тень со стены сорвалась, —

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.

1922

Нет, не найду сегодня пищи я
Для утешительной мечты:
Одни шарманщики, да нищие,
Да дождь — всё с той же высоты.

Тускнеет в лужах электричество,
Нисходит предвечерний мрак
На идиотское количество
Серошетиновых собак.

Та — ткнется мордою нечистою
И, повернувшись, отбежит,
Другая лапою когтистою
Скребет обшмыганный гранит.

Те — жилятся, присев на корточки,
Повесив набок языки, —
А их из самой верхней форточки
Зовут хозяйские свистки.

Всё высвистано, прособачено.
Вот так и шлепай по грязи,
Пока не вздрогнет сердце, схвачено
Внезапным треском жалюзи.

1923

109. ДАЧНОЕ

Уродики, уродища, уроды
Весь день озерные мутили воды.

Теперь над озером ненастье, мрак,
В траве — лягушечий зеленый квак.

Огни на дачах гаснут понемногу,
Клубки червей полезли на дорогу,

А вдалеке, где всё затерла мгла,
Тупая граммофонная игла

Шатается по рытвинам царапин,
И из трубы еще рычит Шаляпин.

На мокрый мир нисходит угомон...
Лишь кое-где, топча сырой газон,

Блудливые невесты с женихами
Слипаются, накрытые зонтами,

А к ним под юбки лезет с фонарем
Полуслепой, широкоротый гном.

1923

110. ПОД ЗЕМЛЕЙ

Где пахнет черною карболкой
И провонявшею землей,
Стоит, склоняя профиль колкий
Пред изразцовою стеной.

Не отойдет, не обернется,
Лишь весь качается слегка,
Да как-то судорожно бьется
Потертый локоть сюртука.

Заходят школьники, солдаты,
Рабочий в блузе голубой, —
Он всё стоит, к стене прижатый
Своею дикою мечтой.

Здесь создает и разрушает
Он сладострастные миры,
А из соседней конуры
За ним старуха наблюдает.

Потом в открывшуюся дверь
Видны подушки, стулья, склянки.
Вошла — и слышатся теперь
Обрывки злобной перебранки.
Потом вонючая метла
Безумца гонит из угла.

И вот, из полутьмы глубокой
Старик сутулый, но высокий,

В таком почтенном сюртуке,
В когда-то модном котелке,
Идет по лестнице широкой,
Как тень Аида — в белый свет,
В берлинский день, в блестящий бред.
А солнце ясно, небо сине,
А сверху синяя пустыня...
И злость, и скорбь моя кипит,
И трость моя в чужой гранит
Неумолкаемо стучит.

1923

111

Всё каменное. В каменный пролет
Уходит ночь. В подъездах, у ворот —

Как изваянья — слипшиеся пары.
И тяжкий вздох. И тяжкий дух сигары.

Бренчит о камень ключ, гремит засов.
Ходи по камню до пяти часов,

Жди: резкий ветер дунет в окарино
По скважинам громоздкого Берлина —

И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов.

1923

Встаю расслабленный с постели.
 Не с Богом бился я в ночи, —
 Но тайно сквозь меня летели
 Колючих радио лучи.

И мнится: где-то в теле живы,
 Бегут по жилам до сих пор
 Москвы бунтарские призывы
 И бирж всесветный разговор.

Незаглушимо и сумбурно
 Пересеклись в моей тиши
 Ночные голоса Мельбуерна
 С ночными знаньями души.

И чьи-то имена и цифры
 Вонзаются в разъятый мозг,
 Врываются в глухие шифры
 Разряды океанских гроз.

Хожу — и в ужасе внимаю
 Шум, не внимаемый никем.
 Руками уши зажимаю —
 Всё тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами,
 Европы темные сыны,
 Какими вы *еще* лучами
 Неощутимо пронзены!

1923

113. ХРАНИЛИЩЕ

По залам прохожу лениво.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
Душою жить — который раз? —
В кому-то снившемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Всё бьется человеческий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет! полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадонн, —
И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

1924

114

Интриги бирж, потуги наций.
Лавина движется вперед.
А всё под сводом Прокураций
Дух беззаботности живет.

И беззаботно так уснула,
Поставив тувельки рядком,
Неограчимая Урсула
У Алинари за стеклом.

И не без горечи сокрытой
Хожу и мыслю иногда,
Что Некто, мудрый и сердитый,
Однажды поглядит сюда,

Нечаянно развеселится,
Весь мир улыбкой озаря,
На шаль красотки заглядится,
Забудется, как нынче я, —

И всё исчезнет невозвратно
Не в очистительном огне,
А просто — в легкой и приятной
Венецианской болтовне.

1924

115. СОРРЕНТИНСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Воспоминанье прихотливо
И непослушливо. Оно —
Как узловатая олива:
Никак, ничем не стеснено.
Свои причудливые ветви
Узлами диких соответствий
Нерасторжимо заплетет —
И так живет, и так растет.

Порой фотограф-ротозей
Забудет снимкам счет и пленкам
И снимет парочку друзей,
На Капри, с беленьким козленком, —
И тут же, пленки не сменив,
Запечатлеет он залив
За пароходною кормою
И закопченную трубу
С косою дымною на лбу.
Так сделал нынешней зимою
Один приятель мой. Пред ним
Смешались воды, люди, дым
На негативе помутнелом.
Его знакомый легким телом
Полупрозрачно заслонял
Черты скалистых исполинов,
А козлик, ноги в небо вскинув,
Везувий рожками бодал...
Хоть я и не люблю козляток
(Ни итальянских пикников) —
Двух совместившихся миров
Мне полюбился отпечаток:
В себе виденья затая,
Так протекает жизнь моя.

Я вижу скалы и агавы,
А в них, сквозь них и между них —
Домишко низкий и плюгавый,
Обитель прачек и портных.
И как ни отвожу я взора,
Он всё маячит предо мной,
Как бы сползая с косогора
Над мутною Москвой-рекой.

И на зеленый, величавый
Амальфитанский перевал
Он жалкой тенью набежал,
Стопою нищенскою стал
На пласт окаменелой лавы.

Раскрыта дверь в полуподвал,
И в сокрушении глубоком
Четыре прачки, полубоком,
Выносят из сеней во двор
На полотенцах гроб дощатый,
В гробу — Савельев, полотер.
На нем — потертый, полосатый
Пиджак. Икона на груди
Под бородою рыжеватой.
«Ну, Ольга, полно. Выходи».
И Ольга, прачка, за перила
Хватаясь крепкою рукой,
Выходит. И заголосила.
И тронулись под женский вой
Неспешно со двора долой.
И сквозь колючие агавы
Они выходят из ворот,
И полотера лоб курчавый
В лазурном воздухе плывет.
И, от мечты не отрываясь,
Я сам, в оливковом саду,
За смутным шествием иду,
О чуждый камень спотыкаясь.

Мотоциклетка стрекотнула
И сорвалась. Затрепетал

Прожектор по уступам скал,
И отзвук рокота и гула
За нами следом побежал.
Сорренто спит в сырых громадах.
Мы шумно ворвались туда
И стали. Слышно, как вода
В далеких плещет водопадах.
В страстную пятницу всегда
На глаз приметно мир пустеет,
Айдесский, древний ветер веет,
И ущербляется луна.
Сегодня в облаках она.
Тускнеют улицы сырые.
Одна ночная остерия
Огнями желтыми горит.
Ее взлохмаченный хозяин
Облокотившись полуспит.
А между тем уже с окраин
Глухое пение летит;
И озаряется свечами
Кривая улица вдали;
Как черный парус, меж домами
Большое знамя пронесли
С тяжеловесными кистями;
И, чтобы видеть мы могли
Воочию всю ту седмицу,
Проносят плеть и багряницу,
Терновый скорченный венок,
Гвоздей заржавленных пучок,
И лестницу, и молоток.

Но пенье ближе и слышнее.
Толпа колышется, чернея,

А над толпою лишь Она,
Кольцом огней озарена,
В шелках и розах утопая,
С недвижной благостью в лице,
В недостижимом венце,
Плывет, высокая, прямая,
Ладонь к ладони прижимая,
И держит ручкой восковой
Для слез платочек кружевной.
Но жалкою людскою дрожью
Не дрогнут ясные черты.
Не оттого ль к Ее подножью
Летят молитвы и мечты,
Любви кощунственные розы
И от великой полноты —
Сладчайшие людские слезы?
К порогу вышел своему
Седой хозяин остерии.
Он улыбается Марии.
Мария! Улыбнись ему!

Но мимо: уж Она в соборе
В снопах огней, в гремящем хоре.
Над поредевшюю толпой
Порхает отсвет голубой.
Яснее проступают лица,
Как бы напудрены зарей.
Над островерхюю горой
Переливается Денница...

Мотоциклетка под скалой
Летит извилистым полетом,

И с каждым новым поворотом
Залив просторней предо мной.
Горя зарей и ветром вея,
Он всё волшебней, всё живее.
Когда несемся мы правее,
Бегут налево берега,
Мы повернем — и величаво
Их позлащенная дуга
Начнет разворачиваться вправо.
В тумане Прочида лежит,
Везувий к северу дымит.
Запятнан площадною славой,
Он всё торжествен и велик
В своей хламиде темно-ржавой,
Сто раз прожженной и дырявой.
Но вот — румяный луч проник
Сквозь отдаленные туманы.
Встает Неаполь из паров,
И заиграл огонь стеклянный
Береговых его домов.

Я вижу светлые просторы,
Плывут сады, поляны, горы,
А в них, сквозь них и между них —
Опять, как на неверном снимке,
Весь в очертаниях сквозных,
Как был тогда, в студеной дымке,
В ноябрьской утренней заре,
На восьмигранном острие
Золотокрылый ангел розов
И неподвижен — а над ним
Вороньи стаи, дым морозов,

Давно рассеявшийся дым.
И, отражен кастеллармарской
Зеленоватою волной,
Огромный страж России царской
Вниз опрокинут головой.
Так отражался он Невой,
Зловещий, огненный и мрачный,
Таким явился предо мной —
Ошибка пленки неудачной.

Воспоминанье прихотливо.
Как сновидение — оно
Как будто вещей правдой живо,
Но так же дико и темно
И так же, вероятно, лживо...
Среди каких утрат, забот,
И после скольких эпитафий,
Теперь, воздушная, всплывет
И что закроет в свой черед
Тень соррентинских фотографий?

1926

116. ИЗ ДНЕВНИКА

Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом,
Когда мьгтарится душа
То отвращеньем, то восторгом?

Непостижимостей свинец
Всё толще над мечтой понурой, —
Вот и дуреешь наконец,
Как любознательный кузнец
Над просветительской брошюрой.

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобый,
И мягкой вечностью опять
Обволокнуться, как утробой.

1925

117. ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

*Nel mezzo del cammin di nostra vita.**

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

*На середине пути нашей жизни (итал.). — *Ред.*

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, —
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

1924

118. ОКНА ВО ДВОР

Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меня башмака,
Чтобы бросить его в дурака.

.....
Кастрюли, тарелки, пьянино гремят,
Баюкают няньки крикливых ребят.
С улыбкой сидит у окошка глухой,
Зачарован своей тишиной.

.....

Курносый актер перед пыльным трюмо
Целует портреты и пишет письмо, —
И, честно гонясь за правдивой игрой,
В шестнадцатый раз умирает герой.

Отец уж надел котелок и пальто,
Но вернулся, бледный как труп:
«Сейчас же отшлепать мальчишку за то,
Что не любит луковый суп!»

Небритый старик, отодвинув кровать,
Забивает старательно гвоздь,
Но сегодня успеет ему помешать
Идущий по лестнице гость.

Рабочий лежит на постели в цветах.
Очки на столе, медяки на глазах.
Подвязана челюсть, к ладони ладонь.
Сегодня в лед, а завтра в огонь.

Что верно, то верно! Нельзя же силком
Девчонку тащить на кровать!
Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином...

Вода запищала в стене глубоко:
Должно быть, по трубам бежать нелегко,
Всегда в тесноте и всегда в темноте,
В такой темноте и в такой тесноте!

1924

119. БЕДНЫЕ РИФМЫ

Всю неделю над мелкой поживой
Задыхаться, тощать и дрожать,
По субботам с женой некрасивой
Над бокалом, обнявшись, дремать,

В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить,

И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так, —

О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиренье таком
Пузырьки только могут в сифоне,
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком

1926

120

Сквозь ненастный зимний денек —
У него сундук, у нее мешок —

По паркету парижских луж
Ковыляют жена и муж.

Я за ними долго шагал,
И пришли они на вокзал.
Жена молчала, и муж молчал.

И о чем говорить, мой друг?
У нее мешок, у него сундук...
С каблуком топотал каблук.

1927

121. БАЛЛАДА

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, —
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошенным рукавом?

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идет по улице домой.

Ремянный бич я достаю
С протяжным окриком тогда

И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венетийских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

«Pardon, monsieur* , когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять, —

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте перышко одно:
Пускай снежинкой упадет
На грудь спаленную оно».

Стоит безрукий предо мной
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

1925

*Простите, сударь (фр.). — Ред.

122. ДЖОН БОТТОМ

1

Джон Боттом славный был портной,
Его весь Рэстон знал.
Кроил он складно, прочно шил
И дорого не брал.

2

В опрятном домике он жил
С любимой женой
И то иглой, то утюгом
Работал день-деньской.

3

Заказы Боттому несли
Порой издалека.
Была привинчена к дверям
Чугунная рука.

4

Тук-тук — заказчик постучит,
Откроет Мэри дверь, —
Бери-ка, Боттом, карандаш,
Записывай да мерь.

5

Но раз... Иль только это так
Почудилось слегка? —
Как будто стукнула сильней
Чугунная рука.

6

Проклятье вечное тебе,
 Четырнадцатый год!..
 Потом и Боттому пришел,
 Как всем другим, черед.

7

И с верной Мэри целый день
 Прощался верный Джон,
 И целый день на домик свой
 Глядел со всех сторон.

8

И Мэри так ему мила,
 И домик так хорош,
 Да что тут делать? Все равно:
 С собой не заберешь.

9

Взял Боттом карточку жены
 Да прядь ее волос,
 И через день на континент
 Его корабль увез.

10

Сражался храбро Джон, как все,
 Как долг и честь велят,
 А в ночь на третье февраля
 Попал в него снаряд.

11

Осколок грудь ему пробил,
 Он умер в ту же ночь,
 И руку правую его
 Снесло снарядом прочь.

12

Германцы, выбив наших вон,
 Нахлынули в окоп,
 И Джона утром унесли
 И положили в гроб.

13

И руку мертвую нашли
 Оттуда за версту
 И положили на груди...
 Одна беда — не ту.

14

Рука-то плотничья была,
 В мозолях. Бедный Джон!
 В такой руке держать иглу
 Никак не смог бы он.

15

И возмутилася тогда
 Его душа в раю:
 «К чему мне плотничья рука?
 Отдайте мне мою!

16

Я ею двадцать лет кроил
 И на любой фасон!
 На ней колечко с бирюзой,
 Я без нее не Джон!

17

Пускай я грешник и злодей,
 А плотник был святой, —
 Но невозможно мне никак
 Лежать с его рукой!»

18

Так на блаженных высотах
 Всё сокрушался Джон,
 Но хором ангельской хвалы
 Был голос заглушен.

19

А между тем его жене
 Полковник написал,
 Что Джон сражался как герой
 И без вести пропал.

20

Два года плакала вдова:
 «О Джон, мой милый Джон!
 Мне и могилы не найти,
 Где прах твой погребен!..»

21

Ослабли немцы наконец.
 Их били мы как моль.
 И вот — Версальский, строгий мир
 Им прописал король.

22

А к той могиле, где лежал
 Неведомый герой,
 Однажды маршалы пришли
 Нарядною толпой.

23

И вырыт был достойный Джон,
 И в Лондон отвезен,
 И под салют, под шум знамен
 В аббатстве погребен.

24

И сам король за гробом шел,
 И плакал весь народ.
 И подивился Джон с небес
 На весь такой почет.

25

И даже участью своей
 Гордиться стал слегка.
 Одно печалило его,
 Одна беда — рука!

26

Рука-то плотничья была,
 В мозолях... Бедный Джон!
 В такой руке держать иглу
 Никак не смог бы он.

27

И много скорбных матерей
 И много верных жен
 К его могиле каждый день
 Ходили на поклон.

28

И только Мэри нет как нет.
 Проходит круглый год —
 В далеком Рэстоне она
 Всё так же слезы льет:

29

«Покинул Мэри ты свою,
 О Джон, жестокий Джон!
 Ах, и могилы не найти,
 Где прах твой погребен!»

30

Ее соседи в Лондон шлют,
В аббатство, где один
Лежит безвестный, общий всем
Отец, и муж, и сын.

31

Но плачет Мэри: «Не хочу!
Я Джону лишь верна!
К чему мне общий и ничей?
Я Джонова жена!»

32

Всё это видел Джон с небес
И возроптал опять.
И пред апостолом Петром
Решился он предстать.

33

И так сказал: «Апостол Петр,
Слышал я стороной,
Что сходят мертвые к живым
Полночною порой.

34

Так приоткрой свои врата,
Дай мне хоть как-нибудь
Явиться призраком к жене
И только ей шепнуть,

35

Что это я, что это я,
Не кто-нибудь, а Джон
Под безымянною плитой
В аббатстве погребен.

36

Что это я, что это я
 Лежу в гробу глухом —
 Со мной постылая рука,
 Земля во рту моем».

37

Ключи встряхнул апостол Петр
 И строго молвил так:
 «То — души грешные. Тебе ж —
 Никак нельзя, никак».

38

И молча, с дикою тоской
 Пошел Джон Боттом прочь,
 И всё томится он с тех пор,
 И рай ему невмочь.

39

В селенье света дух его
 Суров и омрачен,
 И на торжественный свой гроб
 Смотреть не хочет он.

1926

123. ЗВЕЗДЫ

Вверху — грошовый дом свиданий.
 Внизу — в грошовом «Казино»
 Расселись зрители. Темно.
 Пора щипков и ожиданий.
 Тот захихикал, тот зевнул...
 Но неудачник облыселей

Высоко палочкой взмахнул.
Открылись темные пределы,
И вот — сквозь дым табачных туч —
Прожектора зеленый луч.
На авансцене, в полумраке,
Раскрыв золотозубый рот,
Румяный хахаль в шапокляке
О звездах песенку поет.
И под двуспальные напевы
На полинялый небосвод
Ведут сомнительные девы
Свой непотребный хоровод.
Сквозь облака, по сферам райским
(Улыбочки туда-сюда)
С каким-то веером китайским
Плывет Полярная Звезда.
За ней, вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звезд — Медведица Большая —
Трясут четырнадцать грудей.
И, до последнего раздета,
Горя брильянтовой косой,
Вдруг жидколягая комета
Выносится перед толпой.
Глядят солдаты и портные
На рассусаленный сумбур,
Играют сгустки жировые
На бедрах Etoile d'amour* ,
Несутся звезды в пляске, в тряске,
Звучит оркестр, поет дурак,

*Звезда любви (фр.). — Ред.

Летят алмазные подвязки
Из мрака в свет, из света в мрак,
И заходя в дыру всё ту же,
И восходя на небосклон, —
Так вот в какой постыдной луже
Твой День Четвертый отражен!..
Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

1925

ДОПОЛНЕНИЯ: СТИХИ 1922–1926,
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В «СОБРАНИЕ СТИХОВ» (1927)

124

Черные тучи проносятся мимо
Сел, нив, роц.
Вот потемнело и пыль закрутилась, —
Гром, блеск, дождь.

Соснам и совам потеха ночная:
Визг, вой, свист.
Ты же, светляк, свой зеленый фонарик
Спрячь, друг, в лист.

1922

125

Трудолюбивую пчелой,
Звеня и рокоча, как лира,
Ты, мысль, повисла в зное мира
Над вечной розою — душой.

К ревной чашечке ее
С пыгливой дрожью святотатца
Прильнула — вщупаться, всосаться
В таинственное бытие.

Срываешься вниз головой
В благоухающие бездны —
И вновь выходишь в мир подзвездный,
Запорошенная пылью.

И в свой причудливый киоск
Летишь назад, полухмельная,
Отягощаясь, накапливая
И людям — мед, и Богу — воск.

1923

126

Сквозь облака фабричной гари
Грозя костлявым кулаком,
Дрожит и злится пролетарий
Пред изворотливым врагом.

Толпою стражи ненадежной
Великолепье окружа,
Упрямый, но неосторожный,
Дрожит и злится буржуа.

Должно быть, не борьбою партий
В парламентах решится спор:
На европейской ветхой карте
Всё вновь перечертит раздор.

Но на растущую всечасно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрастно
Глядят: историк и поэт.

Людские войны и союзы,
Бывало, славили они;
Разочарованные Музы
Припомнили им эти дни —

И ныне, гордые, составить
Два правила велели впредь:
Раз: победителей не славить.
Два: побежденных не жалеть.

1923

127. СЕБЕ

Не жди, не уповай, не верь:
Всё то же будет, что теперь.
Глаза усталые смежи,
В стихах, пожалуй, ворожи,
Но помни, что придет пора —
И шею брей для топора.

1923

128

Я родился в Москве. Я дыма
Над польской кровлей не видал,
И ладанки с землей родимой
Мне мой отец не завещал.

России — пасынок, а Польше —
Не знаю сам, кто Польше я.
Но: восемь томиков, не больше, —
И в них вся родина моя.

Вам — под ярмо ль подставить выю
Иль жить в изгнании, в тоске.
А я с собой свою Россию
В дорожном уношу мешке.

Вам нужен прах отчизны грубый,
А я где б ни был — шепчут мне
Арапские святые губы
О небывалой стороне.

1923

129

Доволен я своей судьбой.
Всё — явь, мне ничего не снится.
Лесок сосновый, молодой;
Бежит бесенок предо мной;
То хрустнет веточкой сухой,
То хлюпнет в яужице копытце.
Смолой попахивает лес,
Русак перебежал поляну.
Оглядывается мой бес.
«Не бойся, глупый, не отстану:
Вот так на дружеской ноге
Придем и к бабушке Яге.
Она наварит нам кашицы,
Подаст испить своей водицы,
Положит спать на сеновал.
И долго, долго жить мы будем,
И скоро, скоро позабудем,
Когда и кто к кому пристал
И кто кого сюда зазвал».

1923

130. РОМАНС*

«В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый Дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Догаресса молодая»
На супруга не глядит,
Белой грудью не вздыхая,
Ничего не говорит.

Тяжко долгое молчанье.
Но, осмелясь наконец,
Про высокое преданье
Запевает им гребец.

И под Тассову октаву
Старец сызнова живет,
И супругу он по праву
Томно за руку берет.

Но супруга молодая
В море дальное глядит.
Не ропща и не вздыхая,
Ничего не говорит.

Охлаждаясь поневоле,
Дож поникнул головой.

*Окончание пушкинского наброска. Первые пять стихов написаны Пушкиным в 1822 г.

Ночь тиха. В небесном поле
Ходит Веспер золотой.

С Лидо теплый ветер дует,
И замолкшему певцу
Повелитель указывает
Возвращаться ко дворцу.

1924

131

Пока душа в порыве юном,
Ее безгрешно обнажи,
Бесстрашно вверх болтливым струнам
Ее святые мятежи.

Будь нетерпим и ненавистен,
Провозглашая и трубя
Завоеванья новых истин, —
Они ведь новы для тебя.

Потом, когда в своем наитье
Разочаруешься слегка,
Воспой простое чаепитье,
Пыльцу на крыльях мотылька.

Твори уверенно и стройно,
Слова послушливые гни
И мир, обдуманый спокойно,
Благослови иль прокляни.

А под конец узнай, как чудно
Всё вдруг по-новому понять,
Как уповательно и трудно,
Привыкши к слову — замолчать.

1924

132. ПЕСНЯ ТУРКА

Прислали мне кинжал, шнурок
И белый, белый порошок.
 Как умереть? Не знаю.
Я жить хочу — и умираю.

Не надеваю я шнурка,
Не принимаю порошка,
 Кинжала не вонзаю, —
От горести я умираю.

1924

133–135. *СОРРЕТИНСКИЕ ЗАМЕТКИ*

1

ВОДОПАД

Там, над отвесною громадой,
Начав разбег на вышине,
Шуми, поток, играй и прядай,
Скача уступами ко мне.

Повисни в радугах искристых,
Ударься мощною струей
И снова в недрах каменистых
Кипенье тайное сокрой.

Лети с неудержимой силой,
Чтобы корыстная рука
Струи полезной не схватила
В долбленный кузов черпака.

1925

2

ПАН

Смотря на эти скалы, гроты,
Вскипанье волн, созвездий бег,
Забывать убогие заботы
Извечно жаждет человек.

Но диким ужасом вселенной
Хохочет козлоногий бог,
И, потрясенная, мгновенно
Душа замрет. Не будь же строг,

Когда под кровлю ресторана,
Подавлена, угнетена,
От ею вызванного Пана
Бегом спасается она.

1924

АФРОДИТА

Сирокко, ветер невеселый,
 Всё вымел начисто во мне.
 Теперь мне шел бы череп голый
 Да горб высокий на спине.

Он сразу многое бы придал
 Нам с Афродитою, двоим,
 Когда, обнявшись, я и идол,
 Под апельсинами стоим.

1925

136

Von allen säubr'ich diesen Ort —
 Sie müssen miteinander fort.
 Goethe*

Я сердцеед, шутник, игрок,
 Везде слыву рубахой-парнем,
 Но от меня великий прок
 Амбарам, лавкам и пекарням.
 Со мной встречаясь, рад не рад,
 Снимает шляпу магистрат.
 Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
 Я крыс на дудочку ловлю.

За буйный нрав меня не раз
 Из королевства изгоняли,

*Я очищаю это место от всего —
 Вы должны его покинуть.

Гете (нем.). — Ред.

Но проходил, однако, час —
Назад с поклоном приглашали:
Один искусный крысолов
Ученых стоит ста голов.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Он служит службу королю.

Я зверю бедному сулю
В стране волшебной новоселье,
Но слушать песенку мою —
Неотразимое веселье.
Я крыс по городу веду
И сам танцую на ходу.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Я крыс по-своему люблю.

Веду крысиный хоровод
В страну мечтаний, прямо, прямо, —
Туда, где за городом ждет
Глубоко вырытая яма...
Но с дурами в готовый ров
Не прыгнет умный крысолов:
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Еще он нужен королю.

<1926>

137. ДВОР

Маляр в окне свистал и пел
«Миньону» и «Кармен».
Апрельский луч казался бел
От выбеленных стен.

Одни внизу, на дне двора,
Латании в горшках
Сухие листья-веера
Склоняли в сор и прах.

Мне скоро двор заменит наш
Леса и города.

Мне этот меловой пейзаж
Дарован навсегда —

Как волны — бедному веслу,
Как гению — толпа,
Как нагруженному ослу —
Гористая тропа.

<1926>

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОВ

138. НОЧЬ

Измученные ангелы мои!
Сопутники в большом и малом!
Сквозь дождь и мрак, по дьявольским
кварталам

Я загонял вас. Вот они,

Мои вертепы и трущобы!
О, я не знаю устали, когда
Схожу, никем не знаемый, сюда,
В теснины мерзости и злобы.

Когда в душе всё чистое мертво,
Здесь, где разит скотством и тленьем,
Живит меня заклятым вдохновеньем
Дыханье века моего.

Я здесь учусь ужасному веселью:
Постылый звук тех песен обретать,
Которых никогда и никакая мать
Не пропоет над колыбелью.

1927

139. ГРАММОФОН

Ребенок спал, покуда граммофон
 Всё надрывался «Травиатой».
Под вопль и скрип какой дурманный сон
 Вонзался в мозг его разъятый?

Внезапно мать мембрану подняла —
 Сон сорвался, дитя проснулось,
Оно кричит. Из темного угла
 Вся тишина в него метнулась...

О, наших душ не потрясай
 Твоею тишиною грозной!
Мы молимся — Ты сна не прерывай
 Для вечной ночи, слишком звездной.

1927

140. СКАЛА

Нет у меня для вас ни слова,
 Ни звука в сердце нет,
Виденья бедные былого,
 Друзья погибших лет!

Быть может, умер я, быть может —
 Заброшен в новый век,
А тот, который с вами прожит,
 Был только волн разбег,

И я, ударившись о камни,
Окровавлен, но жив, —
И видится издалека мне,
Как вас несет отлив.

1927

141. ПАМЯТНИК

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.

В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

1928

142. ДАКТИЛИ

1

Был мой отец шестипалым. По ткани,
натянутой туго,
Бруни его обучал мягкою кистью водить.
Там, где фиванские сфинксы друг другу в глаза
загляделись,
В летнем пальтишке зимой перебегал он Неву.
А на Литву возвратясь, веселый и нищий художник,
Много он там расписал польских и русских
церквей.

2

Был мой отец шестипалым. Такими рождаются
счастливицы.

Там, где груши стоят подле зеленой межи,
Там, где Вилия в Неман лазурные воды уносит,
В бедной, бедной семье встретил он
счастье свое.

В детстве я видел в комодке фату и туфельки мамы.
Мама! Молитва, любовь, верность и смерть —
это ты!

3

Был мой отец шестипалым. Бывало, в
«сороку-ворону»
Станем играть вечерком, сев на любимый
диван.

Вот на отцовской руке старательно я загибаю
Пальцы один за другим — пять.
А шестой — это я.

Шестеро было детей. И вправду: он тяжкой
работой
Тех пятерых прокормил — только меня
не успел.

4

Был мой отец шестипалым. Как маленький
лишний мизинец
Прятать он ловко умел в левой зажатой руке,
Так и в душе навсегда затаил незаметно,
подспудно
Память о прошлом своем, скорбь о святом
ремесле.

Ставши купцом по нужде — никогда
ни намеком, ни словом
Не поминал, не роптал. Только любил
помолчать.

5

Был мой отец шестипалым. В сухой и
красивой ладони
Сколько он красок и черт спрятал, зажал,
затаил?
Мир созерцает художник — и судит,
и дерзкою волей,
Демонской волей творца — свой
созидает, иной.
Он же очи смежил, муштабель и кисти оставил,
Не созидал, не судил... Трудный
и сладкий удел!

6

Был мой отец шестипалым. А сын?
Ни смиренного сердца,
Ни многодетной семьи, ни шестипалой руки
Не унаследовал он. Как игрок на неверную карту,
Ставит на слово, на звук — душу свою
и судьбу...
Ныне, в январскую ночь, во хмелю,
шестипалым размером
И шестипалой строфой сын поминает отца.

1928

143. ПОХОРОНЫ

Сонет

Лоб —
Мел.
Бел
Гроб.

Спел
Поп.
Сноп
Стрел —

День
Свят!
Склеп
Слеп.

Тень —
В ад!

1928

144. Я

Когда меня пред Божий суд
На черных дорогах повезут,

Смутятся нищие сердца
При виде моего лица.

Оно их тайно восхитит
И страх завистливый родит.

Отстав от шествия, тайком,
Воображаясь мертвецом,

Тогда под стеклами витрин
Из вас, быть может, не один

Украдкой так же сложит рот,
И нос тихонько задерет,

И глаз полуприщурит свой,
Чтоб видеть, как закрыт другой.

Но свет (иль сумрак?) тайный *тот*
На чудака не снизойдет.

Не отразит румяный лик,
Чем я ужасен и велик:

Ни почивающих теней
На вещей бледности моей,

Ни беспощадного огня,
Который уж лизнул меня.

Последнюю мою примету
Чужому не отдам лицу...

Не подражайте ж мертвецу,
Как подражаете поэту.

1928

145. ВЕСЕЛЬЕ

Полузабытая отрада,
Ночной попойки благодать:
Хлебнешь — и ничего не надо,
Хлебнешь — и хочется опять.

И жизнь перед нетрезвым взглядом
Глубоко так обнажена,
Как эта гибкая спина
У женщины, сидящей рядом.

Я вижу тонкого хребта
Перебегающие звенья,
К ним припадаю на мгновенье —
И пудра мне пылит уста.

Смеется легкое созданье,
А мне отрадно сочетать
Неутешительное знание
С блаженством ничего не знать.

1928

146. К ЛИЛЕ

С латинского

Скорее челюстью своей
Поднимет солнце муравей;
Скорей вода с огнем смешится;
Кентавров скорее кровь
В бальзам целебный обратится, —
Чем наша кончится любовь.

Быть может, самый Рим прейдет;
Быть может, Тартар нам вернет
Невозвратимого Марона;
Быть может, там, среди облаков,
Над крепкой высью Пелиона,
И нет, и не было богов.

Всё допустимо, и во всем
Злым и властительным умом
Пора, быть может, усомниться,
Чтоб омертвелою душой
В беззвучный ужас погрузиться
И лиру растоптать пятой.

Но ты, о Лила, и тогда,
В те беспросветные года,
Своим единым появлением
Мне мир откроешь прежний, наш, —
И сим отвергнутым виденьем
Опять залюбоваться дашь.

1929

147. ПАМЯТИ КОТА МУРРА

В забавах был так мудр и в мудрости забавен —
Друг утешительный и вдохновитель мой!
Теперь он в тех садах, за огненной рекой,
Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин.

О, хороши сады за огненной рекой,
Где черни подлой нет, где в благодатной лени

Вкушают вечности заслуженный покой
Поэтов и зверей возлюбленные тени!

Когда ж и я туда? Ускорить не хочу
Мой срок, положенный земному лихолетью,
Но к тем, кто выловлен таинственной сетью,
Всё чаще я мечтой приверженной лечу.

1934

148.

В последний раз зову Тебя: явись
На пиршество ночного вдохновенья.
В последний раз: восхить меня в ту высь,
Откуда открывается паденье.

В последний раз! Нет в жизни ничего
Святее и ужаснее прощанья.
Оно есть агнец сердца моего,
Влекомый на закланье.

В нем прошлое возлюблено опять
С уже нечеловеческою силой.
Так пред расстрелом сын объемлет мать
Над общей их могилой.

1934

Сквозь уютное солнце апреля —
 Неуютный такой холодок.
 И — смерчком по дорожке песок,
 И — смолкает скворец-пустомеля.

Там над северным краем земли
 Черно-серая вздутая туча.
 Котелки поплотней нахлобуча,
 Попроворней два франта пошли.

И под шум градобойного гула —
 В сердце гордом, веселом и злом:
 «Это молнии нашей излом,
 Это наша весна допорхнула!»

1937

Нет, не шотландской королевой
 Ты умирала для меня:
 Иного, памятного дня,
 Иного, близкого напева
 Ты в сердце оживила след.
 Он промелькнул, его уж нет.
 Но за минутное господство
 Над озаренною душой,
 За умиление, за сходство —
 Будь счастлива! Господь с тобой.

1937

Не ямбом ли четырехстопным,
 Заветным ямбом, допотопным?
 О чем, как не о нем самом —
 О благодатном ямбе том?

С высот надзвездной Музикии
 К нам ангелами занесен,
 Он крепче всех твердынь России,
 Славнее всех ее знамен.

Из памяти изгрызли годы,
 За что и кто в Хотине пал, —
 Но первый звук Хотинской оды
 Нам первым криком жизни стал.

В тот день на холмы снеговые
 Камена русская взошла
 И дивный голос свой впервые
 Далеким сестрам подала.

С тех пор в разнообразье строгом,
 Как оный славный «Водопад»,
 По четырем его порогам
 Стихи российские кипят.

И чем сильнее спадают с кручи,
 Тем пенистей водоворот,
 Тем сокровенный лад певучей
 И выше светлых брызгов взлет —

Тех брызгов, где, как сон, повисла,
Сияя счастьем высоты,
Играя переливом смысла, —
Живая радуга мечты.

.....

Таинственна его природа,
В нем спит спондей, поет пэон,
Ему один закон — свобода.
В его свободе есть закон.

1938

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ: БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА

- 1886.** 16 (28) мая родился в Москве, шестой и последний ребенок Фелициана Ивановича и Софии Яковлевны (урожд. Брафман) Ходасевичей. С самого раннего детства часто болел.
- 1889.** Научился читать.
- 1890.** Первый увиденный балет («Кипрская статуя»), увлечение балетом и танцами.
- 1892.** Первые стихи.
- 1894.** Поступление в училище Л. Н. Валицкой.
- 1896.** Поездка в Озерки и Сиверскую (близ Петербурга), встреча с А. Н. Майковым. Поступление в московскую третью классическую гимназию. Среди друзей гимназических лет — Виктор Гофман и Александр Брюсов, через которого происходит знакомство с его старшим братом, В. Я. Брюсовым.
- 1898.** Женья Кун — первая детская любовь.
- 1901—1902.** Увлечение поэзией Брюсова и К. Д. Бальмонта.
- 1903.** «Стихи навсегда»*. «Нелегально» попадает на заседание Литературно-художественного кружка, где Брюсов читает знаменитый доклад о Фете (январь). Переезд от родителей на квартиру старшего брата Михаила. «Тарновская» — первая серьезная любовь.
- 1904.** Слушает лекции на юридическом факультете Московского университета. Знакомство с Андреем Белым.

* Запись Ходасевича в канве автобиографии, составленной по просьбе Н. Н. Берберовой (Курсив мой. М., 1996. С. 180—181). Далее цитаты из нее приводятся в кавычках. — Дж. М.

- 1905.** Март: первые стихи в печати (альманах «Гриф»). Женитьба на Марине Эрастовне Рындиной (17 апреля), одной из первых московских красавиц. Слушает лекции на филологическом факультете Московского университета.
- 1906.** Принимает все большее участие в московской литературной жизни. Печатаются (стихи, рецензии, статьи) в символистских журналах («Весы», «Перевал», «Золотое руно») и в московских газетах («Руль», «Голос Москвы», «Русские ведомости», «Утро России» и др.). Знакомство с московскими литераторами: Б. К. Зайцев, П. П. Муратов, В. И. Стражев, Муни (С. В. Киссин), и др. «Карты».
- 1907.** Уход жены (30 декабря), увлекшейся осенью того же года С. К. Маковским.
- 1908.** Первая книга стихов — «Молодость» (М.: Гриф), посвященная «Марине». «Голод».
- 1909.** Начало переводческой (с польского, французского) и редакторской (издание сочинений И. Ф. Богдановича, А. С. Пушкина, составление антологий) работы для московского издательства «Польза» (В. Антик и К°.), серия «Универсальная библиотека». Остается на этой работе до 1916 г.
- 1910.** Увлечение Евгенией Владимировной Муратовой, бывшей женой П. П. Муратова. «Карты, пьянство».
- 1911.** «Пьянство, карты». Поездка в Италию (июнь—начало августа), где кончается роман с Е. В. Муратовой. Смерть матери (погибла 20 сентября от несчастного случая). «Босючество». Сближение с Анной Ивановной Гренцион, младшей сестрой Г. И. Чулкова, которая в 1913 г. станет его женой. Смерть отца (24 ноября). «Голод».
- 1912.** «Мусaget» (1912—1913). Дружба с Б. А. Садовским. Портрет работы племянницы, Валентины Михайловны Ходасевич.
- 1913.** Работа для театра-кабаре «Летучая мышь» Никиты Балиева.

- 1914.** «Футуристы. Пьянство». Вторая книга стихов — «Счастливый домик» (М.: Альциона), посвященная «Жене моей Анне». Сотрудничает в журнале «София». «Война».
- 1915.** Поездка в Финляндию, Царское Село. Сдвинул себе один из спинных позвонков, когда в темноте шагнул с балкона на даче Любови Столицы. Встреча с М. О. Гершензоном.
- 1916.** Самоубийство Муни (22 марта). Туберкулез позвоночника. Лечится летом в Коктебеле, живет у М. А. Волошина. «Армяне, финны, латыши» (переводы на русский).
- 1917.** «Революция. Клуб писателей». Лето — в Коктебеле. Сотрудничает в «Народоправстве», «Новой жизни» М. Горького. «Октябрь». «Евреи»: работа над переводами из еврейских поэтов.
- 1918.** Работает секретарем третейского суда при комиссариате Московской области. Работает в театральном-музыкальной секции Московского Совета, в ТЕО Наркомпроса. Чтение лекций о Пушкине в московском Пролеткульте. «Еврейская антология» (М.: Сафрут). Организация вместе с П. П. Муратовым Книжной лавки писателей. С конца года (до лета 1920 г.) заведует московским отделением изд-ва «Всемирная литература».
- 1919.** Заведует Книжной палатой Московского Совета. «Голод». Болезнь.
- 1920.** «Голод». Заболевает фурункулезом, летом лечится в санатории. Третья книга стихов — «Путем зерна» (М.: Творчество). 17 ноября — переезд в Петроград по инициативе М. Горького.
- 1921.** Поселяется в Доме Искусств («Диск»). В феврале выступает с докладом «Колеблемый треножник» на Пушкинском вечере. Конец лета — Бельское Устье, колония Дома Искусств.
- 1922.** «Из еврейских поэтов» (Пб.: Изд-во Э. И. Гржебина). 22 июня — отъезд из Советской России с Н. Н. Берберовой. 30 июня — приезд в Берлин. «Статьи о русской

- поэзии» (Пб.: Эпоха). Четвертая книга стихов — «Тяжелая лира» (М.; Пг.: Гос. изд-во). Сотрудничает в берлинских газетах и журналах. Дружба с М. Горьким. Осень—зима — на курорте Saagow (Сааров). Второе издание «Счастливого домика» (Пб.; Берлин: Изд-во Э. И. Гржебина).
- 1923.** Новое издание «Тяжелой лиры» (Берлин; Пб.; М.: изд-во Э. И. Гржебина). Редактирует вместе с Горьким и Андреем Белым журнал «Беседа» (май—июнь до марта 1925 г.). Сентябрь — разрыв с Андреем Белым. Ноябрь — переезд в Прагу, Мариенбад. Третье издание «Счастливого домика» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во Э. И. Гржебина)
- 1924.** Март—октябрь — скитания по Европе: Венеция, Рим, Турин, Париж, Лондон, Белфаст, Неаполь. С октября до апреля 1925 г. живет у Горького в Сорренто. «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л.: Мысль) издается без участия автора.
- 1925.** Апрель — поселяется в Париже. Пишет для газет «Дни», «Последние новости», сотрудничает в журнале «Современные записки». Дружба с В. В. Вейдле, А. В. Бахрахом, другими молодыми литераторами.
- 1926.** Снова фурункулез. П. Н. Милюков объявляет, что Ходасевич «совершенно не нужен» «Последним новостям». Бедность.
- 1927.** Участвует в литературно-философском обществе «Зеленая лампа». Начинает сотрудничать в газете «Возрождение», где до конца жизни ведет литературно-критический подвал «Книги и люди» и (под псевдонимом Гулливер, позже — совместно с Н. Н. Берберовой) «Литературную летопись». Обостряется полемика с Г. В. Адамовичем о возможности существования эмигрантской литературы и о русской поэзии. «Собрание стихов» (Париж: Возрождение) — последняя книга стихотворений, включая «Европейскую ночь», выходит 1 ноября.

- 1929.** Начинает работу над книгой «Державин».
- 1930.** Апрель — «Современные записки» и «Возрождение» отмечают 25-летие его литературной деятельности.
- 1931.** Выходит в свет «Державин» (Париж: Современные записки).
- 1932.** Апрель — уход Н. Н. Берберовой.
- 1933.** Женится на Ольге Борисовне Марголиной.
- 1937.** Издание книги «О Пушкине» ([Берлин]: Petropolis).
- 1939.** В январе серьезно заболевает. Выходит «Некрополь» (Брюссель: Petropolis). 14 июня — смерть. Похоронен на Биянкурском кладбище в Париже.

Составил Джон Малмстад

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Ходасевича вышло пять его стихотворных книг. Последнюю, вышедшую в 1927 г. в парижском издательстве «Возрождение», предваряла следующая заметка: «Отсутствие моих книг в продаже побудило меня к изданию этого сборника. Он составлен из “Путем зерна” и “Тяжелой лиры”, к которым, под общим заглавием “Европейская ночь”, прибавлены стихи, написанные в эмиграции. Юношеские мои книги “Молодость” и “Счастливый домик” не включены сюда вовсе». Это «Собрание стихов» (ССт-27) было переиздано Н. Н. Берберовой на свои средства в 1961 г. с добавлением нескольких стихотворений эмигрантского периода, как опубликованных, так и оставшихся в рукописях. В 1983 г. был издан первый том собрания сочинений Ходасевича (СС-1), представляющий собой попытку полного собрания стихотворений (добавления к его основному корпусу стихов появились в 1990 г. в СС-2). В 1989 г. был опубликован том «Стихотворений» (БП), первое издание стихов Ходасевича, вышедшее на родине поэта после 1922 г. В основу настоящего издания положен последний прижизненный сборник (ССт-27), с добавлением стихов, исключенных из «Путем зерна» и «Тяжелой лиры», и тех, что были напечатаны с 1922 по 1926 г., но не были включены поэтом в ССт-27. Последний раздел содержит подборку стихов, написанных Ходасевичем после выхода ССт-27.

Справки об истории издания отдельных поэтических книг Ходасевича приводятся в примечаниях к соответствующим разделам. В примечаниях использованы составленный поэтом список его стихотворений 1904–1937 гг. и авторские комментарии к текстам, вошедшим в ССт-27. (Эти авторские комментарии были записаны Ходасевичем в экземпляр

книги, принадлежащий Н. Н. Берберовой, — в примечаниях: ЭБ.) Что касается списка стихотворений (СХ), он состоит из двух частей. Первая его часть содержит упоминания о стихах, написанных до отъезда поэта в эмиграцию (последним здесь названо ст-ние «Жизель», № 58). Эта часть списка переписана рукой матери Н. Н. Берберовой и переслана Ходасевичу в Берлин. Продолжение записывалось самим поэтом и доведено до 1937 г. По-видимому, Ходасевич воспользовался этим списком при внесении комментирующих записей в экземпляр *ССт-27*. У меня была возможность сличать оба документа в оригинале и еще раз их проверить.

В соответствии с задачами Малой серии «Библиотеки поэта» в примечаниях не приводятся ссылки на архивные материалы (автографы, черновики) и данные о первых публикациях ст-ний. Подробно о них см.: *СС-1* и *БП*. В примечаниях сразу после номера стихотворения указывается на *СХ* и *ЭБ*. Затем приводятся биографические комментарии к *ЭБ* и историко-литературные комментарии к самому ст-нию.

Орфография стихотворений безоговорочно приведена к современной норме. Однако пунктуация Ходасевича, за которой он тщательно следил, в основном сохранена.

Настоящее издание стало возможным благодаря работе редакторов и составителей *СС-1*, *СС-2* и *БП*, чьи наблюдения были учтены при подготовке комментариев. Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность Роберту Хьюзу, моему соредактору *СС-1* и *СС-2*, и Н. А. Богомолу и Д. Б. Волчку, составителям *БП*.

Это издание посвящается памяти Нины Николаевны Берберовой, моего учителя и друга, которая так много делала, чтобы сохранить творческое наследие своего мужа и увековечить его память.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

- БП* — Ходасевич Владислав. Стихотворения. Библиотека поэта, большая серия / Вступ. ст. Н. А. Богомолова; Сост. подг. текста и примеч. Н. А. Богомолова и Д. Б. Волчека. Л.: Советский писатель, 1989.
- В* — газета «Возрождение» (Париж).
- КМ* — Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996.
- Н* — Ходасевич Владислав. Некрополь. Воспоминания. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому / Под ред. Н. А. Богомолова. Письма Б. А. Садовскому под ред. И. Андреевой. М.: СС, 1996.
- ПЗ-1* — Ходасевич Владислав. Путем зерна: Третья книга стихов. М.: Творчество, 1920.
- ПЗ-2* — Ходасевич Владислав. Путем зерна: Третья книга стихов. 2-е изд. Пг.: Мысль, 1922.
- СД-2* — Счастливый домик: Вторая книга стихов. 2-е изд. Пб.; Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922.
- СД-3* — Счастливый домик: Вторая книга стихов. 3-е изд. Берлин; Пб.; М.: Изд. З. И. Гржебина, 1923.
- СЗ* — журнал «Современные записки» (Париж).
- СС-1* — Ходасевич Владислав. Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения / Под ред. Джона Малмстада и Роберта Хьюза. App-Argbor: Ardis Press, 1983.
- СС-2* — Ходасевич Владислав. Собрание сочинений. Т. 2: Статьи и рецензии 1905–1926. App-Argbor: Ardis Press, 1990.
- СС (96–97)–1; 2; 3; 4* — Ходасевич Владислав. Собрание сочинений: В 4-х т. М.: Согласие, 1996–1997.
- ССт-27* — Ходасевич Владислав. Собрание стихов. Париж: Возрождение, 1927.
- ССт-61* — Ходасевич Владислав. Собрание стихов (1913–1939) / Ред. примеч. Н. Н. Берберовой. [München], 1961.
- СХ* — составленный Ходасевичем список его стихотворений 1904–1937 гг. (фонд М. М. Карповича; Бахметевский архив, Колумбийский университет, Нью-Йорк).

ТЛ-1 — Ходасевич Владислав. Тяжелая лира: Четвертая книга стихов. М.; Пг.: Гос. издательство, 1922.

ТЛ-2 — Ходасевич Владислав. Тяжелая лира: Четвертая книга стихов. Берлин; Пб.; М.: Изд. Э. И. Гржебина, 1923.

ЭБ — пометы В. Ф. Ходасевича на экземпляре ССт-27, принадлежавшем Н. Н. Берберовой (ныне в библиотеке Байнеке Йельского университета, США).

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПУТЕМ ЗЕРНА

Сборник дважды выходил отдельными изданиями (ПЗ-1 и ПЗ-2), историю которых рассказал сам Ходасевич: «Это было весной или летом 1918 г. Незадолго до того я продал издательству «Салон поэтов» свою книгу «Путем зерна». Однако она еще не поступила в типографию, как издатель, М. О. Цетлин (о нем см. примеч. 21. — Дж. М.), вернул мне рукопись, сообщая, что уезжает из Москвы и прекращает издательскую деятельность. Меня это весьма огорчило, ибо и прочие издательства постепенно закрывались, и я не знал, найду ли нового издателя» (Господин Родов // Дни. 1925. 22 февраля). «В 1920 г. один московский издатель (владелец изд-ва «Творчество» С. А. Абрамов. — Дж. М.) выпустил мою книгу «Путем зерна» в количестве 18 000 экз., ибо сумел получить на нее заказ от Госиздата. Недели через две издание было по официальным сведениям «исчерпано». В действительности, как оказалось впоследствии, оно почти полностью было запрятано в какие-то склады Московского Совета. Год спустя другой издатель, петербуржец (один из владельцев издательства «Мысль» Л. В. Вольфсон. — Дж. М.), не имевший связей и рассчитывавший только на реальную продажу, выпустил ту же книгу вторым изданием, ограничив

тираж 800 экземпляров. Книга, наконец, поступила в продажу и действительно вскоре разошлась. Тогда московский издатель раскопал залежи первого издания и откупил из них тысячу экземпляров по номинальной цене <...>. Эту тысячу он одел в новые обложки и выпустил на частный рынок по цене в полторы тысячи рублей за экземпляр: до такой степени за это время упали деньги. Разошлось постепенно и это издание <...>. Таким образом, фактически читатели раскупили 1 800 экземпляров» (Своя или чужая // В. 1934. 6 декабря). Договор на ПЗ-1 был подписан 31 января 1920 г. (см.: СС-1. С. 297). ПЗ-2 вышло в конце 1921 г. Третье и последнее издание сборника — редакция текстов, вошедшая в парижское ССт-27. При подготовке к печати ПЗ-2 и ССт-27 Ходасевич подверг и тексты и композицию ПЗ-1 основательным переделкам. В этом издании сборник печатается по тексту ССт-27. В разделе <Дополнения: Из ранних изданий> присоединены ст-ния, входившие в ПЗ-1 и ПЗ-2, но не попавшие в ССт-27. В ПЗ-1 и ПЗ-2 сборник посвящен «Памяти Самуила Кисина» (см. примеч. 3). Список основных рецензий см.: СС-1. С. 299.

1. СХ: «23/ХII 1917». ЭБ: «23 декабря, вечером, за чаем». Тема ст-ния восходит к евангельскому: «Истинно, истинно говорю вам: если зерно пшеничное, упав на землю, не умрет, оно остается одно; если же умрет, принесит много плода». В первой строке неожиданно обнаруживается своего рода анаграмма имени Ходасевича: «Проходит сеятель по ровным бороздам».

2. СХ: «1916, 5/Х — 30/Х». ЭБ: «5–30 октября. Днем промок у Смоленского рынка. 30 только отделал. Вскоре читал за ужином у Лосевой (первая встреча в Москве с Осоргиным, приехавшим из Италии). Чулков упрекал в поражечестве». Смоленский рынок — см. примеч. 20. Лосева Евдокия Ивановна (урожд. Чижова, 1881–1936) — вдова фабриканта, меценатка, держательница одного из московских

литературных салонов того времени (наравне с Морозовым, Гиршман, Носовой), известен ее портрет кисти В. Серова. Осоргин (наст. фамилия Ильин) Михаил Андреевич (1878—1942) — писатель, журналист; Ходасевич познакомился с ним в 1911 г. в Италии, когда Осоргин был римским корреспондентом московской газеты «Русские ведомости». Он был выслан из советской России в 1922 г. Ходасевич прервал отношения с ним в 1931 г. на почве их серьезной политической размолвки (отношение к «возвращенчеству»). Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт и прозаик, примыкавший к символистским кругам, идеолог «мистического анархизма», впоследствии мемуарист и историк литературы. Старший брат второй жены Ходасевича. Редактировал журнал «Народоправство», направленный против «пораженчества». В рец. на его мемуары, Ходасевич резюмировал свою оценку творчества Чулкова: «Кроме одной случайной работы — любопытных материалов о Тютчеве, им опубликованных, — все это не то, чтобы из рук вон плохо, но вполне посредственно, главным образом потому, что всегда подражательно» (Во власти демонов // В. 1930. 31 июля). См. также: Письма В. Ф. Ходасевича к Г. И. Чулкову / Публ. Инны Андреевой // Опыты. 1994, № 1. С. 77—101. Согласно черновику, Ходасевич 30 октября написал вторую и третью строфы, а не «только отдал» (БП. С. 374). Название и рефрен ст-ния взяты из Библии: «Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет» (Иер., 31, 15; Мтф., 2, 18). Ст. 13—14 соотносится со ст-нием Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1830): «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые».

3. СХ: «1908—1916, 30/1». ЭБ: «30 янв<аря> — вторая строфа. Первая — летом 1908, в Гирееве. С этих стихов началась моя дружба с Гершензоном. Когда я вторично читал их по просьбе Герш<ензо>на Вяч. Иванову, тот угадал, что между 1 и 2 строфой прошло много времени. Это — последние стихи, прочитанные мной Муни, дня за два до его последнего отъезда из Москвы. Он зло улыбнулся и сказал: “Ну, валяй, валяй в антологическом духе. А мне уж не до

того". Последний стих переделан летом 1927». Гиреево — дача в имении Старое Гиреево (недалеко от подмосковной ст. Кусково). Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли, философ, редактор, публицист. Познакомился с Ходасевичем летом 1915 г. в связи с их занятиями Пушкиным. О нем Ходасевич оставил воспоминания (Н. С. 96—105), а также опубликовал его письма к себе (СЗ. 1925. Кн. 24). Их переписка полностью опубликована в журнале «De visu» (1993. № 5 (6)). Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, критик, теоретик символизма; с осени 1913 г. жил в Москве, но с давних пор был в дружеских отношениях с Гершензоном. 23 февраля 1914 г. Ходасевич писал Б. А. Садовскому: «На прошлой Эстетике (заседание общества «Свободная эстетика». — Дж. М.) за ужином Вяч. Иванов произносил речи, в коих возводил меня на высоты головокружительные. Скучно, но лестно» (Н. С. 345). Летом 1920 г. Ходасевич жил в той «здравнице для переутомленных работников умственного труда», где жили Гершензон и Иванов и где создавалась знаменитая «Переписка из двух углов» (см.: Здравница // В. 1929. 14 марта; СС (96—97)—4. С. 266—272). Об отношениях Ходасевича с Ивановым см.: Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925—1938) / Публ. Джона Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. 1987. № 3. С. 264—268. Муни — псевдоним поэта Самуила Викторовича Кисина (1885—1916). Родился в еврейской семье, с 1906 г. ближайший друг и литературный соратник Ходасевича, написавшего о нем очерк (Н. С. 73—82). Служил в армии воинским чиновником и сопровождал санитарные поезда. Во время одной из таких поездок, 22 марта 1916 г., он и застрелился. О нем см.: Андреева И. Свидание «у звезды» // Кисин С. (Муни). Легкое бремя. М., 1999. С. 261—390. Там же опубликованы воспоминания Ходасевича о нем и их переписка. Добавим, что «муни» на санскрите значит «мудрец», «аскет, давший обет молчания».

4. СХ: «1918, 8/1». ЭБ: «8 янв<аря>, ночью на переплете коленкоровой тетради, красными чернилами. В основу метра

положено "Ehexgi monumentum". Диссонансы тоже взяты отсюда "perennius — innumerabilis". «Ehexgi monumentum» (Я воздвиг памятник) — знаменитая ода Горация (Ног., III, 30), давшая тему многим русским поэтам, начиная с Ломоносова. Она написана «малым асклепиадовым стихом» (т. е. с одной цезурой). У Ходасевича в первых двух строках каждой строфы традиционный русский эквивалент этого размера:

'— '— — — ' // '— — — / '— —'

В каждой третьей строке — отступление: ударение падает на четвертый слог, а не на третий. «Диссонанс» латинского соответствует различию в последних ударных гласных в каждой строке.

5. В ПЗ-1 и ПЗ-2 не включено. СХ: «Петербург, 1921 — Saarow, 17 мая 1923». ЭБ: «В Москве, весной <1920 г.> начато. Продолж<сно> в П<етер>Б<урге>, 1921. Конечно 17 мая 1923, в Saarow'e. Об итал<ьянской> поездке 1911». Saarow (Сааров) — курортное местечко под Берлином, близ Фюрстенвальде, где Ходасевич жил с октября 1922 г. до весны 1923 г. (см.: Горький // Н. С. 152). Ходасевич совершил первую (и единственную до эмиграции в 1922 г.) поездку в Западную Европу в 1911 г., когда он провел около двух месяцев (с 3 июня по 13 августа) в Италии. Об этой поездке мало известно, кроме того, что поэт был в Нерви (где лечился от туберкулеза), Генуе, Пизе, Флоренции и Венеции. *Брента* — маленькая река около Венеции, впадает в Венецианский залив. *Сколько раз тебя воспели* — см. «Странствия Чайльд-Гарольда» (IV, 28) Байрона; ст-ние И. И. Козлова «Венецианская ночь» («Тихо Брента протекала, / Серебримая луной...», 1825), навеянное эпизодами из жизни Байрона в Венеции в 1816 г., и его же «К Италии» («И нежный блеск над Brentой луны...», 1825), которое восходит к «Странствованиям Чайльд-Гарольда»; а также взятую в качестве эпиграфа строфу из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 1, строфа XLIX); «Вдоль Brentы счастливой хочу я плыть в гондоле...» (Е. П. Ростопчина, «Италия», 1831); «Пре-

лестный край! Над светлой Брентой...» (П. А. Вяземский, 1864). *Вдохновением любви*. — В 1911 г. Ходасевич провел некоторое время в северной Италии в компании Евгении Владимировны Муратовой (1884 или 1885—1981), художницы, танцовщицы и бывшей жены писателя П. П. Муратова, в которую он был влюблен (роман окончился в Венеции). О ней см.: Андреева И. Неуловимое создание: Встречи. Воспоминания. Письма. М., 2000.

6. В ПЗ-1 и ПЗ-2 не включено. СХ: «Saagow, 13 марта 1923». ЭБ: «В Москве, весной <1920> начато. Конч<сно> — 13 марта 1923, в Saagow'e». По свидетельству Н. Н. Берберовой, Ходасевич считал ст-ние «несерьезным» и оно предназначалось для пародийного дамского журнала «Ненюфары», издававшегося ею для домашнего употребления в одном экземпляре (см.: СС-1. С. 304—305).

7. В СД-2 без двух последних двустиший, дополненный текст впервые в СД-3. Единственное ст-ние из сборника «Счастливый домик», вошедшее в ССт-27. СХ: «1914, январь». ЭБ: «Конец <1913 г.> или начало 1914. Одно из трех стихотворений к 3 силуэтам какого-то немецкого художника; для «Летучей Мыши». Там их читала Елена Маршева, без последних 4 стихов, приписанных в 1921 г.». «Летучая мышь» — московский театр миниатюр, руководимый Н. Ф. Балиевым. Ходасевич, как многие другие писатели того времени (в том числе А. Н. Толстой, М. А. Кузмин, Б. А. Садовской, И. Г. Эренбург), писал стихи и сцены и переводил для театра в 1913—1916 гг. (см.: Эфрос Н. Е. Театр «Летучая Мышь» Н. Ф. Балиева, 1908—1918. М.; Пг., 1918). Маршева Елена Александровна (1891—1968) — актриса МХТ и «Летучей мыши». Ее фотография приведена в книге Эфроса (между С. 22—23).

8. СХ: «Подруге (название ст-ния в первой публикации и в ПЗ-1 и ПЗ-2. — Дж. М.), 1915 24/XII». ЭБ: «24 дек<аб-ря> — в альбом, подаренный А<нне> И<ванов>не, по ее просьбе». Анна Ивановна — вторая жена Ходасевича, урожд. Чулкова (сестра писателя Г. И. Чулкова), в первом браке

Гренцион (1887—1964). Она была также гражданской женой гимназического товарища Ходасевича А. Я. Брюсова и его друга Б. А. Диатроптова. Она печатала стихи и переводы под псевдонимом София Бекетова. Незадолго до смерти написала воспоминания о Ходасевиче (см.: Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 386—410 (публ. Л. В. Горнунг)).

9. СХ: «1914, 30/VIII». ЭБ: «30 августа, вечером, в изнеможении».

10. СХ: «1916 14/XII — 1917 7/I». ЭБ: «14 дек<абря> 1916—1917, 7 янв<аря>, днем, в страшный мороз, на подоконнике. Окно было сплошь затянуто льдом. Только что кончил — пришел Гершензон». Гершензон — см. примеч. 3. Ст. 8 ср.: «И днем и ночью смежаю я вежды / И как-то странно порой прозреваю» (А. А. Фет, «Измучен жизнью, коварством надежды...», 1864; Ходасевич анализировал это ст-ние в эссе «Надсон», 1912: СС-2. С. 97—111; СС (96—97)—1. С. 382—397). Это ст-ние позднее было перефразировано Георгием Ивановым в ст-нии «В глубине, на самом дне сознания...», что отмечено в рецензии самого Ходасевича на сборник Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (В. 1937. 28 мая).

11—12.1. СХ: «Неприятный сонет (название ст-ния в первой публикации в журнале «Москва». 1919, № 2. — Дж. М.), 30/XI 1918». ЭБ: «1918, 30 нояб<ря>, за чаем, вечером».

2. СХ: «Венок (Сонет: Нет, ты не прав...) 17—20/I 1919». ЭБ: «17 янв<аря>, за чаем, вечером». Ср. ст-ние «Музе» А. А. Фета (1882):

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

13. СХ: «1917, 17/XII». ЭБ: «17 дек<абря>, перед обедом. Только что кончил, пришел Гершензон, радостный: рассказывал о только что (?) изданном декрете о закрытии банков». Декрет о национализации банков был обнародован 14 декаб-

ря 1917 г.. На следующий день Ходасевич писал Б. А. Садовскому: «Верю и знаю, что нынешняя лихорадка России на пользу. Но не России Рябушинских и Гучковых <...>. Будет у нас честная трудовая страна, страна умных людей, ибо умен только тот, кто трудится. <...> К черту буржуев, говорю я» (Н. С. 359–360).

14. СХ: «1915 12/III — 18/XII». ЭБ: «12 марта — 18 дек <абр>. С ужасным трудом писалось и вышло мерзко». Маленькая Хлоя — А. И. Чулкова (см. примеч. к № 8). Хлоя — условное поэтическое имя, восходящее к французской и русской классической стихотворной традиции. Ходасевич пишет в «Парижском альбоме, V»: «Условные имена Делии, Хлои, Темиры, Лилеты и т. д. употреблялись только в стихах, как псевдонимы, заменяющие действительные имена возлюбленных. Эти псевдонимы обычно состояли из столько же слогов, как и настоящие, скрытые имена, и несли ударение на том же слоге. Так, Темира могла заменять, например, Надежду, Хлоя — Анну и т. д.» (Дни. 1926, 4 июля) Ср. «Бегство» самого Ходасевича: «Да, я бежал, как трус, к порогу Хлои стройной...» (1911, СД-2).

15. СХ: «1916 5/VIII Коктебель». ЭБ: «5 авг<уста>, в Коктебеле. Но первые 7 строк — еще в 1912 году, утром в постели, на Знаменке, в тяжелые дни». Знаменка — улица в Москве. В автобиографической заметке «О себе» Ходасевич пишет: «...начиная с весны 1916, когда как-то сразу потряслись надо мной две беды: умер самый дорогой мне человек, С. В. Киссин (Муни), а я сам заболел туберкулезом позвоночника. Тут зашили меня в гипсовый корсет, мытарили, подвешивали и послали в Крым. Прожил месяца три в Коктебеле, очень поправился, корсет сняли. Следующую зиму жил в Москве, писал. На лето 1917 снова в Коктебель» (Новая русская книга (Берлин). 1922, № 7. С. 36–37; СС (96–97)–4. С. 187). *Клонит ко сну* — ср. «Никакой болезни еще не было, но я чувствовал, что меня “клонит к смерти” так же ясно, как чувствовал, бывало, что меня клонит ко сну» (А. Н. Апухтин «Между жизнью и смертью», 1892). На образности этого стихотворения отчасти построена характеристика

Ходасевича в заметке О. Э. Мандельштама «Шуба» (1922; Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 274) и в книге И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 223).

16. СХ: «1917, 3/III–30/XII». ЭБ: «3 марта–30 дек<абря>».

17. СХ: «1916, 7/II». ЭБ: «7 февраля, на Арбате, дома кончил. Снег — огромными хлопьями».

18. СХ: «1916, 16/XI». ЭБ: «16 ноября, утром. После обморока».

19. СХ: «1916, 27/XI». ЭБ: «27 нояб<ря>. Видел это весной 1914 г., на рассвете, возвращаясь в автомобиле с А<нной> И<вановой> и Игорем Терентьевым из ночного ресторана в Петр<овском> Парке». Петровский парк — большой парк в северо-западной части Москвы, у Петербургского шоссе и напротив Ходынского поля. Терентьев Игорь Герасимович (1892–1937) — в то время молодой поэт, знакомый А. И. Чулковой-Ходасевич; Ходасевич рекомендовал его стихи в журналы. Впоследствии — поэт-«заумник», авангардный театральный режиссер и драматург. О нем см.: Никольская Т., Марцадури М. Биографическая справка // Игорь Терентьев. Собр. соч. Bologna, 1988. С. 15–19; Терентьев И. Мои похороны: Стихи. Письма. Следственные показания. Документы. М., 1993.

20. СХ: «1916 12–13/XII». ЭБ: «12–13 декабря. С этих стихов началось у нас что-то вроде дружбы с Мар<иной> Цветаевой. Она их везде и непрестанно повторяла». Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) — история сложных отношений Ходасевича и Цветаевой, а также оценка Ходасевичем ее творчества подробно освещены С. А. Карлинским в статье, предваряющей публикацию ее писем к Ходасевичу (Новый журнал. 1967. Кн. 89). См. также: Цветаева Марина. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 7. С. 463–468. Смоленский рынок находился на нынешней Смоленской-Сенной площади в Москве. Недалеко, в Седьмом Ростовском переулке, Ходасевич с женой жил долгое время в полуподвальной квартире. *Всё к той же чаше / Припал...* — ср.:

«Склонившись тихо, припадем мы / К последней чаше» (Муни, «Как аромат полыни горькой...», 1907). О подтекстах ст-ния см.: Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В. Ф. Ходасевича // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 365–366.

21. СХ: «25/III–17/IV 1918». ЭБ: «25/III–17/IV, насилие выдавил из себя для альманаха Цветлиных («Весенний салон поэтов», где ст-ние впервые было опубликовано в 1918 г. — Дж. М.). 3-ий стих — из какого-то стих<отворения> Муни». Цветлин Михаил Осипович (1882–1945, псевд. Амарі) — поэт и издатель, литературный критик. Вместе с женой Марией Самойловной (1882–1976, урожд. Тумаркиной) имел литературный салон и в Москве, и, после эмиграции, в Париже. В декабре 1917 г. у них состоялся литературный вечер в пользу Ходасевича (см.: Переписка Андрея Белого и М. О. Гершензона / Публ. А. В. Лаврова и Джона Малмстада // In Memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 260–261). Ходасевич начал работать над этим ст-нием (в которое включена строка из несохранившегося ст-ния Муни) во вторую годовщину прощания с Муни при его отъезде из Москвы (см. примеч. 3). *Никитские ворота* — площадь на пересечении Большой Никитской с Тверским и Никитским бульварами.

22. СХ: «1917 июль — 8 дек<абря>. Коктебель—Москва». ЭБ: «Июль. Коктебель — 8 дек<абря>, Москва». См. примеч. 15 и воспоминания племянницы поэта Валентины Ходасевич «Портреты словами» (М., 1987. С. 112–113). *Летейская* — от Лета, река забвения в царстве мертвых (греч. миф.). *Айдесская* — от Айдес (в русской традиции Гадес, Анд) — подземное царство мертвых (греч. миф.).

23. СХ: «25–28/І 1918». ЭБ: «25–28 янв<аря>. Впервые читал на вечере у Цветлиных под “бурные” восторги Вяч. Иванова (с воздеванием рук). Потом с этими стихами ко мне приставали антропософы. Это по-ихнему называется отделением эфирного тела. Со мной это случилось в конце 1917,

днем или утром, в кабинете. 25 янв<аря> написал целиком, днем, и тотчас за ним — “К Анюте”. Один из самых напряженных дней в моей жизни. 28-го только отделал». Вечер у Цетлиных — возможно, вечер «Встреча двух поколений», где в конце января 1918 г. Маяковский впервые читал поэму «Человек». Среди присутствовавших были Ходасевич и Андрей Белый, один из руководителей Московского отделения Российского Антропософского общества, исповедовавшего учение австрийского философа и ученого Рудольфа Штейнера. Художница Маргарита Сабашникова (в замуж. Волошина), другой видный член антропософского движения, также присутствовала на вечере. См. также: Жемчужникова М. Н. Воспоминания о московском Антропософском обществе (1917–1923) // Публ. Джона Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. 1988. № 6. С. 7–53; Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 270–276. Цетлины — см. примеч. 21. Вяч. Иванов — см. примеч. 3. Желтые обои, маска Пушкина — реалии квартиры Ходасевича в Седьмом Ростовском переулке. Салазки по горе. — Дом, где находилась эта полуподвальная квартира, стоит на горе над набережной Москвы-реки.

24. В ПЗ-1 не вошло. СХ: «1919, август». ЭБ: «Август, в Москве, после того, как накануне случилось вторично, но не так отчетливо, в Гирееве, на террасе, утром». Гиреево — см. примеч. 3.

25. СХ: «1917 7/1». ЭБ: «7 янв<аря>, днем, минут в 10–15. Никогда ни до этого, ни после, не писал так легко. Это в сущности “экспромпт”». Эпиграф — из трагедии «Иридион» («Irydion», 1833–1836) Зыгмунта Красиньского (1812–1859). В переводе ее Ходасевичем фраза звучит несколько иначе: «Иди, — уже золото кладем в уста твои, уже мед и мак кладем тебе в руки. Salve aeternum!» (Красиньский С. Иридион. М., 1910. С. 138). (В первой публикации стиха в сб. «Ветвь» эпиграф дан именно в этом переводе.) В 1936 г., отмечая столетие пьесы, Ходасевич написал статью «Иридион» (В. 1936 г., 31 октября). Действие трагедии про-

исходит в годы упадка римской империи при императоре Гелиогабале.

26. СХ: «1918, 3/1». ЭБ: «3 января. Это — о Муни. Он звал меня своей женой. Стихи — как бы к женщине». Муни — см. примеч. 3.

27. СХ: «22/V — 1/VI 1918». ЭБ: «22 мая—1 июня. 2 ноября я ходил к Гершензону. Столяр — пезнакомый, но был. А Петром Ивановичем звали столяра в фотогр<афической> мастерской отца, в детстве. Исправления в конце — в 1927, по совету Степуна (еще в 1918)». Ср. в воспоминаниях «Гершензон»: «В книге “Путем зерна” есть у меня стихотворение “2-го ноября”. Речь идет о том дне, когда, после октябрьского переворота, люди в Москве впервые

Повыползли из каменных подвалов
На улицы.

Дальше — рассказано вкратце, как я ходил к Михаилу Осиповичу» (он жил недалеко от Ходасевича на Никольской улице) (Н. С. 96). Гершензон — см. примеч. 3. Отец — см. примеч. 142. Степун Федор Августович (1884—1965) — философ, историк, социолог культуры, редактор московской газеты «Возрождение», где впервые печаталось это ст-ние (1918 г., 9 июня). Выслан из советской России в 1922 г., преподавал в немецких университетах. Ср. ст-ние самого Ходасевича «Я знаю: рук не покладает...» (1918, СС-1. С. 228; БП. № 365). Пресненская застава... Рогожская... Балчуг... Лефортово — четыре конца тогдашней Москвы. Плющиха — улица на юго-запад от Смоленского рынка.

28. СХ: «19/IV—1/V 1918». ЭБ: «19 апр<еля>—1 мая». Львиный столп... Крылатый лев с раскрытой книгой в лапах. — Гранитный столп, увенчанный скульптурой крылатого льва — символ республики Венеции и ее покровителя Св. Марка — стоит у входа на площадь Пьяццетта ди Сан-Марко на набережной Большого Канала. Ср. описание В. В. Розанова: «Вся Венеция усеяна изображениями льва <...>. Лев венецианский, поставленный на мачтах, на столбах, на каждой безделушке вплоть до спичечной коробки, име-

ет два полуприподнятых крыла и чуть-чуть опустился на передних лапах, как готовый сейчас прыгнуть» (Итальянские впечатления. СПб., 1909. С. 224–225). Этот символ города часто обыгрывается в русской литературе о Венеции. См., например: «Ему же» (1903 или 1904) В. И. Иванова; «Венеция», II (1909) А. А. Блока; «Лагуна» (1973) Иосифа Бродского. Об итальянской поездке 1911 г. см. примеч. 5. Об образе Венеции в стихах Ходасевича см.: История одного замысла // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 568–579.

29. СХ: «13/V 1918». ЭБ: «13 мая, по заказу Осоргина, для “итальянского” номера газеты “Власть народа” (Понедельник Власть народа. 1918, 20 (7) мая. — Дж. М.). Англичанка, впрочем, была в 1911 г., как и все прочее». Осоргин — см. примеч. 2. *Santa Margherita* — большая площадь (campo) в Венеции. *Мостик* — наверное, *Ponte della Chiesa*, через *Rio* (канал) *di Ca' Foscari*, между *Campo Santa Margherita* и *Campo San Pantalon*.

30. СХ: «7/VI 1918–20/II 1919». ЭБ: «20 февр<аля>. Нач<ато> 7 июня 1918. Все так и было, в 1914, в Томилине. Гершензон очень бранил эти стихи, особенно Дария». Томино — дачное место, 24 км на юго-восток от Москвы по дороге на Рязань, где Ходасевич провел лето 1914 г. В очерке «Гершензон» Ходасевич пишет: «За девять лет нашего знакомства я привык читать или посылать ему почти все свои стихи. Его критика всегда была доброжелательна — и беспощадна. Резко, “начистоту” высказывал он свои мнения. С ними я не всегда соглашался, но многими самыми меткими словами о моих писаниях я обязан ему. Никто не бранил меня так сурово, как он, но и ничьей похвалой я не дорожил так, как похвалой Гершензона. Ибо знал, что и брань, и похвалы идут от самого, может быть, чистого сердца, какое мне доводилось встречать» (Н. С. 104–105). *Бродячий серб... обезьяна* — ср. ст-ние И. А. Бунина «С обезьяной» (1906–1907). *Дарий III* (правил 336–330 до н. э.) — персидский царь, разбитый Александром Македонским (356–323 до

н. э.) в битве при Гавгамелах (331 до н. э.). Образ бежавшего Дария восходит к «Тускуланским беседам» Цицерона (кн. V, 34), откуда и был заимствован Петrarкой. *Вожди народа* — см. очерк Ходасевича «Белый коридор» (Дни. 1925. 1–6 ноября; Н. С. 250–267). *И мнилось — хор светил* — ср. ст-ние Ф. И. Тютчева «Сон на море» (1830, ст. 44–46). *В тот день была объявлена война* — 19 июля 1914 г., в 4 часа дня.

31. Не включено в ПЗ-1. СХ: «3–5/VII 1919–12/VI 1920. В первой редакции (1919) — во второй (1920)». ЭБ: «Много раз переделывал. В первой редакции (ужасной) напечатано где-то в Киеве». *Великий Рамсес II* — египетский фараон (1317–1251 до н. э.) Он же — Озимандия (греч.), заглавие знаменитого ст-ния Шелли, известного в то время в переводе К. Д. Бальмонта. *Саламандра* — по средневековым поверьям, животное — дух огня, пламя — ее стихия. Виктор Шкловский привел ст. 65–66 («Меж <так!> воспомина- ньем и надеждой — / Сей памятью о будущем...») в качестве эпиграфа к своей книге «Встречи» (М., 1944), приписывая их Батюшкову.

32. СХ: «24–25/X 1918». ЭБ: «24–25 октября, по возвр<а- щении> из Петербурга, на службе, в моем кабинете во “Все- мир <ной> Литературе”. От скуки. Никакой работы не было, служба и изд<ательст>во только что начинались». «Все- мирная литература» — издательство, организованное по инициативе М. Горького в 1918 г. при Наркомпросе. Осенью 1918 г. Ходасевич посетил Петербург и предложил коллегии издательства несколько томов своих переводов (Н. С. 149). Поскольку большого аванса ему дать не могли, то предоставили пост заведующего московским отделением издательства. В Москве издательство помещалось на Знаменке. Ст. 13–14 — ср. ст-ние «Поэт и толпа» (1828) А. С. Пушкина: «Поэт по лире вдохновенной / Рукой рассеянной бряцал...». Ст. 15–16 ср. со ст-нием 1.

33. СХ: «25/I 1918». ЭБ: «25 янв<аря>. Были такие короб- ки. Последней строфы никто не понял». См. примеч. 23.

34. В книгу впервые включено в *ССт-27* с неверной датой «1920». СХ: «Saarow, 23 нояб<ря> 1922—27 марта 923». ЭБ: «Неправда (примеч. к дате «1920». — Дж. М.): 1923, Saarow. Изменил хронологию, потому что больше подходит к “П<утем> Зерна”, да и плохо для 1923 года».

35. СХ: «5—7/IV 1918». ЭБ: «5—7 апр<еля>. Написал все, кроме ужасного “дорогая” — 5-го, 7-го кончал, чтобы дать в какую-то Эренбургскую газетку». Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, журналист. В те годы сотрудничал в различных московских газетах, в том числе в «Слове», где ст-ние впервые было опубликовано 2 (15) апреля 1918.

36. СХ: «26/II—11/IV 1918». ЭБ: «26 февр<аля>—11 апр<еля>». Сандрильона — Золушка (фр.). Миньона — героиня романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796), а также цикла ст-ний В. Я. Брюсова «К моей Миньоне» (1895).

ДОПОЛНЕНИЯ: ИЗ РАННИХ ИЗДАНИЙ

37. Вошло только в *ПЗ-1*, где следовало после ст-ния «Слезы Рахили». СХ: «1914, весна, вербн<ое> воскрес<енье> (30 марта. — Дж. М.)». По настроению близко ст-нию А. А. Блока «В неуверенном, зыбком полете...» (1910) и ст-нию Муни «И вот достигнута победа...» (1912—1913). См. также статьи Ходасевича: Накануне // Раннее утро. 1909. 25 июня (Подпись: Кориолан); СС-2. С. 66—67; Тяжелее воздуха // Руль. 1909. 14 сентября (Подпись: Гарольд); СС-2. С. 70—71.

38. Вошло в *ПЗ-2*, где следовало после ст-ния «Слезы Рахили». СХ: «Нач<ато> 16/I—17/II 919».

39. Вошло в *ПЗ-1* и *ПЗ-2*, где следовало после ст-ния «Авиатору» (*ПЗ-1*) и «Газетчик» (*ПЗ-2*). СХ: «1915, 6—7/VI».

40. Вошло в *ПЗ-2*, где следовало после ст-ния «Уединение». СХ: «П<етер>Б<ург> 31/III 1921».

41. Вошло в ПЗ-1 и ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Уединение» (ПЗ-1) и после ст-ния «Как выскажу моим косноязычьем...» (ПЗ-2). СХ: «17/1 1919». Стихотворное переложение сказки «Рыбак» (вставная новелла в рассказе Муни «Летом 190* года»). Приводим текст сказки (абзацы отмечены двумя косыми чертами): «Я старик, я — рыбак, и потому не могу объяснить многого из того, что делаю. // Зачем я хочу выгудить солнце с неба? // Привязываю к тончайшей крепкой лесе острый английский крючок, наживляю самой большой звездой и закидываю мою удочку в небесное море. // Мелкая рыбешка — звезды — вертятся вокруг моего лунного поплава. Но мне их не надо. Я хочу поймать солнце. // И каждое утро оно клюет. Я осторожно вывожу его на поверхность и целый день вожу на крепкой лесе. Но я не могу его вытащить: оно такое тяжелое. // И каждый вечер солнце срывается у меня с удочки, заглотив звезду и крючок. // Скоро у меня не останется ни звезд, ни крючков. // Берегитесь! — будет темно» (1907—1908; Киссин С. (Муни). Легкое бремя. М., 1999. С. 120—121; см. там же: С. 186, 368—369). Ср. ст-ние В. А. Жуковского «Рыбак» (1818).
42. Вошло в ПЗ-1 и ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Сладко после дождя теплая пахнет ночь...». СХ: «1914, 19/XI». Ср. ст-ние А. А. Фета «Полно спать: тебе две розы / Я принес с рассветом дня» (1847).
43. Вошло в ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Обо всем в одних стихах не скажешь...». В СХ это ст-ние упоминается, по-видимому, в не дошедшей до нас первой редакции: «Сердце (Я жизнь превращаю в виденье), 1916» и с датой переработки: «29 июня 921 П<етер>Б<ург>». Другая разработка темы — ст-ние «Отчаянье» (1916, БП № 351).
44. Вошло в ПЗ-2, где следовало после ст-ния «В Петровском парке». СХ: «7/XII 1919». Таганка — район Москвы вокруг Таганской площади.

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

Ходасевич писал большинство стихов, вошедших в «Тяжелую лиру» — четвертую книгу своих стихов, после переезда из Москвы в Петроград по приглашению М. Горького. Вот как он описывает петербургскую литературную атмосферу того времени: «В отличие от московской, петербургская литература стояла далеко от властей и ревностно охраняла свою независимость. Сочетание этой внутренней свободы с суровым трагизмом окружающей жизни давало творчеству острый, даже мучительный, но и мощный импульс. Много тому способствовало зрелище самого тогдашнего Петербурга, неизъяснимо величественного и прекрасного своей пустынною тишиной. <...> Три смерти, три бедствия, стряпшиеся одно за другим, — смерть Блока, убийство Гумилева, самоубийство Анастасии Чеботаревской — придали тем годам отпечаток сугубо трагический, но те, на чью долю выпало горестное счастье жить тогда в Петербурге, знают, все-таки, вопреки всему, несмотря ни на что — это было счастье. Этим сознанием они между собою и связаны навсегда, неразрывно» (Книги и люди. «Слава» <рец. на повесть Николая Чуковского > // В. 1935. 15 августа). Первоначальное название задумывавшейся Ходасевичем книги было «Узел»: «Я в последнее время написал 20 стихотворений, и у меня почти готова книга, которая (что не подлежит распубликованию) будет называться “Узел”» (письмо к Б. А. Диатропову от 16 августа 1921 г. // СС (96—97)—4. С. 433). Тем не менее извещения о предстоящем выходе книги появились в хронике ряда литературных журналов и в списке «Стихи Владислава Ходасевича», включенном в ПЗ-2. Окончательное название взято из стиха 91. После безуспешных попыток издать книгу в одном из московских частных издательств, книга была отдана в Государственное издательство, где ТЛ-1 появилась в конце 1922 г.: «...московское издание совершенно негодное: в нем только искажающих смысл опечаток больше 15, стихи не в том порядке и т.д.» (письмо к М. А. Фроману от 14 апреля 1926 г. // СС (96—97)—4. С. 500). 12 октября 1922 г. Ходасевич

писал А. И. Ходасевич из Берлина: «Скажи Сане и Мариэтте <А. Ивичу и М. С. Шагинян >, что “Тяжелую Лиру” я пришлю им в берлинском виде, более полным и с другим порядком стихов. Я ее переделал» (СС (96–97)—4. С. 450). ТЛ-2 вышла в свет в конце 1922 г. (Ходасевич получил первый экземпляр 7 декабря) в издательстве Э. И. Гржебина. При перепечатке в ССт-27 Ходасевич добавил 2 ст-ния, не подвергая текст переработке. В этом издании сборник печатается по тексту ССт-27. В разделе <Дополнения: Из ранних изданий> присоединены 3 ст-ния, входившие в ТЛ-1, но исключенные из ТЛ-2 и ССт-27. Список основных рецензий см.: СС-1. С. 320.

45. СХ: «15/VI 1920». ЭБ: «15 июня, в чудесный летний день, сразу. Всю зиму пробовал — не выходило. Серг<ей> Ив<анович> — Воронков, жил надо мной в 7-м Ростовском». В автобиографической заметке «О себе» Ходасевич пишет: «Зиму 1919–20 г. провели ужасно. В полуподвальном этаже нетопленного дома, в одной комнате, нагреваемой при помощи окна, пробитого — в кухню, а не в Европу. Трое (Ходасевич, А. И. Чулкова-Ходасевич и ее сын от первого брака. — Дж. М.) в одной маленькой комнате, градусов 5 тепла (роскошь по тем временам). За стеной в кухне на плите спит прислуга. С Рождества, однако, пришлось с ней расстаться: не по карману. Колол дрова, таскал воду, пек лепешки, топил плиту мокрыми поленьями. Питались щами, нелегально купленной пшениной кашей (иногда с маслом), махоркой, чаем и сахарином. Мы с женой в это же время служили в Книжной Палате Московского Совета: я заведующим, жена секретарем» (Новая русская книга, 1922. № 7. С. 37; СС (96–97)—4. С. 188). Благовещенье на Бережках — церковь Благовещенья, которая находилась на северном конце Седьмого Ростовского переулка, где тогда жил Ходасевич. Ср. описание творческого процесса, данное в ст-нии, с замечанием в статье Ходасевича «Глуповатость поэзии»: «В поэтическом видении уже обнаруживается начало демиургическое. <...> поэт, не искажая, но преображая, создает новый,

собственный мир, новую реальность, в которой незримое стало зримым, неслышное слышным. Есть каждый раз нечто чудесное в возникновении нового бытия» (СЭ. 1927. Кн. 30. С. 281). Ср. конец стиха Георгия Иванова «Из облака, из пены розоватой...» (1920):

И легкой музыки летит дыханье
Ко мне, таинственное, с облаков.

Но это длится только миг единый:
Вот снова комнатная тишина,
В горошину кисейные гардины
И Каменноостровская луна.

46. СХ: «П<етер>Б<ург>, 9 января 22 г.» ЭБ: «9 янв<аря> 1922. О смерти Муни». *Леди* (во всех редакциях арханчская форма «Лэди») — леди Макбет (см.: В. Шекспир, «Макбет», акт 5, сц. 1). *Триста лет*. — Хотя «Макбет» был написан, вероятно, в 1605–1608 гг., пьеса была впервые опубликована в 1623 г. *Лет шесть* — Муня умер 22 марта 1916 г. О самоубийстве Муни А. И. Чулкова пишет в своих воспоминаниях: «Эта смерть тяжело отозвалась на Владе. Он очень любил Муню, которого можно было назвать его единственным другом, и он мучился и уверял себя, что отчасти виноват в этой смерти <...>. У Влади опять начались бессонницы, общее нервное состояние, доводящее его до зрительных галлюцинаций, и, очевидно, и мои нервы были не совсем в порядке, так как однажды мы вместе видели Муню в своей квартире» (см.: Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 398 (публ. Л. В. Горнунг)).

47. СХ: «2 марта 22, П<етер>Б<ург> (нач<ато> 1917 Москва)». ЭБ: «2 марта — последние 5 строф. Первые 4 лежали с 1917. Кончал наспех, почти начисто, к 3 часам: должен был придти за стихами Копельман. Деньги были очень нужны. После ухода Копельмана отправился на рынок, по оттепели. Купил калоши, которые оказались велики. Засунул в них черновик и поехал (впервые) к Н. (Н. Н. Берберовой. — Дж. М.). В 1923 г., в Берлине, черновик нашел в носке калоши. Няня: Елена Адександровна Кузина, по мужу

Степанова, Тульской губ., Одоевского уезда, села Степанова. Ребенка (2-го) она отдала в Восп<итательный> Дом, где он и умер. Там детей морили. Своим существованием я ему обязан, ибо все кормилицы до этой отказывались меня кормить: я был слишком слаб. Няня умерла, когда было мне лет 14. Всегда жила у нас». Копельман Соломон Юльевич (1881—1944) — совладелец и главный редактор издательства «Шиповник» (после 1917 г. перебазировавшегося в Москву). Автокомментарий к ст-нию — в очерке «Младенчество» (СС(96—97)—4. С. 190—209). Она не знала сказок — этим отличалась от няни А. С. Пушкина Арины Родионовны. Она меня молитвам не учила. — Мать Ходасевича воспитала его католиком (он был похоронен по обряду католической церкви). Иверская — часовня Иверской Божией Матери, стоявшая на западном конце Красной площади, рядом с Историческим музеем. Разрушена в 1929 г., ныне отстроена. «Громкая держава» — «Так вот судьба твоих сынов, / О Рим, о громкая держава!» (А. С. Пушкин, «Цыганы», 1824). Ст. 21 — ср. ст-ние Е. П. Ростопчиной «Голос правды» (1855): «Свой честный подвиг продолжай, / Не утомись в борьбе священной!» Ср. также: «Не требуя наград за подвиг благородный» А. С. Пушкина («Поэту», 1830). Учитель... чудотворный гений — подразумевается А. С. Пушкин. Ст. 29—30 — автоцитата, ср. ст-ние 53. Ходынские гости — более 1300 человек, погибшие на Ходынском поле 18 (30) мая 1896 г. во время торжеств по случаю коронации Николая II.

48. СХ: «1920, 25 сент<ября>» (под названием «Круча»). ЭБ: «25 сентября».

49. СХ: «13/V—18/VI 1920». ЭБ: «13 мая—18 июня. Днем. Вечером пошел к Чулковым, читал Над<ежде> Григ<орьевне>, которая очень восхищалась». Чулкова Н. Г. (1874—1961) — жена Г. И. Чулкова (см. примеч. 2). Психея (греч. миф.) — олицетворение человеческой души, изображалась в виде девушки с крыльями бабочки. В статье «Конрад Валленрод. 1827—1927» (В. 1927. 24 ноября) Ходасевич пишет: «Альдона — не только жена Валленрода, но и его Пре-

красная Дама, его Психея, “большая часть” его самого». Позже, в статье «Иридион» (см. примеч. 25) Ходасевич повторяет это же сопоставление: «...торжествуя победу над политическими врагами, Валленрод теряет Альдону, свою Прекрасную Даму, свою Психею».

50. СХ: «П<етер>Б<ург> 4 янв<аря> 1921» (без названия). ЭБ: «4 янв<аря> 1921. Первое стих<отворение>, написанное в П<етер>Бурге, после выздоровления». Весной 1920 г. Ходасевич заболел фурункулезом, летом побывал в санатории. В конце ноября, следуя совету Горького, переехал в Петроград: «Там поселился в “Доме Искусств”. Сперва снова лежал около месяца. С начала 1921 г. жили сносно» (О себе // Новая русская книга. 1922, № 7. С. 36; СС (96–97)—4. С. 188). Ср. «Душа моя — Элизим теней» (1830-е гг.) Ф. И. Тютчева и начальное двустихие стихов Федора Сологуба: «Мечта души моей, полночная луна, / Скользишь ты в облаках, ясна и холодна» (1900). Ходасевич вел полемику с Н. Н. Асеевым по поводу выражения «горит себе, горит» (см.: Асеев Н. По морю бумажному // Красная новь. 1922. № 4. С. 246; Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина // Беседа. 1923. № 2. С. 185; подробно: СС-1. С. 325).

51. СХ: «П<етер>Б<ург> 4 апреля 1921». ЭБ: «4 апр<еля>. С этого стихотворения внутренне начался для меня период “Тяжелой Лиры”». *Пифийские глаголы* — слова дельфийского оракула, пифии, т. е. жрицы-прорицательницы храма Аполлона в Дельфах.

52. СХ: «4 июня—9 июля 1921 П<етер>Б<ург>». ЭБ: «4 июня—9 июля. О НЭПе. Дважды читал в П<етер>Б<ург> публично; советовали не читать, но я очень кипел. С этого стих<отворения> началась последняя дружба с Белым. Его статья обо мне в “Записках Мечтателей” — главн<ым> образ<ом> — из этого стихотворения». Ходасевич читал свои новые стихи 21 июля 1921 г. на «вечере поэзии» в Доме Искусств. Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) — поэт, прозаик, критик, стиховед, теоретик

символизма. Взаимоотношения двух писателей описаны Белым (Между двух революций. М., 1990. С. 221–223) и Ходасевичем (Н. С. 51–72). По свидетельству Н. Н. Берберовой, «особо было его отношение к Андрею Белому: ни личная ссора в Берлине, в 1923 году, ни “горестное вранье” (по выражению Ходасевича) последней книги Белого — ничего не могло уничтожить или исказить ту огромную, вполне безумную, “силнее смерти” любовь, которую он чувствовал к автору “Петербурга”. Это было что-то гораздо большее, нежели любовь поэта к поэту, это был непрерывный восторг, неустанное восхищение, которое дошло всей своей силой до последних бредовых почей Ходасевича, когда он говорил с Белым сквозь муку своих физических страданий и с ним предвкушал какую-то неведомую встречу» (Памяти Ходасевича // СЗ. 1939. Кн. 69. С. 259). 21 октября 1923 г. Ходасевич писал А. И. Ходасевич из Берлина: «Он <А. Белый> стал мне давно уже противен. Лжет, поливает помоями Л. Д. Блок, всё и всех предаёт и т. д. Впрочем, его очень жаль: это не человек, а червивое яблоко. Жалко — но все-таки тошно» (БП. С. 385–386). Белый посвятил творчеству Ходасевича две статьи: «Рембрандтова правда в поэзии наших дней (О стихах В. Ходасевича)» (Записки мечтателей. 1922. № 5) и «Тяжелая лира и русская лирика» (СЗ. 1923. Кн. 15). Тасс — Торквато Тассо (1544–1595), итальянский поэт. Ср. «Умиравший Тасс» (1817) К. Н. Батюшкова. *Забудься, друг веков. Омир!* — ср. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (гл. 5, строфа XXXVI): «Как ты, божественный Омир, / Ты, тридцати веков кумир!» Омир — устаревшая форма имени Гомера. *Свободный огненный колпак* — красный фригийский колпак времен Великой французской революции. Ср.: «Поэт и толпа» (1828) Пушкина, «Последний поэт» (1835) Е. А. Баратынского и «Псевдопоэту» (1866) А. А. Фета. На оборотной стороне листа с автографом «Из окна» (в архиве И. И. Ивича-Бернштейна) Ходасевич оставил автокомментарий к ст-пиию: «Те ошибутся, кто в нем увидит неприятие Революции. В нем только сердце, оскорбленное, как говорится, в лучших чувствах своих, некото-

рыми предателями Революции, обращается к душе с язвительным искушением. Но в последних двух строчках услышным ответ души, у которой — своя, большая правда» (СС-1. С. 326).

53. Не вошло в ТЛ-1. СХ: «П<етер>Бург, 22 апр<еля> 1921». ЭБ: «22 апр<еля> — кончено, в П<етер>Б<урге>. Начато в 1920, летом, в Москве, и тогда же вчерне написано. Через день издан декрет о вырывании травы с тротуаров и мостовых. Вся Москва ползала на четвереньках и полола траву. Была жара. Жгли сухую траву маленькими кострами. Все было в дыму. У меня было асфальтных плит. В Москве тротуары асфальтные. Трава их вздувает пузырями, а потом вовсе взрывает. В П<етер>Б<урге> я асфальт заменил гранитом». См. письмо А. Белого Р. В. Иванову от 17 июля 1920 г.: «Москва — душна, полна народу, грязи, пыли; мостовая расковырена» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Под ред. А. В. Лаврова и Джона Малмстада. СПб., 1998. С. 207). Ср.: «Им в грядущем нет желанья, / И прошедшего не жаль...» (М. Ю. Лермонтов, «Демон»).

54. СХ: «13 июня 1921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «13 июня, утром. Во время сильного ненастья и подъема воды в Мойке, у окна в Доме Искусств». Вечером или под вечер пришел Белый. Читал только что написанное «Первое Свидание». Ходасевич жил в петроградском Доме Искусств с конца 1920 г., окна его комнаты выходили на угол Невского проспекта и набережной р. Мойки. О своей жизни в нем Ходасевич пишет в очерке «Диск» (В. 1939. 7, 14 апреля; СС (96–97)—4. С 273–283) и в начале эссе «Окно на Невский» («Лирический круг». М., 1922. С. 79; СС (96–97)—1. С. 487 — см. примеч. 83). «Первое свидание» — поэма А. Белого, работа над ней была завершена в Троицын и Духов день (19 и 20) 1921 г. По мнению Ходасевича, это «лучшее из всего, что написано им в стихах. Я был первым слушателем поэмы — да простится мне это горделивое воспоминание» (Н. С. 65). Понт (греч.) — море, обычное клише поэзии пушкинского времени. Ср.: «Носит понт торговли груз» (Е. А. Баратынский, «Последний поэт», 1835).

В последней строфе — автоцитата из ст-ния «Ущерб» (1911, БП № 37).

55. СХ: «15–16 июля <1>921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «15–16 июля». См. в письме к Андрею Белому (конец июля — до 3 августа 1921): «Из стихов, посланных мной вчера, выбросьте то, кот<орое> начинается: “Люблю людей, люблю природу”. Я его никому не показываю, оно “не вышло”, оно огрубляет то, что хотелось написать. Попало в пачку случайно» (БП. С. 387). См.: «Стансы сыну» (1888) К. М. Фофанова: «Люби людей, люби природу...». Ср. письмо Ходасевича к С. В. Киссину от 18 июня / 1 июля 1911 г. из Нерви (Италия): «В семь обедать, а после обеда шляемся мы по городу или взбираемся на гору, что очень нравится Жене <Е. В. Муратовой> и чего терпеть не могу я» (Андреева И. Неуловимое создание. М., 2000. С. 166).

56. СХ: «7 июля 1921 г. П<етер>Б<ург>». ЭБ: «7 июля, после какого-то препирательства с “доброй” Екат<ериной> Павл<овной> Султановой. Я ей тогда наговорил Бог весть чего. Потом пришлось извиняться письменно». Султанова Е. П. (урожд. Леткова, 1859–1937) — писательница, соседка Ходасевича по Дому искусств. «...свояченица К. Е. Маковского, в молодости знавшая Тургенева, Достоевского, сама писавшая в “Русском Богатстве”» (Диск // СС(96–97)—4. С. 277). См. письмо Ходасевича к ней от 8 июля 1921 г. (Вопросы литературы. 1987. № 9. С. 240).

57. СХ: «8–29 июня <1>921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «8–29 июня».

58. СХ: «1 мая <19>22, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «1 мая, утром, в постели, больной, под оглушительный “Интернационал” проходящих на парад войск. Накануне был с Ан<ной> И<вановной> Чулковой на “Жизели”, она плакала все время. Это — мои последние стихи, написанные в России. День был необычайно светлый и теплый. Было очень хорошо в моей комнате с раскрытыми окнами на Мойку». *Жизель* — балет Адольфа Адана (1841), либретто Теофиля Готье; новые постановки Мариуса Петипа в Петер-

бурге (1888) и А. А. Горского в Москве (1911). Две строфы стиха соответствуют двум актам балета. Ст. 1 — ср.: «Слепая страсть, волнуясь, живет...» (К. М. Фофанов, «Стансы», 1888). Ст. 2 — ср.: «В мятежном пламени страстей / Как страшно ты перегорела» (Е. А. Баратынский, «К...», 1824—1825); «В горниле страсти и волненья / Перегоревшая душа» (К. М. Фофанов, «Прежде и теперь», 1886). Ст. 8 — ср.: «...на голубой, лунной сцене Большого театра» (Младенчество // СС(96—97)—4. С. 198).

59. СХ: «14—28 мая 1921 г.» ЭБ: «14—28 мая. Начато в Москве, весной 1920, в отпелель с 4 и 5 строф». Образы пятой строфы восходят к повести Н. В. Гоголя «Вий» (1835). *Темно-лазурная тюрьма* — ср.: «Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму» (А. А. Фет, «Памяти Н. Я. Данилевского», 1886). Ср. в статье (первоначально прочитанной 7 января 1903 г. в виде лекции в Литературно-Художественном кружке) В. Я. Брюсова «А. А. Фет. Искусство или жизнь»: «Но Фет не считал нас замкнутыми безнадежно в мире явлений, в этой "голубой тюрьме", как сказал он однажды» (Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 211; см. также очерк Ходасевича «Литературно-Художественный кружок» (В. 1937. 10 апреля)). Сходное утверждение повторено и в статье Брюсова «Ключи тайн», открывавшей первый номер журнала «Весы» в 1904 г. (Собр. соч. Т. 6. С. 92).

60—61.1. СХ: «23 июля 1921 г., П<етер>Б<ург>». ЭБ: «23 июля 1921, утром. Потом пришлось идти на рынок, продавать селедки пайковые. Последних двух стихов не было. Я их дописал, приложив бумагу к стене какого-то дома, на ходу, по дороге. Возвращаясь с рынка, сочинил частушку о матросе и бляди. Ритм: вихляние се зада:

Ходит пес
Барбос,
Его нос
Курнос.
Мне вчерась
Матрос
Папирос

Принес.

Придя домой, застал у себя Гумилева, и мы пошли налаживать изд-во "Мысль" и продавать 2-ое изд<ание> "Путем Зерна". Конь умчался — на самом деле, по Полицейскому мосту, серый, в яблоках, в ломовой телеге». О продаже селедки и сочинении частушки см. очерк Ходасевича «Торговля» (В. 1937, 27 февраля). Об отношениях Ходасевича с Николаем Степановичем Гумилевым (1886–1921) см. его статьи «Гумилев и Блок» (Н. С. 83–95) и «Гумилев и "Цех Поэтов"» (Сегодня. 1926. 29 августа; В. 1933. 31 августа, под названием «Из петербургских воспоминаний»). Ср. воспоминания А. И. Чулковой-Ходасевич: «Иногда он писал стихи очень быстро, а иногда вынашивал их годами. Бывали случаи, когда мы шли по улице и Владя меня останавливал и, вырвав из записной книжки листок, писал на моей спине пришедшую в этот момент строчку. А иногда ночью он будил меня и просил встать и записать несколько строк» (см.: Новобасманная, 19. М., 1990. С. 397 / Публ. Л. В. Горнунга). Полицейский мост — мост через Мойку, прямо под окнами комнаты Ходасевича в Доме Искусств.

2. СХ: «Бельское Устье. 11 авг<уста> 1921». ЭБ: «11 авг<уста> в Бельском Устье. В этот день я узнал о смерти Блока». Ходасевич провел август-сентябрь 1921 г. на даче в Бельском Устье, в Порховском у<езде>, Псковской губ., в колонии "Дома Искусств". Отъедался вообще и объедался фруктами. Много писал стихов с середины лета 1921 до февраля 1922» (О себе // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 36–37; СС(96–97)–4. С. 189; опечатка «в Покровском у<езде>» исправлена по автографу в Бахметевском архиве при Колумбийском университете, Нью-Йорк). О смерти Блока Ходасевич узнал из письма Андрея Белого (СЗ. 1934. Кн. 55. С. 256–258; Литературное наследство. Т. 92, Кн. 3. М., 1982. С. 814). См. также: Н. С. 94–95. Апокалипсические образы в ст. 6–12 заимствованы из «Откровения» Иоанна Богослова (8, 10–12): «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда <...>. Имя сей звезде польнь; и тре-

тья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их...».

62. СХ: «Москва, 12 окт<ября> 1921 г.» ЭБ: «12 окт<ября>, в Москве, гостил у Миши. На Хелиной зеленой кушетке. Было тепло, натоплено, уютно. В Москве меня захвалили за всякие стихи». Миша — Михаил Фелицианович (1865—1925), старший брат поэта, знаменитый московский адвокат, отец художницы Валентины Ходасевич. Хеля (Елена) — его жена. *Грубой жизнью оглушенный* — ср. ст-ние А. С. Пушкина «Предчувствие» (1828): «Бурной жизнью утомленный...». В. В. Вейдле в статье «Поэзия Ходасевича» указывает на эту параллель среди других примечательных реминисценций Ходасевича из Пушкина (СЭ. 1928. Кн. 34. С. 455; Русская литература. 1989. № 2. С. 150). Строфа 3 — ср. детские воспоминания поэта: «Первое воспоминание относится у меня к очень ранней поре: никак не позже, чем к лету 1888, а может быть, даже к лету 1887 года, — к тому времени, когда я еще не умел ходить или ходил очень плохо. <...> Няня держит меня на руках. Мы с ней стоим в Петровском-Разумовском на плотине, у входа в парк. За спиной у нас пруд, а перед нами — просторное болото. <...> Я сравнительно часто бывал в Петровском-Разумовском. <...> С Разумовском вообще связаны мои ранние воспоминания» (Младенчество // В. 1933. 12 октября; СС (96—97)—4. С. 193—194). *Петровское-Разумовское* — дачная местность недалеко от Москвы. Ср. «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840) М. Ю. Лермонтова.

63. СХ: «19 окт<ября> <1>921 г., П<етер>Б<ург>». ЭБ: «19 окт<ября>. По возвр<ащении> из Москвы. Накануне получил книгу Г. Иванова “Сады”». Третья книга стихов Георгия Владимировича Иванова (1894—1958), «Сады», вышла в издательстве «Петрополис» в Петербурге в 1921 г. Первая строфа развивает тему ст-ния Иванова «Я вспомнил о тебе, моя могила...» («Сады»): «Мой милый друг, мне ниче-

го не надо, / Вот я добрел сюда и отдохну». Ходасевич считал Иванова эпигоном акмеизма и последователем «прекрасной ясности» М. А. Кузмина (ср. рифмы у Ходасевича в ст. 5–6). В рецензии на «Отплытие на остров Цитеру» Иванова (1937) Ходасевич таким образом сформулировал свою оценку стихотворное творчество Иванова: «...не изменяющее Иванову чувство изящного почти возмещает ту самобытность, ту поэтическую первоизданность, которой ему недостает» (В. 1937. 28 мая). О сложных отношениях двух писателей см.: Георгий Иванов и Владислав Ходасевич // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 376–391.

64. Не вошло в ТЛ-1. СХ: «Misdroy, 17–18 авг<уста> 1922» (без названия). ЭБ: «17–18 авг<уста>, в Misdroy. Начато еще в Петербурге, перед отъездом». Мисдрой (теперешний Миздройце) — курорт на Балтийском побережье. Ст. 11–12 — ср. ст-ние Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (1832):

И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

65. СХ: «Бельское Устье, 17 сент<ября> 1921». ЭБ: «17 сент<ября>, в Бельском Устье. Никак не мог придумать продолжения. Оставил 4 стиха, увидав, что продолжать и не надо».

66. СХ: «10 июня 1921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «10 июня, утром, в постели. Я был в ужасном состоянии. Хотел бежать из России, покончить с собой». Ст. 3–4 — ср. у Платона: «Когда прорезываются зубы, бывает зуд и раздражение в деснах — точно такое же состояние испытывает душа при начале роста крыльев: она вскипает и при этом испытывает раздражение и зуд, рождая крылья» (Федр / Пер. А. Н. Егунова // Платон. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 187). Апаш (франц.) — хулиган, бандит.

67. СХ: «18—24 июня 1921 г., П<етер>Б<ург>». ЭБ: «18—24 июня. Кончал (посл<едняя> строфа) у раскрытого окна, вскочив с постели, в одной рубашке. Утро было ослепительное, но дул сильный ветер». Ср. ст-ние «Ласточка» (1792, 1794) Г. Р. Державина, «Ласточки» (1856) А. Н. Майкова (ст-ние, которое в своей молодости Ходасевич продекламировал самому автору; см.: Парижский альбом, VI // Дни. 1926. 11 июля), и «Ласточки» (1884) А. А. Фета:

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

(ср. также «крылом остроугольным» у Ходасевича и «молниевидного крыла» у Фета). Ср. в воспоминаниях о Муні: «Мы были только неопытные мальчишки, лет двадцати, двадцати с небольшим, нечаянно зачерпнувшие ту самую каплю запредельной стихии, о которой писал поэт» (Н. С. 75). Это же ст-ние цитировалось Брюсовым 7 января 1903 г. в его лекции о Фете (см. примеч. 59). На образах этого ст-ния построен конец статьи Андрея Белого «Рембрандтова правда в поэзии наших дней (О стихах В. Ходасевича)»: «Пока вся кровь не выступит из пор, не станешь ты поэтом правды» — хочется перефразировать Ходасевича. <...> Про Ходасевича говорят: “Да, и он поэт тоже”... И хочется крикнуть: “Не тоже, а поэт Божьей милостью, единственный в своем роде”. И он может сказать языком Баратынского о характере музыки своей, что красавицей ее не назовут, но что она поражает “лица необщим выраженьем”. И это “необщее выраженье” — тeneвая, суровая Рембрандтова правда штриха: духовная правда!» (Записки мечтателей // 1922. № 5. С. 139).

68. СХ: «П<етер>Б<ург>, 11 января <19>22 г.» ЭБ: «11 январ<я> кончил: последние 3 стиха. Начато еще весной <1>921». «В ту пору (1921 г. — Дж. М.) и я носил пенснэ» (Поездка в Порхов // В. 1935. 16 мая). В письме от 27 января 1923 г. Гершензон писал Ходасевичу: «А больше

всех мне понравилось искание пенснэ или ключей, — до восторга. Серьезно, это, по-моему, лучшее в книжке» (СЗ. 1925. Кн. 24. С. 229; De visu. 1993, № 5. С. 31). См. также: «...есть у Ходасевича стихи, к которым он сам, видимо, не прислушивается. <...> это стихотворная записка: “Перешагни, перескочи...” — почти розановская записка, с бормочущими домашними рифмами, неожиданно короткая — как бы внезапное вторжение записной книжки в классную комнату высокой лирики» (Тынянов Ю. Н. Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 173).

69. СХ: «П<етер>Б<ург>, 21–25 мая 1921». ЭБ: «21–25 мая (число «25» подчеркнуто. — Дж. М.), ночью, в постели». Червяк — ср. «Червяк, раздавленный судьбой...» (1884) С. Я. Надсона.

70. СХ: «5 ноябр<я> <1>921 г., П<етер>Б<ург>». ЭБ: «5 ноября, в сумерки, по дороге на Кроновверкский». Кроновверкский — см. примеч. 80.

71. СХ: «8 ноября <1>921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «8 ноября. Никто этих стихов не понимает». Вакх (греч. миф.) — бог растительности, покровитель виноделия и веселья; бог исступления и — по Ницше и (вслед за ним) В. И. Иванову — дух музыки, из которого родилась греческая трагедия. Как метафора поэтического вдохновения образ Вакха часто встречается в поэзии.

72. СХ: «Бельское Устье, 16 авгус<та>–30 окт<ября> <1>921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «30 окт<ября>, П<етер>Б<ург>». Начато в Бельском Устье, 16 авг<уста>, в виде шуточных стихов, в письме к Бор<ису> Диатропову. Потому и игра слов: *высоких слов... но грудь высока*. В своих воспоминаниях А. И. Ходасевич пишет: «Еще у него была большая симпатия к Борису Александровичу Диатропову (1883–1942 — Дж. М.), который не был ни поэтом, ни писателем, но был умным человеком, большой культуры и тонкой души. Владя с ним охотно встречался, спорил, играл в шахматы и переписывался» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 409 (публ.

Л. В. Горнунг)). В письме к нему от 16 августа 1921 г. из Бельского Устья Ходасевич описывает имение, его окрестности и жителей, особенно молодежь: «Девушки: жена агронома, штук 6 учительниц из школы (ученость не сочетается с красотой и здесь, как в других местах), какие-то две зубастые порховитянки, еще кто-то, еще какие-то и — она: дочь кучера, ставшего земледелом. Однако не в кучере дело: (следуют первые восемь строк стиха. — Дж. М.). Конечно, о сей особе я мог бы для себя написать сто поэм, по длине равных Барсовой Коже, но сейчас не выйдет, и Вам не занятно» (СС(96–97)—4. С. 433). *Барсовая Кожа* — «Витязь в барсовой шкуре» (или «Витязь в тигровой шкуре»), поэма грузинского поэта XII в. Шота Руставели. См. также воспоминания А. И. Ходасевич (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 403); Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 96–98. *Ангел Падения* — Люцифер, утренняя звезда. Ср. стих «Калмычке» (1829) А. С. Пушкина и «Лиде» (1821, 1826) Е. А. Баратынского.

73. СХ: «П<етер>Б<ург>, 31 дек<абря> <1>921». ЭБ: «П<етер>Б<ург>. 31 декабря. Кончил, поехал в Дом Литераторов на встречу Нового Года. Сидел за столом с Замятинскими, Чуковскими, Слонимским и Н. <Н. Н. Берберовой>. С этого вечера и началось». Замятин Евгений Иванович (1884–1937) — прозаик, драматург, критик; его жена — Людмила Николаевна (урожд. Усова, 1883–1965); Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич, 1882–1969) — писатель, критик, переводчик; его жена — Мария Борисовна (1880–1955); Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972) — прозаик, в те годы начинающий писатель; Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — в те годы начинающая поэтесса, ставшая третьей женой Ходасевича. О вечере см.: Чуковский К. *Дневник 1901–1929*. М., 1991. С. 185; *КМ*. С. 170–173. О Бельском Устье см. в письме к Б. А. Диатроптову от 16 августа 1921 г.: «Обсуждаю вопросы об урожае <...>. Собственно, у нас не одно имение, а два: Бельское Устье, где живем мы + старушка Леткова (любовь Михайловского) с сыном + художник

Милашевский, — и Холомки в 2-х верстах отсюда. Сам живут Добужинские и Чуковские. Все это — в 15 верстах от Порхова, Псковской губернии, на берегу реки Шелони. У нас лучше, хотя в Холомках роскошный дом — а у нас какая-то разгромленная дыра. <...> Зато у нас великолепный вид, верст на 15 вдаль, у нас церковь и кладбище в ста шагах, у нас аисты, радуги, паровая мельница, агроном, мастер по части жестоких романсов...» (СС(96–97)–4. С. 431–432). См. также письмо к В. Г. Лидину от 27 августа 1921 г. (Там же. С. 434). *Леткова-Султанова Е. П.* — см. примеч. 56. *Милашевский Владимир Алексеевич (1893–1976)* — художник, автор книги воспоминаний «Вчера, позавчера...» (М., 1989), где писал о Ходасевиче и о жизни в Бельском Устье (С. 225–236). *Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957)* — живописец, театральный художник, близко связанный с «Миром искусства», мемуарист; его жена — *Елизавета Осиповна (урожд. Волькенштейн, 1874–1965)*. *Туберкулез* — в 1916 г. Ходасевич заболел туберкулезом позвоночника. Ст. 25–26 — ср.: «У Ходасевича на лбу была неизлечимая экзема, которую он прикрывал челкой. Он считал ее той печатью, которой Бог отметил Каина — угрюмого неудачника — в знак его отверженности» (Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 97). Ср. «Ангел Паденья» в ст-нии «Лиде».

74. СХ: «4 дек<абря> <1>921. П<етер>Б<ург>». ЭБ: «4 дек<абря>, днем». Ст. 1 — ср. ст-ние «Ночной зефир...» (1824) А. С. Пушкина.

75. СХ: «4–6 фев<ря> <19>22, Москва». ЭБ: «4–6 фев<ря>, в Москве, у Миши, в ожидании гостей и преферанса (число «4» подчеркнуто. — Дж. М.)». Миша — старший брат Ходасевича (см. примеч. 62). Ходасевич был страстным игроком и считал, что стиль игры много говорит о человеке (Н. С. 39–40, 154). Одно время он собирался писать книгу (но так и не написал) о русских писателях и игре в карты; см. сноску к статье «Пушкин, известный банкомет» (В. 1928, 6 июня): «Эта статья представляет собою часть подготовительного материала к работе об «Игроках в литера-

туре и в жизни”, которая появится в журнале “Современные Записки”. К пониманию ст-ния многое дает письмо к А. И. Ходасевич от 3 февраля 1922 г.: «Офелия гибла и пела» — кто не гибнет, тот не поет. Прямо скажу: я пою и гибну. И ты, и никто уже не вернет меня. Я зову с собой — *погибать*. Бедную девочку Берберову я не погублю, потому что мне жаль ее. Я только обещал ей показать дорожку, на которой гибнут. Но, доведя до дорожки, дам ей бутерброд на обратный путь, а по дорожке дальше пойду один. Она-то просится на дорожку, этого им всем хочется, человечкам. И потом не выдерживают» (СС(96–97)—4. С. 441). См. также цитируемое в письме ст-ние А. А. Фета «Офелия гибла и пела...» (1846).

76. СХ: «П<етер>Б<ург>, 1921 2–5 дек<абря>». ЭБ: «2–5 дек<абря>. Перед тем куда-то ходил ночью по Фонтанке. Это — угол Фонтанки и Невского. Крылья — эскиз (акварель) Иванова “Благовещенье” (Румянц<евский> Музей)». «Благовещение» (акварель, белила, 1850-е годы) А. А. Иванова (1806–1858) ныне находится в Третьяковской галерее. Это, м. б., единственное ст-ние Ходасевича в традиции «двухликого, мрачного, демонического Петербурга» (Северное сердце // В. 1932, 19 мая; СС(96–97)—2. С. 224–226). Ср. «моторы»/«автомобили» у Андрея Белого в романе «Петербург», у А. А. Блока в ст-нии «Шаги командора» (1912), у О. Э. Мандельштама в стихах 1916–1920-х гг. (сб. «Tristia») и самого Ходасевича в ст-нии «Из окна» (№ 61). Ср. также ст-ние «На улице моторный фонарь...» (1925) М. А. Кузмина.

77. СХ: «23 марта <19>22, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «23 марта. История с проволокой. Стихи плохи». Н. Н. Берберова вспоминала: «...В. Ф. Ходасевич вышел встречать меня на угол Морской улицы, к гостинице “Астория”, когда я вечером в темноте по глубокому снегу возвращалась с Галерной, где тогда помещалось отделение русской литературы Зубовского института (позже — Института Истории Искусств), к себе домой на Кирочную (теперь улицу Салтыкова-Щедрина).

Была вьюга и полный мрак, и я попала в какую-то проволоку, которая по непонятной причине была протянута поперек тротуара. Он распутал проволоку, освободил меня, а потом оборвал кусок ее и сделал из нее для меня браслет. Этот браслет я носила на руке года два, а потом потеряла его, купаясь в Балтийском море» (СС-1. С. 336). См. также: КМ. С. 165–166. Реплика «стихи плохи», возможно, отсылает к нарочитому употреблению неточных рифм ст-ния. Ср. ст-ние А. А. Блока «Всюду ясность Божия...» (1907).

78. В ТЛ-1 и ТЛ-2 не вошло. СХ: «13 апр<еля> <1>922, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «11 апреля, днем, у окна в Доме Иск<усств>». Дата здесь, по-видимому, неправильна; вероятно, Ходасевич ошибся, переписав «11 апреля» из примеч. к предыдущему ст-нию («Старым снам затерян сонник», № 83) в СХ.

79. СХ: «2 ноября <1>921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «2 ноября».

80. СХ: «20–22 ноября <1>921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «20–22 ноября, на Кронверкском, у Вали». Валя — Валентина Михайловна Ходасевич (1894—1970), племянница поэта, театральная художница. В это время жила в квартире Горького на Кронверкском проспекте против Кронверкского сада на Петербургской стороне, за Петропавловской крепостью. См. ее воспоминания «Портреты словами» (М., 1987. С. 121, 125–126). См. также: Ходасевич Валентина и Марголина-Ходасевич Ольга. Неизданные письма к Н. Н. Берберовой. Berkeley, 1979 (куда вошли 15 ее писем). Портрет Ходасевича, написанный ею воспроизведен в журнале «Аполлон». (1916. № 8. Между с. 12 и 13). О тютчевских и пушкинских подтекстах ст-ния см.: Левин Ю. И. Заметки о поэзии Вл. Ходасевича // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1986. Bd. 17. S. 51–52).

81. В ТЛ-1 и ТЛ-2 ст-ние посвящается О. Д. Форш. СХ: «24 окт<ября> <1>921, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «24 окт<ября>, у окна в Доме Иск<усств>». Первой прочел Форш и посвятил ей по ее просьбе. В самом деле, шел первый

снег». Писательница Ольга Дмитриевна Форш (1873—1961) в те годы была соседкой Ходасевича по Дому искусств, описанном ею в романе «Сумасшедший корабль» (1931). В своих воспоминаниях «Диск» Ходасевич оставил ее портрет: «...О. Д. Форш, начавшая литературную деятельность уже в очень позднем возрасте, но с великим усердием, страстная гурманка по части всевозможных идей, которые в ней непрестанно кипели, бурлили и пузырились, как пшенная каша, которую варить она была мастерица. Идеи занимали в ее жизни то место, которое у других женщин порой занимают сплетни...» (В. 1939, 14 апреля; СС(96—97)—4. С. 281). Ср. отзыв о ней в рецензии Ходасевича на книгу М. Л. Слонима «Портреты советских писателей»: «Даже умная по природе, но сбитая с панталыку Форш, изо всех старческих сил поспешающая за событиями и идеями (что выходит несколько непочтено), в сущности только и делает, что “вникает в революцию”. (Она, признаюсь, нередко напоминает мне ту анекдотическую старуху, которая при виде верблюда ахала: ишь, проклятые большевики, что с лошастью сделали!)» (В. 1933. 25 мая).

82. СХ: «30 марта <19>22, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «30 марта. Плохо».

83. СЭ: «11 апр<еля> <19>22, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «13 апр<еля>, Страстная Пятница, кажется; у окна в Доме Искусств». В 1922 г. Страстная Пятница пришлась на 14 апреля. Ходасевич ошибся в ЭБ при переписке даты из СХ. См. примеч. 78. Ср. начало эссе «Окно на Невский»: «Из окна моего виден Невский проспект. Виден не поперек, а вдоль, вплоть до угла Садовой. Под самым окном течет Мойка. Невский пересекает ее, изогнувшись горбом моста, и плавным, прямым, широким разбегом уходит вдаль» (Лирический круг. М., 1922. С. 79; СС(96—97)—1. С. 487). Из его окна также были видны несколько церквей, а «купол храма» и «шестиконечный» крест — вероятно, Казанского собора, находящегося близко от Дома Искусств.

84. Не вошло в ТЛ-1. СХ: «27 марта <19>22, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «27 марта, в постели, больной, под болтовню

С. Бернштейна». Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892–1970) — филолог-лингвист, преподавал в Институте истории искусств (так называемом Зубовском) в Петербурге. В те годы занимался изучением авторского чтения стихов, записывал голоса поэтов. О чтении Ходасевичем собственных стихов он писал в статье «Стих и декламация» (Русская речь. Новая серия. Л., 1927. Вып. 1. С. 17–18). См. также: Бернштейн С. И. Голос Блока / Публ. А. Ивича и Г. Суперфина // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 455; Шилов Л. История одной коллекции // Шилов Л. Звучащий мир. М., 1979. С. 121–145.

85. СХ: «П<етер>Б<ург>, 25 дек<абря> <19>21» (под названием «Цветок»). ЭБ: «25 дек<абря>. Это — конец стихотворения. Начало (3 строфы о фокуснике, берущем из воздуха монеты) — выброшено». Н. Н. Берберова приводит это ст-ние в описании кончины Ходасевича и заключает: «Уходя, он, действительно, каким-то мучительно-изящным движением выпрастывал руку из-под больничного одеяла и, как фокусник (бессознательно), все старался вынуть из воздуха что-то легкое, драгоценное, чтобы уйти с ним вместе туда, где, может быть, по вере его, удалось ему соединиться с матерью, с Белым, с милым другом его Гершензоном, с дальними и близкими, которых он так много терял всю свою жизнь» (Памяти Ходасевича // СЭ. 1939. Кн. 69. С. 261).

86. СХ: «7–10 марта <19>22, П<етер>Б<ург>». ЭБ: «7–10 марта. 7 марта была Н. <Н. Н. Берберова>. Потом пришел Верховский, читал сонеты и пил чай». Верховский Юрий Никандрович (1878–1956) — поэт, переводчик (особенно итальянской поэзии эпохи Возрождения, в том числе сонетов Петрарки), историк литературы, известен работами по поэзии пушкинского времени.

87. СХ: «23–24 апр<еля> <19>22, П<етер>Б<ург>» (под названием «На улице»). ЭБ: «23–24 апр<еля>, днем, под ужасную истерику А<нны> И<вановны>». Майя (санскр. — «магическая сила», «обман») — иллюзия, видимость, как бы покров, накинутый на мир и скрывающий от человека истинную

сущность мира. Ср. «Первое свидание» (1921) Андрея Белого: «Я, Майей мира полонен, / В волнах летаю котильона...».

88. Отсутствует в ТЛ-1. СХ: «Рига, 26 июня <19>22—Берлин, 17 июля <1>922». ЭБ: «26 июня, Рига—17 июля, Берлин. Первые стихи за границей». В конце июня 1922 г. Ходасевич с Берберовой по пути в Берлин пробыли неделю в Риге. См. письмо Ходасевича Б. А. Диатропову от 26 июня 1922 г. (СС(96—97)—4. С. 446).

89. Отсутствует в ТЛ-1 и ТЛ-2. СХ: «Misdroy, 19—20 авг <уста> <1>922». ЭБ: «19—20 авг<уста>, Misdroy». Мисдрой — см. примеч. 64. Ст. 15—16 — ср. ст-ние «Проблеск» (1825) Ф. И. Тютчева: «Ты скажешь: ангельская лира / Грустит, в пыли, но небесах!».

90. В ТЛ-1 не вошло. СХ: «Берлин, 21—23 июля <1>922». ЭБ: «21—23 июля, в Берлине».

91. СХ: «П<етер>Б<ург>, 9—22 дек<абря> <1>921». ЭБ: «Нач <ато> 9 дек<абря>, когда у нас были Щеголевы. Конч<ено> (почти все написано, кроме 1-ой строфы) — 22 декабря, днем. Вечером читал у Наппельбаум. 22-го был сильный мороз, яркий день с синими сумерками. Только что кончил, буквально еще перо в руке держал, — пришел К. И. Чуковский. Прочел ему. Все время помнил, когда писал, Ван-Гога: Биллиардную и Прогулку арестантов, особ<енно> Билл<иардную>». Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — историк, литературовед, редактор и издатель журнала «Былое»; в то время жил в Доме Искусств. Как пишет Ходасевич в некрологе о нем, «он работал преимущественно по истории революционного движения в России и по пушкиноведению» (В. 1931. 29 января). Его жена — Валентина Андреевна (урожд. Богуславская, 1878—1931), актриса. Наппельбаум — семья известного фотографа Моисея Соломоновича Наппельбаума (1869—1958). Две его дочери, Ида Моисеевна (1900—1992) и Фредерика Моисеевна (1901—1958) — поэтессы, члены гумилевского кружка «Звучащая раковина», куда входил и их близкий друг Н. Н. Берберова. О литературном салоне Наппельбаумов и о том, как поэты читали по поне-

дельникам см.: Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 100–111; воспоминания Иды Напсильбаум «Угол отражения» (СПб., 1995) и ее сестры Ольги Грудцовой «Довольно, я больше не играю... Повесть о моей жизни» (Публ. Е. М. Царенковой. Пред. и примеч. А. Л. Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. 1996. № 19. С. 23–24; 114–116; КМ. С. 159–165). Картины В. Ван-Гога (1853–1890) «Биллиардная» (точное название «Ночное кафе», 1883) и «Прогулка арестантов», (1890) находились в московском собрании И. А. Морозова. Обе картины были воспроизведены в журнале «Аполлон» (1912, № 3–4). Описание творческого процесса в этом стихе соответствует тому, что сам Ходасевич писал в прозе, например: «Произведение искусства есть преобразование мира, попытка пересоздать его, выявив скрытую сущность его явлений такою, какова она открывается художнику. В этой работе художник пользуется образами, заимствованными из обычной нашей реальности, но подчиняет их новым, своим законам, сохраняя лишь нужное и отбрасывая ненужное, располагая явления в новом порядке и показывая их под новым углом зрения» (Посмертные произведения: Сб. памяти Семена Юшкевича. Париж, 1927. С. 50). Или: «...поэт, не искажая, но преображая, создает новый, собственный мир, новую реальность, в которой незримое стало зримым, неслышное слышимым. Есть каждый раз нечто чудесное в возникновении нового бытия <...>. Чтобы новое бытие не осталось мертво, поэт придает ему движение <...>. “Попадая в поэзию”, вещи приобретают четвертое, символическое измерение, становятся не только тем, чем были в действительности. То же надо сказать о самом поэте. Преобразуется и он. В написанном от первого лица стихотворении, как бы даже ни было оно “автобиографично”, — субъект стихотворения не равняется автору, ибо события пьесы протекают не в том мире, где возвращается автор» (Глуповатость поэзии. // СЭ. 1927. Кн. 30. С. 281). См. также параллели стиха со двумя из самых важных документов русского символизма: «Песнь жизни» (1907) Андрея Белого (Арабески. М., 1911; перепеч. в кн.: Символизм как миропонимание. М.,

1994) и «О современном состоянии русского символизма» (1910) А. А. Блока (Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5). Подробно см.: СС-1. С. 342–343. В комнате круглой моей — ср. «Моя (комната в Доме Искусств. — Дж. М.), например, представляла собою правильный полукруг. <...> Соседняя комната <...> была совершенно круглая...» (Диск // В. 1939. 14 апреля; СС(96–97)—4. С. 280). Пронзает меня лезвиё — образ восходит, возможно, к «Пророку» (1826) А. С. Пушкина: «И он мне грудь рассек мечом...». Ходасевич собирался назвать один из своих стихотворных сборников «Нож». Орфей — легендарный др.-греч. певец, его музыка укрощала диких зверей и двигала скалы (см. также стихия «Возвращение Орфея» (БП №45) СД, и «Мы» (БП № 407)).

ДОПОЛНЕНИЯ: ИЗ РАННИХ ИЗДАНИЙ

92. Вошло в ТЛ-1, где следовало за ст-нием «День». СХ: «П<етер>Бург, 21 мая 1921».
93. Вошло в ТЛ-1, где следует после ст-ния «Вечер». СХ: «7 ноября <1>921 П<етер>Б<ург>».
94. Вошло в ТЛ-1, где следовало за ст-нием «Март». СХ: «13–16 апр<еля> <1>922 П<етер>Б<ург>». В письме к А. И. Ходасевич от 2 января 1923 г. Ходасевич писал: «...должна быть выброшена "Невеста", попавшая нечаянно. Она очень плоха, и в берлинском издании ее нет» (БП. С. 395).

ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ

Пятая и последняя книга стихов Ходасевича «Европейская ночь» появилась в печати только как составная (третья) часть ССт-27. Заглавие книги взято из ст-ния 101. Впервые мысль о такой книге зародилась у Ходасевича сразу после сдачи в печать ТЛ-1. 6 октября 1922 г. он писал А. И. Ходасевич: «Я, кажется, к Рождеству смастерю цикл, кот<оро>

го> название сообщаю по секрету: “Европейская ночь”. Туда войдут 3 стих<отворения>, посланные Слонимскому, с продолжением “Каина” (первоначальное название цикла «У моря», № 100–103. — Дж. М.), посланным тебе, то, что пишу, и то, что собираюсь написать. Всего будет штук 12, издам книжечкой и пришлю тебе» (БП. С. 396). 2 января 1923 г. ей же Ходасевич писал: «Я сейчас работаю над тем, что должно было называться “Европ<ейская> ночь”, но будет называться иначе» (Там же). В настоящем издании тексты печатаются по ССт-27. Основные рецензии на ССт-27, многие из которых — развернутые («итоговые») статьи о творчестве Ходасевича см.: СС-1. С. 349.

95. СХ: «Chaville, 12 дек<абря> 1925». ЭБ: «12 дек<абря>, Chaville». Шавиль — пригород Парижа возле Версаля, где Ходасевич жил с 1 октября 1925 г. по 4 марта 1926 г., когда он переехал в Париж. В свой «петербургский период» (с конца 1920 г. до середины 1922 г.), который он описывает в этом ст-нии, Ходасевич написал свыше 40 ст-ний. Ст. 9–10 — ср. зачин 8-й главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина:

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

96. СХ: «Saarow, 4 февр<аля>–13 мая <1>923». ЭБ: «4 февр <аля> — 13 мая, Saarow». Saarow — см. примеч. 5. Умен, а не заумен — Ходасевич относился с интересом к поискам эгофутуристов, но резко отрицательно к зауми и культивировавшему ее кубофутуризму; см. его обзор «Русская поэзия» в альманахе «Альциона» (М., 1914; СС(96–97)–1. С. 421–424). Литературная действительность послеоктябрьского периода заставила его отождествить футуристов с большевизмом, и его выпады против них стали резче. См., например, «Парижский альбом, IV»: «Ныне поэзия русская переживает тяжелое испытание. Я бы сказал —

испытание глупости» (Дни. 1926. 27 июня); «Декольтированная лошадь» (В. 1927, 1 сентября (СС(96–97)–2. С. 159–167); и «О Маяковском» (В. 1930. 24 апреля), где он писал, что заумь «свидетельствовала о жуткой духовной пустоте футуристов». См. также письмо Горькому от середины—конца августа 1924 г.: «По-моему, поэзия наша, примерно с 1910—11 года, заметно глупеет. Хуже того: в память былого интеллектуализма она довольно упрямо твердит об одной идее. Но идея эта — давайте глупеть! Начали акмеисты, продолжили футуристы» (СС(96–97)–4. С. 477). Ст. 5–6 — ср.: «И сказал Господь Моисею, говоря: “Скажи сынам Израилевым, и возьми у них по жезлу от колена, от всех начальников их по коленам, двенадцать жезлов <...>. И кого Я изберу, того жезл расцветет. <...> и вот, жезл Ааронов, от дома Левиина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали» (Числа, 17, 1–2, 5, 8). См. также образ жезла Аарона как образ поэта в статье Андрея Белого «Жезл Аарона» (Скифы. Сб. 1. Пг., 1917), а также цветущий жезл в вагнеровском «Тангейзере». *Ключи таинственного сада* — образ, по-видимому, заимствован из лекции-статьи В. Я. Брюсова «Ключи тайн» (1904): «Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери из его “голубой тюрьмы” к вечной свободе» (Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 93). *Ангел, Богу предстоящий* — ср. ст-ние Ф. И. Тютчева «Песнь Радости (Из Шиллера)» (1823): «Насекомым — сладострастье, / Ангел — Богу предстоит». Ст. 16–17 — ср. ст. 25–28 № 47. См. также 1-е послание к Коринфянам, гл. 14.

97. СХ: «Saarow, 24–27 марта <1>923». ЭБ: «24–27 марта. Очень плохо, переправлено, сколько мог, в 1927, в Canpet». Le Canpet (Ле Канне) — городок в Приморских Альпах, неподалеку от городов Канши и Грасс, в котором Ходасевич с Берберовой провели лето 1927 г.

98. СХ: «Берлин, 8 окт<ября> 1922 — Saarow, 10 апреля 1923». ЭБ: «1922, 8 окт<ября> Берлин — 1923, 10 апреля, Saarow».

99. СХ: «Saarow, 19—28 янв<аря> <1>923». ЭБ: «19 фев<р><аля>. В очень ясный день, часа в 3. 28 фев<р><аля>. Вернувшись с прогулки перед ужином. Saarow». По-видимому, Ходасевич ошибся, списывая дату с СХ. Ст. 3 — ср. ст-ние Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» (между серединой 1851 г. и началом 1854 г.): «Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись. очарованье».

100—103.1. СХ: «Misdroy, 15 авг<уста> <1>922». ЭБ: «Misdroy. 15 авг <уста> <1>922. Утром, в постели, в отчаянии». В 1922 г. Ходасевич провел некоторое время (13—27 августа) на морском курорте Мисдрой. Ср. его «камерфурьерский журнал» за 15 августа: «В ресторан. К морю / Письма Ход<асевич> и Вале / Веч<ером> в кафэ» (Бахметевский архив при Колумбийском университете, Нью-Йорк). ...Каин / С экземой между бровей. — После убийства брата Каин был проклят Богом: «Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. <...> И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемирно. И сделала Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4, 12, 15). Знак Каина относится к самому поэту, страдавшему экземой (см. примеч. 73).

2. СХ: «Берлин, 2 сент<ября> <1>922». ЭБ: «2 сент<ября> <1>922, Берлин». Канотье (canotier, франц.) — соломенная шляпа. В статье «Голос "оттуда"» Ходасевич писал: «...признаюсь, я был удивлен, увидев в четвертой книге "Звезды" стихотворение с эпитафией из моих стихов, писанных уже в эмиграции. Уж очень, должно быть, "ударно" выказался советский поэт, если ему позволили нарушить обет молчания! <...> "Под европейской ночью черной / Заламывает руки он. В. Ходасевич"». Стихотворение, о котором он пишет — «Русский иностранец» Н. Л. Брауна. В нем описывается печальная участь русских эмигрантов; это вынудило Ходасевича заявить: «"Он", о котором здесь говорится, не имеет никакого отношения к эмиграции...» (В. 1931. 9 июля).

3. СХ: «Saagow, 9 дек<абря> <1>922—20 марта <1>923». ЭБ: «9 дек<абря> <1>922—20 марта 1923, Saagow. 9 дек<абря> — только 2 строфы. Кончил 20 марта, перед ужином, под разговор Белого с Н. <Н. Н. Берберовой> в соседней комнате. Было очень хорошо писать». Ср. «камерфурьерский журнал» за 20 марта 1923 г.: «Шкловский. Белый. Шкловский. С ним у Горького / Шкловский». В это время Андрей Белый часто навещал Ходасевича и Берберову. См.: Н. С. 68—69; КМ. С. 188—202. *Мария, Заступница, Звезда Морей* — перевод с латыни наименования Богородицы как покровительницы мореплавателей у католиков (Maria, Mediatrix, Maris Stella). Заступницей зовут Деву Марию и православные (см., например, в «Двенадцати» А. А. Блока: «Ох, Матушка-Заступница!»).

4. СХ: «Saagow, 10 дек<абря> <1>922—19 марта 1923». ЭБ: «10 дек<абря> 22—19 марта 1923, Saagow. Кончил тоже на народе: Белый, Шкловский и т. д.». Ср. «камерфурьерский журнал» за 10 декабря 1922 г.: «Ракицкий. Веч<ером> у Горького (карты)»; и за 19 марта 1923 г.: «Гуляли со Шкловским. Шкловский. Горький. Белый. Мар<ия> Игн<атьевна>. Ракицкий. Васильева». Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — прозаик, критик и литературовед. Летом 1922 г. бежал из Петрограда, спасаясь от ареста по делу партии эсеров, и прибыл в Берлин одновременно с Ходасевичем. Осенью 1923 г., по словам Ходасевича, «он выхлопотал себе амнистию и вернулся в Сов<етскую> Россию» (Новый журнал. 1952. Кн. 29. С. 205—206). В воспоминаниях Шкловского дан портрет Ходасевича в петербургском Доме Искусств (Сентиментальное путешествие: Воспоминания. 1918—1923. Л., 1924. С. 135—136).

104. СХ: «Берлин, 14—24 сент<ября> <1>922» (без названия). ЭБ: «14—24 сент<ября> Берлин. Это — о кафе Raager Diele». Кафе Прагер Диле — на Прагер Платц. Ходасевич посещал его 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23 и 24 сентября 1922 г. («камерфурьерский журнал»). Ст. 19—20 соотносятся с легендой об Орфее и его голове, оторванной менадами.

105. СХ: «Берлин, окт<ября> <1>922—Saarow, 24 февр<аля> <1>923». ЭБ: «24 февр<аля> Saarow. Начато еще в октябре <1>922, в Берлине. Было посвящено Белому. М<ожет> б<ыть> это об его пьянстве. Это у меня связано с определенным местом: угол Giesbergstrasse и Ansbacherstrasse». В первой публикации ст-ния в СЭ (1923. Кн. 15) имеется посвящение Андрею Белому. Когда Ходасевич и Берберова приехали в Берлин 30 июня 1922 г., они поселились в пансионе Nürnbergerplatz на Geisbergstrasse, 21; позднее они переехали в пансион Stampe на Viktoria-Luise Platz, 9, в двух кварталах от угла Geisbergstrasse и Ansbacherstrasse. *Как ведьмы, по трое.* — «Об этих наших ночных прогулках по Берлину Ходасевич написал замечательное стихотворение: мы все трое (Ходасевич, Белый, Берберова. — Дж. М.) в нем — как три ведьмы в “Макбете”, — но с песьими головами» (КМ. С. 195). Образ *песьих голов* мог быть заимствован из ст-ния Андрея Белого «Полевой пророк» (1907): «Облечен в лошадиную кожу, / Песью челюсть воздев на чело...». Ср. также: «В моменты закрытия ресторанов по улицам мрачного, буро-серого города валят толпы фокстротопоклонников, фокстротопоклонниц; и медленно растворяются в полуосвещенных улицах Берлина; и делается на сердце уныло и жутко; тогда из складок теней начинает мелькать по Берлину таинственный теневой человечек, с котелком, точно приросшим к голове, придающим последней какую-то звероподобную форму; вам кажется, что это тот самый песьеголовый человек, который встречает вас на древних фресках Египта; там он неизменно сопровождал усопшего в царство теней, на страшный суд к Озирису; тут он, схватив вас под руку, обдаёт вас коньячными испарениями рта <...>. “Песьеголовый” человечек — красноречивое явление умирающей части Берлина; <...> образ смерти ее <Европы>, ее рок» (Белый Андрей. Одна из обителей царства теней. Л., 1924. С. 59—60).

106. СХ: «20—21 июля 1923, Берлин» (без названия). ЭБ: «1923, 20—21 июля, Берлин. Это дочь хозяина пивной на углу Lutherstrasse и Augsburgerstrasse. Там часто бывали с Бе-

лым. Mariechen — некрасивая, жалкая, чем-то напоминала Надю Львову. Белый напивался, танцевал с ней. Толстяк, постоянный гость, любовник хозяйки, играл на пьянино. Хозяин, слепой, играл в карты с другими посетителями. “К Fraülein Mariechen” мы никого не водили кроме Чаброва. Однажды там был Каплун, но не знал, где находится. Это было место разговоров о “последнем”. См.: «<Белый> полюбился в некую Mariechen, болезненную, запуганную девушку, дочь содержателя маленькой пивной; она смущалась чуть не до слез, когда Herr Professor, ломая ей пальцы своими ладонями, отплясывал с нею неистовые танцы, а между танцами, осушая кружку за кружкой, рассказывал ей, то рыча, то шипя, то визжа, все одну и ту же запутанную историю, в которой она ничего не понимала» (Н. С. 67; это история взаимоотношений Белого и Л. Д. Блок). Ср. «Одно время любил заходить я в убогую, тусклую, переполненную вечерами захожими пьяными маленькую пивную; и — наблюдать, как в открытую дверь забегают потрепанные хулиганы, чтоб опрокинуть пред ночью последний коньяк; <...> вот некто потертый и серый, с опухшими веками и в проломленном котелке, — толстячек, именуемый постоянными посетителями герр-директором; <...> вот герр-полицист из участка, играющий в карты с ослепшим владельцем пивной; а вот фрейлейн Марихэн, его очень милая дочка, с утра и до вечера разносящая пиво. <...> Сама дочка слепого хозяина оказалась чуткою с художественною натурою, изучающей в свободные от работы минуты французский язык, литературу, поэзию, музыку; я ей дал почитать перевод моего “Петербурга”, и никогда не забуду я тонкой оценки его от — кого? От служительницы бедной пивной!» (Белый Андрей. Одна из обителей царства теней. Л., 1924. С. 33, 35). Львова Надежда Григорьевна (1891—1913) — поэтесса, застрелившаяся из-за неразделенной любви к Брюсову. Ср.: «Надя Львова была не хороша, но и не вовсе дурна собой. <...> сама она была умница, простая, душевная, довольно застенчивая девушка» (Н. С. 41). Чабров (наст. фамилия Подгаецкий) Алексей Александрович (1888?—1935) — актер (см.: КМ. С. 188, 202—203). Каплун (Сум-

ский) Соломон Гитманович (Германович) (1891—1940) — журналист и политический деятель (меньшевик), заведующий берлинским отделением издательства «Эпоха», выпустившего в 1922 г. восемь книг Андрия Белого, а также журнал «Беседа», выходивший под редакцией Горького, Белого и Ходасевича с 1923 по 1925 г. О дружбе Каплуна и Белого в те годы пишет А. М. Ремизов в «Мерлоге» (см.: Минувшее: Исторический альманах. 1987. № 3. С. 220—221).

107. СХ: «Saarow, 23 дек<абря> <1>922». ЭБ: «1922. 23 дек<абря> Saarow».

108. СХ: «23 марта 1923—10 июня 1923, Saarow». ЭБ: «23 марта — 10 июня. Saarow».

109. СХ: «Saarow, 10 июня 1923—Causway, 31 авг<уста> 1924» (без названия). ЭБ: «10 июня. Saarow. Отделано 31 авг<уста> 1924, в Causway, в Ирландии, в отеле, у моря». Causway — Giant's Causeway, на северном побережье Ольстера. Ходасевич с Берберовой были в Ирландии со 2 августа по 26 сентября, когда они гостили у Натальи Михайловны Кук (Сооке), двоюродной сестры Берберовой, которая жила в пригороде Белфаста Холивуд (Holywood). *Шаляпин Федор Иванович* (1873—1938) — выдающийся русский певец.

110. СХ: «21 сент<ября> 1923, Берлин». ЭБ: «21 сент<ября> Берлин. Видел на Viktoria-Luise Platz. Проследил старика (впрочем, лет 50 с чем-нибудь) до Kurfürstendamm». Ср.: «Западная часть города <Берлина>, особенно бесконечный Курфюрстендамм, оказалась средоточием русских эмигрантов» (Андреев В. Возвращение в жизнь // Андреев В. История одного путешествия. М., 1974. С. 247). *Аид* — см. примеч. 22.

111. СХ: «23 сент<ября>, 1923. Берлин». ЭБ: «23 сент<ября>, Берлин». *Ходи по камню до пяти часов* — ср.: «“Ходи по камню до пяти часов” — характерная особенность берлинской жизни того времени: человек, забывший или потерявший ключ от своего дома, ночью никаким образом не мог попасть в свою квартиру — входные двери накрепко запира-

лись, а дворники или швейцары бывали только в самых богатых домах. Я как-то спросил Ходасевича, что такое "окарино". Он посмотрел на меня с презрением и, блеснув пенсне — его пенсне всегда блестело нестерпимом резко, — сказал: — Итальянская глиняная дудка вроде флейты. Надо знать, — и только-только не добавил "молодой человек"» (Андреев В. Возвращение в жизнь // Знамя. 1969. № 6. С. 104). *Мачехой российских городов* — Берлин в 1921—1923 гг. был самым крупным центром русской эмиграции (свыше 100 000 граждан бывшей русской империи жили в немецкой столице). Ср.: «Берлин оказался чем-то вроде узловой станции, — куда бы ни стремился русский эмигрант, на некоторое время он задерживался в Германии в ожидании "окончательной" визы. Говорили, что русское население Берлина в начале двадцатых годов достигало двухсот или даже четырехсот тысяч человек» (Возвращение в жизнь // Андреев Вадим. История одного путешествия. С. 245—246). См. также письмо Андрея Белого Р. В. Иванову от 18 ноября 1923 г.: «... русских в Берлине — сотни тысяч: квартал Шарлоттенбург немцы называют, шутя, Шарлоттенград» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 254).

112. СХ: «Saarow, 5—10 фев<аля> <1>923». ЭБ: «5—10 фев<аля>». *Не с Богом бился я в ночи...* — Ср.: «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари; <...> И сказал: отпусти Меня; ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. <...> И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Быт., 32, 24, 26, 28). *Москвы бунтарские призывы* — революционные призывы, обращенные Коминтерном к западному пролетариату. О, если бы вы знали сами, / Европы темные сыны... — ср. ст-ние А. А. Блока «Голос из хора» (1914): «О, если б знали вы, друзья, / Холод и мрак грядущих дней!»

113. СХ: «23 июля 1924. Париж». ЭБ: «23 июля, Париж. Последние стихи, посланные Гершензону, из Ирландии. Я

знал, что ему понравятся». Ср.: «Денежные дела заставили меня прожить до августа <1924> в Париже, а потом в Ирландии» (Н. С. 153). Ходасевич послал ст-ние в письме М. О. Гершензону (см. примеч. 3) от 6 августа 1924 г., где и писал: «В Париже я был в первый раз, но не стал ничего смотреть. Музеи отложены на осень. Сейчас — глаза не смотрят. Скажу по правде: даже в Италии, чтобы смотреть на прошлое, мне приходится делать над собой некоторое усилие» (De visu. 1993. № 5. С. 34). 17 августа Гершензон отвечал ему: «Ваши стихи очень хороши, и вы понимаете, как близки мне; стих: “Претит от истин и красот” я мог бы взять эпиграфом к своим письмам “из двух углов”» (СЭ. 1925. Кн. 24. С. 233; De visu. 1993. № 5. С. 35). «Переписка из двух углов» (Пб., 1921) — книга, составленная из писем, написанных Гершензоном и В. И. Ивановым друг другу в июне—июле 1920 г. когда они жили в одной комнате в «здравнице для переутомленных работников умственного труда» (см. примеч. 3).

114. СХ: «19—20 марта 1924. Венеция». ЭБ: «19—20 марта, Венеция. С трудом написал. Начал у Флориана, кончил дома. Плоховато». Ходасевич с Н. Н. Берберовой пробыли в Венеции с 14 по 22 марта 1924 г. См.: «В Венеции Ходасевич был и окрылен, и подавлен: здесь когда-то он был молод и один, мир стоял в своей целостности за ним, еще не страшный. Теперь город отбрасывал ему отражение того, что есть: он не молод, он не один, и никто и ничто не стоит за ним, защиты нет. Голуби на Пьяцце ворковали и носились над нами, пароходик вез нас мимо каменного кружева старых дворцов, “которые так постарели, — говорил Ходасевич, — что сейчас рухнут”» (КМ. С. 250). Ср. письмо Ходасевича М. О. Гершензону от 6 августа 1924 г. «Мы пробыли восемь дней в Венеции, которая, как ни странно, приметно одряхла за тринадцать лет, что я не видел ее. Первое впечатление — гнетущее: прах, пыль, кажется — любой дом можно легонечко растереть между пальцами» (De visu. 1993. № 5. С. 34). *Флориан* — кафе на южной стороне Пьяццы Сан Марко. *Прокурации* — дворцы на северной («Старые») и южной

(«Новые») сторонах площади св. Марка. Ср.: «Газетчики прьбегают под Прокурациями. Во всех окнах бусы, зеркальца, стекло — те наивные блестящие вещи, которые никому не пришло бы в голову продавать или покупать где-нибудь кроме Венеции» (Муратов П. П. Образы Италии. М., 1994. С. 8). *Урсула* — имеется в виду репродукция картины венецианского художника Витторе Карпаччо (1460/5—1525/6) «Сон святой Урсулы» («Il sogno di Sant' Orsola»), одна из девяти сцен из жития святой, написанных в 1490—1495 гг. для Скуолы Св. Урсулы в Венеции и ныне находящихся там в Академии изящных искусств. Картина изображает спящую святую, ее корону и собачку, а также туфли возле кровати; на нее падает свет из открытой двери, в которой стоит ангел, возвещающий ее мученическую кончину. Братья *Алинари* — известная фирма художественных репродукций, венецианская лавка которой находилась на улице (Salizada San Moisè, 1347—1349), выходящей прямо на южную сторону площади св. Марка. Об образе Венеции в творчестве Ходасевича см. примеч. 28.

115. СХ: «Sorrento, 5 марта 1925—Chaville, 27 фев<раля> 1926». ЭБ: «Первые 17 стихов — в Sorrento, в начале 1925 (5 марта). Потом — в Chaville, в феврале 1926. Кончил 27 февр<аля>, наспех, чтобы читать у Цетлиных (обещал). Писал деловито, каждый день, иногда уезжая для этого в Париж, в кафэ Lavenue. Иногда писал с увлечением. По звуку это мои любимые стихи. “Изнутри” — нет, не то. Все так и было, как рассказано». Шавиль — см. примеч. 95. Цетлины — см. примеч. 21. Ср. «камерфурьерский журнал» за понедельник 1 марта 1926 г.: «У Цетлиных (мои стихи; Зайцевы, Бунины, Мержжковские, 4 Познера, 2 Оцупа, Бахрах, Ладинский, Вейдле, Вишняки, Рудневны, Мельгунов, Шмелев...)». В. В. Вейдле пишет об этом вечере в статье «Ходасевич читает “Соррентинские фотографии”» (Тех, кого уже нет // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1976. 20 июня). В статье персплетаются три плана: соррентинские впечатления, воспоминания о жизни в Москве и в Петрограде. О Сорренто см.: «Наконец, в начале октября <1924> мы съеха-

лись с Горьким в Сорренто, где и прожили вместе до 18 апреля 1925 года. С того дня я Горького уже не видал» (Н. С. 153; см. также: КМ. С. 221–229). Горький жил не в самом Сорренто, а недалеко от города, на Капо ди Сорренто, высоко над Неаполитанским заливом, с видом на Неаполь, Везувий, остров Прочида и Каstellамаре на севере. От Сорренто до Амальфи на южном берегу полуострова — недалекая поездка; на Капри — где долго жил Горький до первой мировой войны — также легко добираться на пароходе. *Фотограф-ротозей* <...> *один приятель мой* — сын Горького Максим Алексеевич Пешков (1897–1934), страстный фотограф-любитель и мотоциклист. О мотоциклете: «Иногда Максим сажал одного или двух пассажиров в коляску своей мотоциклетки, и мы ездили по окрестностям или просто в Сорренто — пить кофе» (СЭ. 1937. Кн. 63. С. 274; Н. С. 158). *Домишко низкий и плюгавый* и далее — воспоминания о московской жизни в Седьмом Ростовском переулке. *Как бы сползая ...* — см. примеч. 23. *Полуподвал, гроб* — см. № 27. *Айдецкий* — см. примеч. 22. *А между тем уже с окраин* и далее — описание католического пасхального шествия. *Плеть, багряница* и т. д. — атрибуты распятия Христа. *Денница*. — Хотя Денница одно из имен Люцифера (и в этом смысле часто встречается у символистов), здесь (с прописной буквы) означает наступление Зари — пасхального искупления человечества, и подразумевает в этом контексте Деву Марию. Ср. лат. «Stella Matutine». Ср. сходное употребление в ст-нии А. С. Пушкина «Кольна» (1814): «Денница красная выводит / Златое утро в небеса...» (Ходасевич цитирует это в кн. «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924. С. 35)). *На восьмигранном острие / Золотокрылый ангел* — шпиль Петропавловского собора в Петропавловской крепости в Петербурге. *Огромный страж России царской* — Петропавловская крепость и собор, усыпальница русских царей от Петра I до Николая II.

116. СХ: «Meudon, 1–2 сент<ября> 1925». ЭБ: «1–2 сент<ября> 1925 (стрела от числа 1 к следующей фразе. — Дж. М.). Почти все написал одним духом, вечером, у окна, в

Meudon». Медон — с 14 августа по 21 сентября 1925 г. Ходасевич с Берберовой жили в этом юго-западном предместье Парижа. 21 сентября: «4 ч. переезд в Париж, к Познеру» («камерфурьерский журнал»). 1 октября они поселились в Шавиль.

117. СХ: «18–23 июля 1924. Париж». ЭБ: «18–23 июля, Париж». Эпиграф — первая строка «Ада» в «Божественной комедии» Данте. Первая строфа, в переводе М. Лозинского, читается:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Останкино — подмосковное дачное место. См.: «...с самого раннего детства балет был моей страстью. Подумывали отдать меня в театральное училище, но по болезни я очутился гимназистом, отчего первое время немало страдал. Утешение находил я в том, что сделался усерднейшим посетителем дачных танцулек и всевозможных балов...» (Черепанов // В. 1936. 19 марта; СС(96–97)—4. С. 296). В образности двух последних строф отражается «Ад» дантовской «Комедии»: *пустыня* («gran diserto», I, 64); *пантера* («lonza», I, 32; у Лозинского «рысь», в других русских переводах «леопард»). *Виргилий* — Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.), римский поэт, проводник Данте по Аду и Чистилищу в «Божественной комедии».

118. СХ: «16–21 мая 1924. Париж». ЭБ: «16–21 мая, Париж. Мы жили на Boulevard Raspail, 207, на 5 этаже, ужасно. Писал по утрам в Ротонде». Ротонда (Café-Restaurant de la Rotonde, 105 Boul. du Montparnasse, на углу бульвара Распай) — знаменитое парижское кафе (описанное Э. Хемингуэем, И. Г. Эренбургом и др.), в то время излюбленное место художественной богемы. 18, 19, 20 и 21 мая Ходасевич побывал в кафе («камерфурьерский журнал»). Ст. 1–2 — ср. ст-ние А. А. Блока «Окна во двор» (1906): «Одна мне осталась надежда: / Смотреться в колодезь двора».

119. СХ: «Париж, 2 октября 1926». ЭБ: «2 октября, в Париже, в Closerie des Lilas, потом на Pigalle, с невероятными усилиями. Утром надо было “дозарезу” дать в первый номер “Нового Дома”. Это было воскресенье, омерзительное». Ср. «камерфурьерский журнал» за субботу (не воскресенье) 2 октября 1926 г.: «В Посл<едние> Новости / В Cl. d. L. / На Pigalle». «Клозерн де лила» — в то время литературно-художественное кафе в Париже, на углу бульвара Монпарнас. Пигаль — площадь в Париже, центр ночной жизни Монмартра. «Новый Дом» — литературный журнал, основанный в Париже в 1926 г. четырьмя молодыми эмигрантскими писателями: Ниной Берберовой, Довидом Кнудом, Юрием Терапиано и Всеволодом Фохтом. Во втором номере была помещена статья Ходасевича «Цитаты»; третий и последний номер вышел в 1927 г. *Бедные рифмы* — рифмы, в которых не совпадают опорные (находящиеся перед ударным гласным) согласные. В стихе все рифмы, кроме «таким — пузырьком», — бедные.

120. СХ: «Париж, январь 1927». После этого стиха Ходасевичем была проведена черта через всю страницу и в конце черты написано слово «книга», т. е. ССт-27. ЭБ: «В январе, утром, в темноте, в кафе на Place Daumesnil». Плас Домениль — площадь в Париже, на правом берегу Сены.

121. СХ: «Париж, июнь 1925—Meudon. 17 августа 1925». ЭБ: «Начал в июне, в кафе возле Ecole Militaire, вечером; все вдруг “увидел”, но написал только первые 4 строфы. Кончил в Медоне, 17 августа. Был очень хороший вечер, хотелось писать, как редко». Ecole Militaire — Гос. Военная школа в Париже, фасад которой выходит на Марсово поле. *Мне лиру ангел подает* — автоременисценция: «И кто-то тяжелую лиру / Мне в руки сквозь ветер дает» («Баллада», № 91). Шарло — так во Франции называют Чарли Чаплина. Ст. 19–20 — ср. начало стиха «Ночь» (№ 138). *Венетийский* — венецианский. Ср.: «И вот мы в Италии. Сперва — неделя в Венеции, где Ходасевич захвачен воспоминаниями молодости <...> я знаю, что он сейчас смешивает меня с кем-то прежним, и позже такие строчки, как

Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей, —

мне будет естественно делить с его возлюбленной (Женей Муратовой) 1911 года» (КМ. С. 249). Сюжет конца баллады ориентирован на притчу о бедном Лазаре (Лк., 16, 19—31).

122. СХ: «Париж, 9 марта—19 мая 1926». ЭБ: «9 марта—19 мая. План — еще в Chaville, одновременно с “Соррентинскими фот<ографиями>”. Впрочем, задумано еще в 1923, в Saagow’s». Английский «неизвестный солдат» был похоронен в Вестминстерском аббатстве 11 ноября 1920 г., в присутствии короля Георга V, во вторую годовщину перемирия, окончившего Первую мировую войну. В рецензии на кн. 28 СЗ (где ст-ние впервые было опубликовано) Ю. И. Айхенвальд писал: «Исключительной красотой обладает “Джон Боттом” В. Ф. Ходасевича. Это — в стиле старинной английской баллады выдержанное стихотворение с наивными интонациями, в своем складе и музыке напоминающее слепого музыканта Ивана Козлова. <...> надо отдаться непосредственному очарованию этих замечательных стихов о “неизвестном солдате”, на самом деле составленном из двух солдат, об этом Кто-Нибудь, об этом общем и ничьем Анониме, который, однако, имел когда-то на земле свое имя, свою жену, “Джонову жену”, и свою собственную руку, теперь замененную рукой посторонней. Такого упрека войне, как в этой художественной, полной мысли и чувства балладе, еще до сих пор не было сделано никем» (Руль. 1926. 28 июля). 31 июля 1926 г. Ходасевич написал в ответ: «...по-моему, — благодарить критика за лестный отзыв — значит отчасти унижать его: ведь он пишет не ради удовольствия автора. Но на сей раз позвольте мне сделать как будто то же, да не совсем то: поблагодарить Вас не за похвалу, а за то, что Вы, один из немногих, поняли моего “Боттома”: его смысла, так хорошо и точно услышанного Вами, — не понимают. Впрочем, и в этом случае слово “поблагодарить” не совсем подходит. — Мне было ужасно приятно Ваше упоминание о Козлове» (СС(96—97)—

4. С. 501—502). См. также его письмо к Айхенвальду от 28 октября 1926 г. (Там же. С. 503). Ходасевич в ст-нии пользуется английской балладной строфой, построенной на чередовании безрифменных четырехстопных нечетных стихов с рифмующимися трехстопными четными. Козлов Иван Иванович (1779—1840) — поэт, переводчик; в 1818 г. у него появились признаки паралича ног, а через три года он ослеп.

123. СХ: «Париж, 23 сент<ября> 1925—Chaville, 19 окт <ября> 1925». ЭБ: «23 сент<ября>, Париж: начато в квартире Познера. Был с Бахрахом в театрике на rue de la Gaitée. Кончил в Chaville 21 февраля. Очень хорошие стихи». Дата «21 февраля», судя по СХ и по дате первой публикации (СЭ. 1925. Кн. 26), должно быть, описка. Познер Соломон Владимирович (1880—1946) — секретарь Союза русских журналистов в Париже, отец писателя В. С. Познера. Вернувшись в Париж из Медона 21 сентября 1925 г., Ходасевич жил в квартире Познера до переезда в Шавиль 1 октября 1925 г. Бахрах Александр Васильевич (1902—1985) — критик, журналист. О нем см.: Переписка В. Ф. Ходасевича с А. В. Бахрахом / Публ. Джона Малмстада // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 170—205. Шапокляк (франц.) — складная шляпа-цилиндр на пружинах. *Плывет Полярная звезда* и далее. — Возможно, эти строки перекликаются с образностью 13-й песнью «Рая» Данте. См.: Андреева И. Неуловимое созданые. М., 2000. С. 96—97. *День Четвертый* — согласно Библии, в этот день Бог сотворил небесные светила: звезды, солнце и луну (Быт. 1, 14—19). *Твой мир, горящий звездной славой* — ср. ст-ние «Сны» (1829) Ф. И. Тютчева: «Небесный свод, горящий славой звездной...».

ДОПОЛНЕНИЯ:

СТИХИ 1922—1926, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ССт-27

В этом разделе собраны 13 стихотворений, которые Ходасевич в свое время напечатал, но решил не включать в ССт-27,

а одно (№ 128), опубликовано только посмертно. Все они печатаются по СС-1 и СС-2 («Двор», № 137).

124. СХ: «Москва 1920—Saarow, 18 нояб<ря> <1>922».

125. СХ: «Saarow, 5 февр<аля> <1>923» (под названием «Мысль»).

126. СХ: «Берлин, 4 окт<ября> <1>922—Saarow, 11 февр<аля> <1>923». В примеч. в ССт-61 (С. 222), Н. Н. Берберова сообщала: «На моем экземпляре (страница из журнала («Беседа». 1923. № 1. — Дж. М.)) имеются два варианта, вписанные рукой Ходасевича: 9 строка: вместо “должно быть” — “быть может”. 13 строка: вместо “растущую” — “грозящую»».

127. СХ: «Saarow, 23 апр<еля> <1>923» (без названия). Зачин ст-ния переключается со ст-нием Ф. И. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи!..» (1850).

128. СХ: «Saarow, 25 апр<еля> <1>923». В черновике — эпиграф из чернового наброска «Презрев и голос укоризны...» (1824) А. С. Пушкина: «Иду в чужбину, прах отчизны / С дорожных отряхнув одежд» (зачеркнут). Более ранний черновой набросок ст-ния см.: БП. № 362. Первые две строфы: были опубликованы Н. Н. Берберовой в некрологе «Памяти Ходасевича» (СЭ. 1929. Кн. 69. С. 257); с добавлением третьей строфы: КМ. С. 184. *Восемь томиков* — собрание сочинений А. С. Пушкина в 8-ми томах под ред. П. А. Ефремова (СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903—1905).

129. СХ: «Saarow, 10 июня 1923» (под названием «Отрывок»). Ср. «Послание к Юдину» (1815) А. С. Пушкина: «Доволен скромною судьбою». 14 апреля 1926 г. Ходасевич писал М. А. Фроману: «Зато если у Вас есть “И весело, и тяжело”, “Не жди, не уповай, не верь”, “Доволен я своей судьбой” и “Песня турка” — выбросьте их: это наброски, неудачные, я их выбросил» (СС(96—97)—4. С. 501). Тем не менее, все эти стихи были опубликованы Ходасевичем, а одно из них («И весело, и тяжело...») он включил в ССт-27.

130. СХ: «20 марта 1924. Венеция». Ходасевич не дает традиционного, обычно принятого в его время чтения начальной строки пушкинского наброска: «Ночь светла; в небесном поле...». Он пользовался восьмитомным собранием сочинений Пушкина (см. примеч. 128), где в первом томе читаем: «В голубом эфира поле / Блещет месяц золотой...» (С. 479). Зачин его стиха оказался близок к обнаруженному позднее черновому автографу (Цявловская Т. Г. Вновь найденный автограф Пушкина «В голубом небесном поле» // Литературное наследство. Кн. 58. М., 1952. С. 279—286). Ходасевич заменил второй стих на вариант, предложенный П. В. Анненковым и использованный А. Н. Майковым. До Ходасевича опыты окончания этого же наброска Пушкина были предприняты А. Н. Майковым («Старый дождь», 1888: «Ночь светла; в небесном поле / Ходит Веспер золотой...») и С. Головачевским (в кн.: «Мене текел парес». М., 1906), а из современников — Г. А. Шенгели и М. А. Фроманом. В своей рецензии на сборник Головачевского (Золотое руно. 1906. № 5; подпись: Сигурд) Ходасевич привел его «искажение» пушкинских строк (см.: СС-2. С. 28). Ходасевич упомянул Майкова и Головачевского в статье «Египетские ночи» (Ипокрена. 1917. № 2. С. 33); см. также его примеч. к письму Горького к нему (Новый журнал. 1952. Кн. 31. С. 198). *Тассова октава* — ср.: «Но слаще, средь ночных забав, / Напев Торкватовых октав!» («Евгений Онегин», гл. 1, строфа XLVIII), а также стих «Италия» (1831) Е. П. Ростопчиной: «И слышать Тассовых октав волшебный звук...». Имеется в виду песнь венецианского гондольера на текст поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580—1581) Торквато Тассо (1544—1595). *Лидо* — остров-пригород Венеции. Стих вызвал резкую критику у А. И. Куприна — см. его открытое письмо в парижской «Русской газете» от 3 мая 1924 г. Саркастический ответ Ходасевича был опубликован в газ. «Последние новости» (1924. 22 мая). См. также: Сарнов Бенедикт. Ганч или кич? // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 209—227.

131. СХ: «22 августа 1924, Holywood». Holywood — морской курорт, пригород Белфаста (см. примеч. 109).

132. СХ: «Holywood, 8 сент<ября> 1924». По воспоминаниям Н. Н. Берберовой, «Ходасевич считал стихотворение слабым» (ССт-61. С. 222).

133–135. 1. СХ: «Сорренто, 16 февр<аля> 1925» (без названия).

2. СХ: «Сорренто, 18 окт<ября> 1924» (без названия).

3. СХ: «Сорренто, март 1925» (без названия). Стихотворный цикл был написан на вилле «Il Sorito» под Сорренто, где Ходасевич с Н. Н. Берберовой жили в гостях у Горького с начала октября 1924 г. до 18 апреля 1925 г. (см. примеч. 115).

136. Отсутствует в СХ (было опубл. в 1926 г.). Эпиграф взят из баллады Гёте «Крысолов» («Der Rattenfänger», 1804). Ср. разработку этой легенды у В. Я. Брюсова («Крысолов», 1904) и у М. И. Цветаевой («Крысолов», 1925).

137. Отсутствует в СХ (было опубл. в 1926 г.). «Миньон» — опера (1866) Амбруаза Тома (Thomas, 1811–1896); «Кармен» — опера (1875) Жоржа Бизе (1838–1875).

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОВ

В этом разделе — 8 ст-ний, напечатанных самим Ходасевичем при жизни после выхода ССт-27, и 6 ст-ний, опубликованных после его смерти. Тексты печатаются по СС-1.

138. СХ: «Париж, 11 окт<ября> 1927». *Измученные ангелы мои* — см. ст-ние 121.

139. СХ: «Париж, 6 дек<абря> 1927». «Травиата» — опера (1853) Джузеппе Верди (1813–1901).

140. СХ: «14 дек<абря> 1927. Париж» (без названия; ст. 1: «Для вас нет у меня ни слова»). В примечании в ССт-61 Н. Н. Берберова писала: «На моем экземпляре (рукописном) четвертая строка читается: “Друзья минувших лет!” Написано <...> после долгого разговора о символизме и символистах» (С. 223). Ср. написанную вскоре статью «О

символизме» (В. 1928. 12 января; СС(96–97)—2. С. 173–177). Ср. ст-ние «Арион» (1827) А. С. Пушкина.

141. СХ: «Париж, 28 янв<арь> 1928». Опубликовано по-смертно. Ст. 1 — ср.: «Я есмь Алфа и Омега, начало и конец...» (Откр. 1, 8).

142. СХ: «Париж, янв<арь> 1927–3 марта 1928». Ст-ние написано «шестипалым», по словам автора, размером: гекзаметром, так называемым «элегическим дистихом», призванным, как и число строф в ст-нии и число стихов в каждой строфе, обыграть физическую особенность отца поэта, Фелициана Ивановича Ходасевича (ок. 1834–1911), имевшего на левой руке 6 пальцев. Он учился в Императорской Академии художеств в Петербурге. По мнению В. М. Ходасевич, ее дед «талантом не блистал, любил живопись, но плохо в ней разбирался. У него не было чувства цвета и тона» (Портреты словами. М., 1987. С. 22). Бруни Федор Антонович (1799–1875) — исторический живописец, академик, ректор Академии художеств в 1855–1871 гг. Там, где фиванские сфинксы и далее. — Два сфинкса, привезенные из Фив в 1832 г., стоят перед зданием Академии художеств на набережной Невы. Там, где Вилия в Неман... и далее. — Ф. И. Ходасевич познакомился с будущей женой, Софией Яковлевной Брафман (1846–1911), матерью поэта, во время поездки в родную Литву и Польшу. См.: Ледницкий В. Литературные заметки и воспоминания // Опыты (Нью-Йорк). 1953. № 2. С. 166; по его мнению ст. 2–3 второй строфы содержат реминисценции из «Папа Тадеуша» и «Конрада Валленрода» Мицкевича. Шестой — это я. — Ходасевич был последним из шести детей Ф. И. Ходасевича. Скорбь о святом ремесле. / Ставши купцом по нужде... — Отец поэта, всю жизнь мечтавший посвятить себя целиком творчеству художника, должен был зарабатывать себе на жизнь фотографическим ремеслом в Туле (где снимал семью Л. Н. Толстого; см.: Толстая С. А. Дневники. М., 1978. Т. 1. После С. 352) и в Москве (открытая им студия была первой в столице). Мир созерцает художник... и далее (стро-

фа 5 ст. 3—4) — ср. ст. 7—8 ст-ния 94. Прозаический план сохранился: см. СС—1. С. 385—386.

143. СХ: «Париж, 9 марта <1928>» (под названием «Сонет»). Н. Н. Берберова сообщала: «Было задумано как *Tour de force*, как “сонет в четырнадцать слогов”» (ССт-61. С. 223). Ср. ст-ние «Зимняя буря», другой «моносиллабический сонет», написанный Ходасевичем 6 мая 1924 г. (в альбоме В. С. Познера): «Ост / Выл. / Гнил / Мост. / Был / Хвост / Прост, / Мил... // Свис // Вниз: / Вот / Врос / Пес / В лед» (Опыты. 1994. № 1. С. 172).

144. СХ: «Париж, 10—11 мая <1928>» (без названия).

145. СХ: «Париж, 25 марта—28 окт<ября> <1928>» (без названия).

146. СХ: «12 марта—30 апр<еля> 1929» (под названием «С латинского»). Н. Н. Берберова писала: «Сначала называлось “Перевод с латинского”, потом “С латинского”. Ввиду очень личного характера стихов, Ходасевич хотел придать им вид перевода из другого автора. На моей копии есть даже подпись: “Перев. А. Лучинин”» (ССт-61. С. 224). *Кентаврова скорее кровь / В бальзам целебный обратится...* — По греческому мифу, жена Геракла Деянира пропитала его одежду кентавровой кровью; это стало источником мучений, заставивших его броситься в огонь. Ср. ст-ние А. С. Пушкина «Из А. Шенье» (1835): «Покров, упитанный язвительною кровью, / Кентавра мстящий дар...». *Тартар* (греч. миф.) — подземное царство. *Марон* — Вергилий (см. примеч. 117). *Пелион* — гора в Греции, родина кентавров. Условное имя адресата ст-ния отсылает к русской поэтической практике начала XIX в. (см. примеч. 14).

147. Отсутствует в СХ. Датировано по автографу: 2 фев<р> <19>34. Опубликовано посмертно. Н. Н. Берберова писала: «Ходасевич недооценил этих своих стихов при жизни, он считал, что они написаны “на случай”. В 1931 году умер черный кот Мурр, и тогда же были написаны эти стихи» (ССт-61. С. 223). *О коте Мурре и любви Ходасевича*

к кошкам см.: «Младенчество» (В. 1933. 12 октября; СС(96—97)—4. С. 192—193). *Огненная река* — Флегетон, река, опоясывающая подземное царство мертвых (греч. миф.). С воробьем *Катулл* — см. ст-ния Гая Валерия Катулла Веронского (87 или 84 до н. э. — после 54 до н. э.) «Птенчик, радость моей подруги милой...» и «Плачьте, о Купидоны и Венеры...» (Катулл. Книга стихотворений. М., 1986. С. 5 («Лит. памятники»)); условные названия: «К воробью Лесбии» и «На смерть воробья Лесбии». С ласточкой *Державин* — см. элегию Г. Р. Державина (1743—1816) «Ласточка» (1792, 1794).

148. Отсутствует в СХ. Опубликовано посмертно. Черновой автограф имеет дату: «Нач<ато> 13/II <19>34». Ср. ст-ние «Прощанье» (1830) А. С. Пушкина: «В последний раз твой образ милый...».

149. СХ: «21 апр<еля> <19>37. Париж». Опубликовано посмертно. Н. Н. Берберова писала: «Ходасевич не напечатал эти стихи при жизни, т. к. считал, что в них чувствуется какое-то запоздалое настроение “Тяжелой Лиры” и они не гармонируют с тем, что он пишет в данное время» (ССт-61. С. 224).

150. СХ: «20 июня <19>37. Париж» (последнее ст-ние в СХ). Опубликовано посмертно. *Шотландская королева* — Мария Стюарт (1542—1587). В ст-нии имеется в виду фильм по пьесе Максвелла Андерсона «Мария Шотландская» («Mary of Scotland», 1936, режиссер — Джон Форд), с Кэтрин Хэпберн в главной роли. В автобиографии Н. Н. Берберова пишет: «Нашла в бумагах Ходасевича стихи “Нет, не шотландской королевой”. Он не хотел их печатать при жизни. В 1935—36 годах шел в Париже фильм с Кэтрин Хэпберн. Она была на меня похожа (в “Последних новостях” меня этим дразнили). Помню, однажды Ходасевич сказал мне: “Вчера мы были на «Марии Стюарт» и видели твоего двойника. Очень было приятно»» (КМ. С. 482). См. также: Безродный М. Соловьев поединок // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 277—278.

151. Отсутствует в СХ. Опубликовано посмертно, с датой: 1938. *Музика* — музыка (форма, употребительная в поэзии XVIII — начала XIX в.). *Хотинская ода* — «Ода блаженный памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1939 года» М. В. Ломоносова — первое стихотворение, написанное в классической русской, силлаботонической системе стихосложения четырехстопным ямбом. *Камена* (римск. миф.) — муза. Ст. 17–28 — ср. начало ст-ния Г. Р. Державина «Водопад» (1791—1794). *Спондей* — столкновение двух подряд ударных слогов в ямбической стопе. *Пэон* — стихотворная стопа, здесь в смысле — «пиррихий», ямбическая или хорейская стопа с пропуском метрического ударения. Ст. 31–32 — ср. ст. 18–19 ст-ния 96. См.: Хьюз Р. Ходасевич: Ода русскому четырехстопному ямбу // Блоковский сборник XIII (Русская культура XX века: Метрополия и диаспора). Тарту, 1996. С. 170–184.

Алфавитный указатель стихотворений

- 2-го ноября («Семь дней и семь почей Москва
металась...») 61
- Авиатору («Над полями, лесами, болотами...») 76
- Автомобиль («Бредем в молчании суровом...») 106
- Акробат (Надпись к силуэту) («От крыши до крыши
протянут канат...») 45
- Анюте («На спичечной коробке...») 73
- Афродита (Сорретинские заметки, 3) («Сирокко, ветер
невеселый...») 169
- Баллада («Мне невозможно быть собой...») 150
- Баллада («Сижу, освещаемый сверху...») 116
- Бедные рифмы («Всю неделю над мелкой поживой...») 149
- Без слов («Ты показала мне без слов...») 74
- Бельское устье («Здесь даль видна в просторной
раме...») 103
- Берлинское («Что ж? От озноба и простуды...») 129
- «Большие флаги над эстрадой...» 114
- Брента («Брента, рыжая речонка!...») 43
- Буря («Буря! Ты армады гонишь...») 90
- «Было на улице полутемно...» 132
- «В заботах каждого дня...» 47
- В заседании («Грубой жизнью оглушенный...») 95
- В Петровском парке («Висел он, не качаясь...») 53
- «В последний раз зову Тебя: явись...» 181
- Вакх («Как волшебник, прихожу я...») 101
- Вариация («Вновь эти плечи, эти руки...») 59
- «Вдруг из-за туч озолотило...» 124
- Веселье («Полузабытая отрада...») 179
- «Весенний лепет не развежит...» 122
- Вечер («Под ногами скользь и хруст...») 107
- Водопад (Сорретинские заметки, 1) («Там, над отвесною
громадой...») 167

- Воспоминание («Здесь, у этого колодца...») 80
 «Всё жду: кого-нибудь задавит...» (Из окна, 2) 95
 «Всё каменное. В каменный пролет...» 136
 «Встаю расслабленный с постели...» 137
 Встреча («В час утренний у Santa Margherita...») 66
 Газетчик («Вечерние известия!...») 77
 «Гляжу на грубые ремесла...» 115
 «Горит звезда, дрожит эфир...» 104
 Гостю («Входя ко мне, неси мечту...») 91
 Граммофон («Ребенок спал, покуда граммофон...») 173
 Дактили («Был мой отец шестипалым. По ткани,
 натянутой туго...») 174
 Дачное («Уродики, уродища, уроды...») 134
 Двор («Маляр в окне свистал и пел...») 170
 День («Горячий ветер, злой и лживый...») 93
 Джон Боттом («Джон Боттом славный
 был портной...») 152
 «Доволен я своей судьбой...» 164
 Дом («Здесь домик был, Недавно разобрали...») 69
 «Друзья, друзья! Быть может, скоро...» 112
 Душа («Душа моя — как полная луна...») 87
 «Жив Бог! Умен, а не заумен...» 122
 Жизель («Да, да! В слепой и нежной страсти...») 92
 Звезды («Вверху — грошовый дом свиданий...») 158
 Золото («В рот — золото, а в руки — мак и мед...») 59
 «И весело, и тяжело...» 74
 «Играю в карты, пью вино...» 105
 Из дневника («Должно быть, жизнь и хороша...») 145
 Из дневника («Мне каждый звук терзает слух...») 98
 Из окна (1–2) 94
 «Изломала, одолевает...» (У моря, 4) 128
 «Интриги бирж, потуги наций...» 138
 Искушение («Довольно! Красоты не надо...») 88

- Ищи меня («Ищи меня в сквозном весеннем свете...») 60
- К Лиле (С латинского) («Скорее челюстью своей...») 179
- К Психее («Душа! Любовь моя! Ты дышишь...») 86
- «Как выскажу моим косноязычем...» 78
- «Когда б я долго жил на свете...» 92
- Ласточки («Имей глаза — сквозь день увидишь ночь...») 99
- «Леди долго руки мыла...» 84
- «Лежу, ленивая амеба...» (У моря, 1) 124
- Лида («Высоких слов она не знает...») 102
- «Люблю людей, люблю природу...» 91
- Март («Размякло, и раскисло, и размокло...») 110
- Мельница («Мельница забытая...») 44
- «Милые девушки, верьте или не верьте...» 51
- Музыка («Всю ночь мела метель, но утро ясно...») 83
- «На тускнеющие шпиди...» 109
- На ходу («Метель, метель... В перчатке — как чужая...») 52
- «Не верю в красоту земную...» 111
- «Не матерью, но тульской крестьянкой...» 85
- «Не яблом ли четырехстопным...» 183
- Невеста («Напрасно проросла трава...») 120
- «Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно...» (Про себя, 1) 48
- «Нет, не найду сегодня пицци я...» 133
- «Нет, не шотландской королевой...» 182
- «Нет, ты не прав, я не собой пленен...» (Про себя, 2) 48
- «Ни жить, ни петь почти не стоит...» 116
- «Ни розового сада...» 96
- Ночь («Измученные ангелы мои!...») 172
- «Нынче день такой забавный...» (Из окна, 1) 94
- «О, если б в этот час желанного покоя...» 50
- Обезьяна («Была жара. Леса горели. Нудно...») 67
- «Обо всем в одних стихах не скажешь...» 46

- Окна во двор («Несчастный дурак в колодце двора...») 147
- Памяти кота Мурра («В забавах был так мудр
и в мудрости забавен...») 180
- Памятник («Во мне конец, во мне начало...») 174
- Пан (Сорретиинские заметки, 2) («Смотря на эти скалы,
гроты...») 168
- Перед зеркалом («Я, я, я. Что за дикое слово!...») 146
«Перешагни, перескочи...» 99
- Песня турка («Прислали мне кипжал, шнурок...») 167
- Петербург («Напастям жалким и однообразным...») 121
- По бульварам («В темноте, задыхаясь под шубой, иду...») 55
- Под землей («Где пахнет черною карболкой...») 135
«Пока душа в порыве юном...» 166
«Покрова Майи потаснной...» 113
- Полдень («Как на бульваре тихо, ясно, сонно!...») 64
- Порок и смерть («Порок и смерть! Какой соблазн
горит...») 108
- Похороны (Сонет) 177
- Про себя (1–2) 48
- Пробочка («Пробочка над крепким йодом!...») 98
«Психея! Бедная моя!...» 88
«Пускай минувшего не жаль...» 89
«Пустился в море с рыбаками...» (У моря, 3) 126
- Путем зерна («Проходит ссыатель по ровным
бороздам...») 41
- Романс («В голубом эфира поле...») 165
- Ручей («Взгляни, как солнце обольщает...») 42
- Рыбак (Песня) («Я наживляю мой крючок...») 79
«С берлинской улицы...» 130
- Себе («Не жди, не уповай, не верь...») 163
- Сердце («Забвенье — сознание — забвенье...») 80
«Сидит в табачных магазинах...» (У моря, 2) 125
- Скала («Нет у меня для вас ни слова...») 173
«Сквозь ненастный зимний денек...» 149
«Сквозь облака фабричной гари...» 162

- «Сквозь уютное солнце апреля...» 182
- «Сладко после дождя теплая пахнет ночь...» 43
- Слезы Рахили («Мир на земле вечерней и грешной!...») 41
- «Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?...» 119
- Слепой («Палкой щупая дорогу...») 123
- «Слышать я вас не могу...» 119
- Смоленский рынок («Смоленский рынок...») 54
- «Смотрю в окно — и презираю...» 100
- Сны («Так! наконец-то мы в своих владеньях!...») 49
- «Со слабых век сгоняя смутный сон...» 47
- Соррентинские фотографии («Вспоминаешь прихотливо...») 139
- Соррентинские заметки (1—3) 167
- Стансы («Бывало, думал: ради мига...») 97
- Стансы («Уж волосы седые на висках...») 72
- Старуха («Запоздалая старуха...») 81
- «Старым снам затерян сонник...» 111
- «Странник прошел, опираясь на посох...» 108
- Сумерки («Снег навалил. Все затихает, глохнет...») 100
- «Так бывает почему-то...» 86
- «Трудолюбивую пчелой...» 161
- У моря («А мне и волн морских прибой...») 55
- У моря (1—4) 124
- Уединение («Заветные часы уединения!...») 78
- Улика («Была туманной и безвестной...») 112
- Утро («Нет, больше не могу смотреть я...») 53
- Хлебы («Слепящий свет сегодня в кухне нашей...») 75
- Хранилище («По залам прохожу лениво...») 138
- «Черные тучи проносятся мимо...» 161
- Швея («Ночью и днем надо мною упорно...») 51
- Элегия («Деревья Кронверкского сада...») 108
- Эпизод («...Это было...») 56

Я («Когда меня пред Божий суд...») 177

«Я родился в Москве. Я дыма...» 163

«Я сердцеед, шутник, игрок...» 169

Ап Магісчен («Зачем ты за пивною стойкой?..») 131

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия Владислава Ходасевича.	
Вступительная статья Джона Малмстада	5

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПУТЕМ ЗЕРНА

1. Путем зерна	41
2. Слезы Рахили	41
3. Ручей	42
4. «Сладко после дождя теплая пахнет ночь...»	43
5. Брента	43
6. Мельница	44
7. Акробат. <i>Надпись к силуэту</i>	45
8. «Обо всем в одних стихах не скажешь...»	46
9. «Со слабых век сгоняя смутный сон...»	47
10. «В заботах каждого дня...»	47
11–12. Про себя	
1. «Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно...»	48
2. «Нет, ты не прав, я не собой пленен...»	48
13. Сны	49
14. «О, если б в этот час желанного покоя...»	50
15. «Милые девушки, верьте или не верьте...»	51
16. Швея	51
17. На ходу	52
18. Утро	53
19. В Петровском парке	53
20. Смоленский рынок	54
21. По бульварам	55

22. У моря («А мне и волн морских прибой...»)	55
23. Эпизод	56
24. Вариация	59
25. Золото	59
26. Ищи меня	60
27. 2-го ноября	61
28. Полдень	64
29. Встреча	66
30. Обезьяна	67
31. Дом	69
32. Стансы («Уж волосы седые на висках...»)	72
33. Анюте	73
34. «И весело, и тяжело...»	74
35. Без слов	74
36. Хлебы	75

ДОПОЛНЕНИЯ: ИЗ РАННИХ ИЗДАНИЙ

37. Авиатору	76
38. Газетчик	77
39. Уединение	78
40. «Как выскажу моим косноязычьем...»	78
41. Рыбак. <i>Песня</i>	79
42. Воспоминание	80
43. Сердце	80
44. Старуха	81

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

45. Музыка	83
46. «Леди долго руки мыла...»	84
47. «Не матерью, но тульской крестьянкой...»	85
48. «Так бывает почему-то...»	86
49. К Психее	87
50. Душа	87
51. «Психея! Бедная моя!..»	88
52. Искушение	88

53. «Пускай минувшего не жаль...»	89
54. Буря	90
55. «Люблю людей, люблю природу...»	91
56. Гостю	91
57. «Когда б я долго жил на свете...»	92
58. Жизель	92
59. День	93
60–61. Из окна	
1. «Нынче день такой забавный...»	94
2. «Всё жду: кого-нибудь задавит...»	95
62. В заседании	95
63. «Ни розового сада...»	96
64. Стансы («Бывало, думал: ради мига...»)	97
65. Пробочка	98
66. Из дневника («Мне каждый звук терзает слух...»)	98
67. Ласточки	99
68. «Перешагни, перескочи...»	99
69. «Смотрю в окно — и презираю...»	100
70. Сумерки	100
71. Вакх	101
72. Лида	102
73. Бельское Устье	103
74. «Горит звезда, дрожит эфир...»	104
75. «Играю в карты, пью вино...»	105
76. Автомобиль	106
77. Вечер	107
78. «Странник прошел, опираясь на посох...»	108
79. Порок и смерть	108
80. Элегия	108
81. «На тускнеющие шпигели...»	109
82. Март	110
83. «Старым снам затерян сонник...»	111
84. «Не верю в красоту земную...»	111
85. «Друзья, друзья! Быть может, скоро...»	112
86. Улика	112
87. «Покрова Майи потаенной...»	113

88. «Большие флаги над эстрадой...»	114
89. «Гляжу на грубые ремесла...»	115
90. «Ни жить, ни петь почти не стоит...»	116
91. Баллада («Сижу, освещаемый сверху...»)	116

ДОПОЛНЕНИЯ: ИЗ РАННИХ ИЗДАНИЙ

92. «Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?..»	119
93. «Слышать я вас не могу...»	119
94. Невеста	120

ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ

95. Петербург	121
96. «Жив Бог! Умен, а не заумен...»	122
97. «Весенний лепет не развежит...»	122
98. Слепой	123
99. «Вдруг из-за туч озолотило...»	124
100–103. У моря.	
1. «Лежу, ленивая амеба...»	124
2. «Сидит в табачных магазинах...»	125
3. «Пустился в море с рыбаками...»	126
4. «Изломала, одолевает...»	128
104. Берлинское	129
105. «С берлинской улицы...»	130
106. An Mapieschen	131
107. «Было на улице полутемно...»	132
108. «Нет, не найду сегодня пищи я...»	133
109. Дачное	134
110. Под землей	135
111. «Всё каменное. В каменный пролет...»	136
112. «Встаю расслабленный с постели...»	137
113. Хранилище	138
114. «Интриги бирж, потуги наций...»	138
115. Соррентинские фотографии	139
116. Из дневника («Должно быть, жизнь и хороша...»)	145
117. Перед зеркалом	146

118. Окна во двор	147
119. Бедные рифмы	149
120. «Сквозь ненастный зимний денек...»	149
121. Баллада («Мне невозможно быть собой...»)	150
122. Джон Боттом	152
123. Звезды	158

ДОПОЛНЕНИЯ:

СТИХИ 1922—1926, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В «СОБРАНИЕ СТИХОВ» (1927)

124. «Черные тучи проносятся мимо...»	161
125. «Трудолюбивою пчелой...»	161
126. «Сквозь облака фабричной гари...»	162
127. Себе	163
128. «Я родился в Москве. Я дыма...»	163
129. «Доволен я своей судьбой...»	164
130. Романс	165
131. «Пока душа в порыве юном...»	166
132. Песня турка	167
133—135. Соррентинские заметки	
1. Водопад	167
2. Пан	168
3. Афродита	169
136. «Я сердцеед, шутник, игрок...»	169
137. Двор	170

ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОВ

138. Ночь	172
139. Грамофон	173
140. Скала	173
141. Памятник	174
142. Дактили	175
143. Похороны. Сонет	177
144. Я	177
145. Веселье	179

146. К Лиле. С <i>латинского</i>	179
147. Памяти кота Мурра	180
148. «В последний раз зову Тебя: явись...»	181
149. «Сквозь уютное солнце апреля...»	182
150. «Нет, не шотландской королевой...»	182
151. «Не яблом ли четырехстопным...»	183
В. Ф. Ходасевич. Биографическая канва.	
Сост. Дж. Малмстад	185
Примечания	191
Алфавитный указатель стихотворений	257

Владислав Ходасевич

Стихотворения / Сост., подг. текста, вступ. статья, примеч.

Дж. Малмстада — СПб.: Академический проект,
2001 — 272 с. (Новая Библиотека поэта. Малая
серия)

ISBN 5-7331-0139-3

Сборник избранных стихотворений замечательного русского поэта первой половины XX века В. Ф. Ходасевича включает все наиболее значительные его произведения. Полностью представлены «главные» книги Ходасевича: «Путем зерна», «Тяжелая лира», «Европейская ночь». В комментариях использованы архивные материалы.

Художник В. В. Еремин
Художественный редактор В. Г. Бахтин
Технический редактор А. М. Кокушкин
Корректор О. Э. Карпеева

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 10.07.2001.
Формат 70×90/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Академическая.
Усл. п. л. 18. Уч. изд. п. л. 11. Тираж 2000 экз.
Заказ № 4107

Гуманитарное агентство "Академический проект"
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

